СЕМЁН ГРИЛА

ИЛЛЮСТРАЦИИ К КАРТИНКАМ

Санкт-Петербург
2025

УДК 82-32:82-221
ББК 84стд1-447:84стд1-64
Г83

Семён Грила

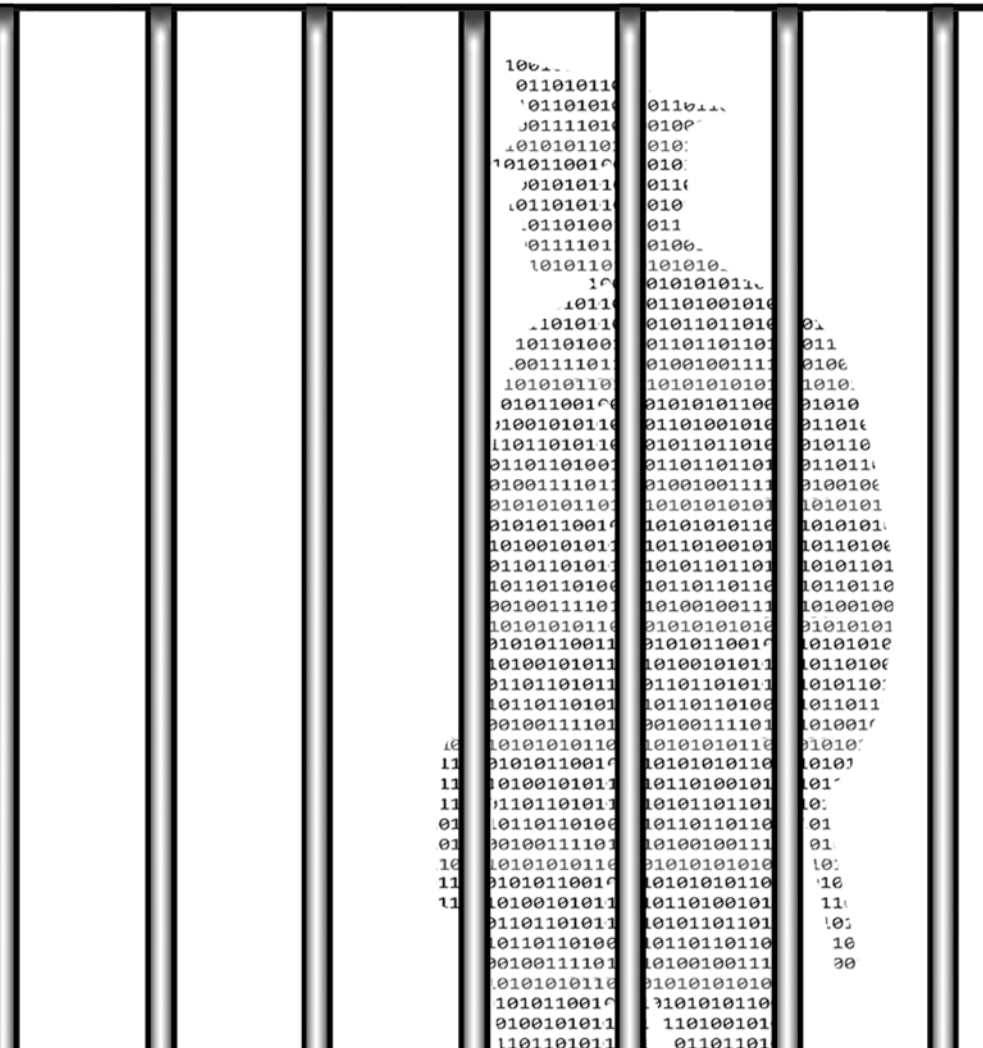
Г21 Иллюстрации к картинкам. Рассказы. — Санкт-Петербург, 2025. — 346 с.

Новый сборник рассказов Семёна Грилы — глубокая и многогранная проза, исследующая человеческую природу через призму философских размышлений, иронии и абсурда. Герои книги — от тайного философа Васнецова, столкнувшегося с бюрократией и искусственным интеллектом, до художницы Софьи, чье творчество становится предметом одержимости,— живут в мире, где реальность переплетается с галлюцинациями, а смыслы рождаются из хаоса. Грила мастерски сочетает психологическую глубину с тонким юмором. Книга для тех, кто ценит интеллектуальную прозу с долей провокации. Семён Грила — автор пьес «Мавзолей» и похороны «Смирнова», романа «Коридоры», фантасмагорических сказок «Антарктида» и «Крокодил».

ISBN 978-5-4391-0985-2

© Семён Грила, 2025.
© Виктор Богорад, иллюстрации, 2025.

несуразный человек



«Идея, что только человеку присуще верховенство разума, устаревший вздор. Я даже обнаружил, что люди гораздо иррациональнее животных».

Карл Юнг

«Вы пишете: „Я не умею жить“. А кто умеет?»

Александр Блок

Надеяться нельзя. Он это знал — и всегда надеялся, ибо был человеком. А люди всегда надеются, даже тогда — и даже больше тогда,— когда уверяют себя или других, что нет.

Другое дело — что человек делает в надежде? Да всё он делает в надежде. Всё. Всё. Всё. Так он считал, и, наверное, он был прав, Степан Сергеевич Васнецов.

Мыслитель

Он хотел развить современную философскую мысль, заполнить пробелы, зияющие после ухода великих и нарастания современных, как теперь принято говорить, вызовов, идущих от развития искусственного интеллекта.

Надеялся ли он? Да. Верил ли он? Нет.

В повседневной жизни он был незаметным, обычным сотрудником Института проблем растениеводства. Оформлял заявки на патенты. А вот вне этого он масштабно мыслил и здорово двигался. Правда, партийность не давала развернуться как следует. Сдерживала.

Интеллект, даже искусственный, мог в сложившихся реалиях быть только партийным.

Это началось еще до научного коммунизма. И вряд ли когда-нибудь будет преодолено. Это Васнецов понимал, но был молод и поэтому наивен. А может, наоборот: наивен — и поэтому молод. Черт их разберет, этих философов.

Итак, всё, что он делал, не могло иметь публичных перспектив по вышеозначенным причинам, но Степана Сергеевича это не останавливало.

Нет, опять не так. Он пытался и много раз говорил себе и обещал даже все бросить. И бросал. Но это все как-то незаметно возвращалось, как беспризорный кот. Бах — и он опять бродит рядом с тобой. Или лежит возле. Как? Когда? Нет ответа. Сознание молчит, а подсознание и подавно.

Вот примерно так он и бродил сам — эдаким котом за своей страстью.

Нет, страсть — слишком кричащее название. Нет, он бродил с самим собой, придумывая и продумывая, писал что-то — и потом всё снова. Так растет дерево. Не вдруг, а то весело, то мучительно, а то и никак.

Предположения

Из работы товарища Васнецова С. С.:

«Попытки развития искусственного интеллекта как внеидеологического конструкта разобьются об обычные действия системы, которая постоянно ищет риски неповиновения объекта управления и, следовательно, включает контроль как базовый элемент разрешения на те или иные самостоятельные действия.

Следовательно, все возможности серфинга и межмодального превращения и обмена невозможны, это приведет к фрагментации поля искусственного интеллекта на манер страновых границ или будет, возможно, полностью совпадать с ними.

При таком будущем развитие будет происходить на малых скоростях, а любые акселерации будут гаситься действиями конкурентов. Системы будут глушить друг друга, следить друг за другом, копировать худшие практики контроля и уходить от созидательного взаимодействия».

Коллеги

Васнецова сотрудники страшно любили. Он был милым, безотказным и не мешал.

Среди внерабочего общения у него был один человек, с которым он делился своими настоящими замыслами. Звали его Игорь Моисеевич, он был журналистом, впрочем, какие теперь журналисты, но человек он был хороший — в том смысле, что не отказывал Степану Сергеевичу в его таланте и охотно спорил с ним по интересующим темам.

Вот и теперь они жарко спорили битый час, сидя на солнышке в скверике рядом с институтом.

— Прости меня, Степан, но это чушь — пытаться нынче витать в надтрадиционных сферах. Все,

ты слышишь, все откатились на зимние квартиры. И никто, услышь меня, никто не собирается пускать к себе лису в свою лубяную избушку,— надо заметить, Игорь Моисеевич был тот еще сказочник, в смысле сказки любил и вставлял в свои метафоры, хотя и без успеха.

— Но в том случае,— отвечал ему Васнецов,— ИИ повторит судьбу…

— Конечно, повторит,— сказал Игорь Моисеевич.— Но в этом есть указание на то, что его развитие пойдет эволюционно, будет меньше пугать, пока вы, головастики, не придумаете и не опишете все проблемы межвидового взаимодействия «человек — машина».

— Но ИИ не машина,— сказал Васнецов.

— А что тогда?

— Информационный феномен.

— То есть вместо феноменологии духа надо написать феноменологию информационного пространства? — Игорь Моисеевич засмеялся.

— Это ты хорошо сказал,— задумчиво произнес Васнецов и вдруг встрепенулся.— Я побежал, надо кое-что доделать.

— Ну беги,— приятель проводил его взглядом.

Взъерошенный Васнецов семенил по дорожке ко входу в институт.

Прорыв

Прорыв произошел, когда Васнецов перешел на работу в краеведческий музей одного маленького городка. Мэр случайно познакомился с ним, посетив институт по какому-то патентному делу, и как-то все совпало.

Мэр увлекался космологией. В крайних формах. Параллельные миры его не пугали, а уж коллектив-

ный мировой ИИ в принципе не мог ничего добавить к его бесстрашию.

В общем, сошлись. Так наш тайный философ стал директором. Начал карьеру в аппарате, как он сам любил теперь пошутить.

Они частенько обсуждали по выходным проблемы мироздания, а уж когда Васнецов подкинул мэру пару идей по поводу сопряжения черных дыр и контрамоции, тот испытал творческий переход и выделил Васнецову денег из скудного бюджета на новую крышу музейного здания. Тут уж удивились все.

Дальше. Дальше. Дальше.

Теперь Васнецову ничего не мешало круглые сутки находиться в «творческой лаборатории» — то есть в самом себе без никого. Погружение в бюрократический процесс дало новый толчок, и он выдал новые гроздья своих философских размышлений.

«Сопряжение ИИ и бюрократических процедур, с одной стороны, приведет к окончательной рюриктификации рутинного процесса и полному выдавливанию того немногого человеческого, что в нем было. А с другой стороны, открывает новые горизонты для самих бюрократов, возможность с помощью процедуры окончательно разъединить систему и народные массы».

Читая эти немудреные мысли, легко увидеть, как текучка снижает горизонт человека, даже вполне продвинутого и наделенного способностью к рефлексии. Смех да и только.

Именно так в очередной беседе и заявил Васнецову Игорь Моисеевич.

— Ну почему? Почему? — всплеснул руками наш герой.

— Да потому, Степа, что ты заменяешь черные дыры другими дырами, тоже черными и тоже важными, но примитивными до ужаса.

— Но мне крышу надо крыть. Железо надо покупать. Что ты докопался?

— А я что, я ведь только про то, что философия — она когда хороша?

— Когда?

— Когда у тебя есть два раба.

— Это — Платон. Он был примитивный мудак.

— Гений.

— Урод.

— Умница.

— Приспособленец, идеалист. И вообще, он все спер. Или так боялся выдать свое за свое, что прикрылся плагиатом со страха.

— Ну ты на святое?

— А когда это Платон стал святым? — Васнецов задыхался.

— Ладно, ладно, ничья,— сказал Игорь Моисеевич.

— Иди к черту,— огрызнулся Васнецов.

— Мне, кстати, пора,— сказал Игорь Моисеевич и как-то незаметно исчез.

Вот ведь скотина какая, подумал Васнецов, но вслух прокричал:

— Удачи!

Эксперимент

Как настоящий философ Васнецов был далек от экспериментов, а как директору предприятия — которому всегда были нужны деньги, ибо учреждения культуры всегда нуждались,— практические упражнения ему были очень важны. С помощью мэра и малоизвестного энтузиаста — администратора сети Егора — он создал собственный маленький ИИ. И этот ИИ ботом стал путешествовать по системе.

Письма, просьбы, отчеты, проекты, обоснования заполнили ящики всех лиц, причастных и непричастных к финансированию объектов культуры. И на глазах стало происходить чудо: о музее заговорили, директора стали звать на всякие мероприятия и совещания, рекламировать и продвигать в советы.

А кто у нас директор? Товарищ Васнецов.

Но оказалось — паблик сделать легко, а деньги — нет. Только неприятности посыпались на голову мэра. В его адрес шли резолюции: поддержать новатора, выделить деньги и т.п. А денег у мэра не было.

Назревал конфликт. Экзистенциальный. Они были родственными душами, но не могли существовать вместе.

Черная дыра включила обратный отсчет. И выждав какое-то время, попросила Васнецова написать заявление по собственному желанию. Так готовился распасться невероятный альянс коня и лани трепетной.

Срань подзаборная

Васнецов заявления не написал. Мэра вызвали наверх. Там узнали о давлении, оказанном на талантливого организатора местной бюрократией. Бот написал по привычке. ИИ — это вам не хухры-мухры.

— Пиши заявление,— сказал мэру областной чиновник.

— Нет,— ответил мэр.

— Ну смотри, пожалеешь,— сказал верх.

— Посмотрим,— сказал низ.

Вернувшись к себе, мэр позвал Егора, который помогал создавать ИИ, и объяснил ситуацию. Егор кивнул, и в центр полетели письма про давление на муниципалов со стороны региональных властей и попытки втянуть в свои игры талантливого деятеля

культуры, известного краеведа и знатока товарища Васнецова.

Сингулярность васнецовская

В результате всех событий, произошедших после начала работы скромного ИИ имени товарища Васнецова, из центра прибыла комиссия. Регионального чиновника крепко пропесочили.

— Вы что тут развели?

— Я старался, он же вами приподнятый, я думал...— мямлил знатный регионал.

— Вы дурак,— говорил молодой столичный бюрократ.

— Понимаю: не учел, не досмотрел.

— Приходится нам работать за вас.

— Понимаю.

— Тащите говно наверх,— продолжал молодой.

— Виноват,— отвечал заслуженный.

А Егора приняли на работу в центральный аппарат.

— Хотите работать в центре? — спросил Егора молодой бюрократ из центра.

— А кто не хочет? — ответил Егор.

— Тогда расскажите, как все было.

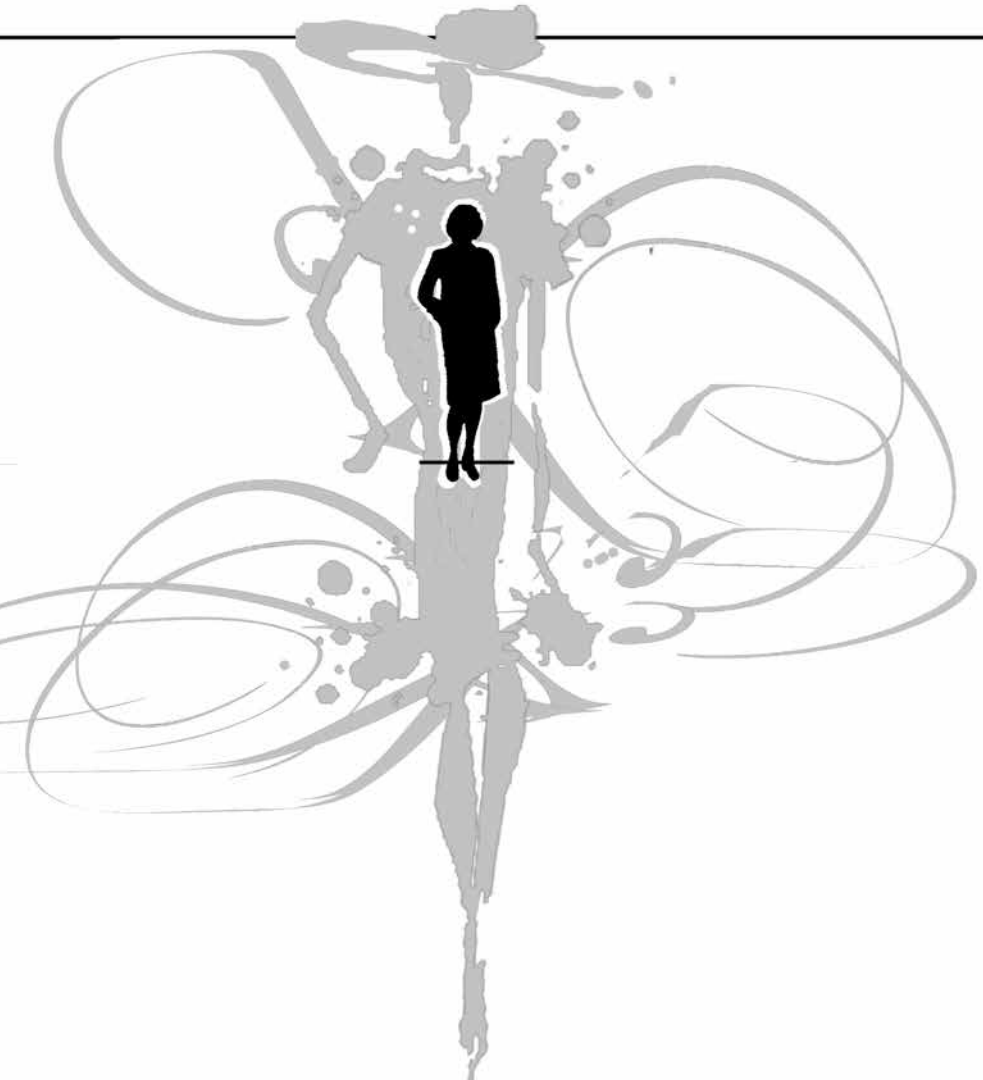
— Мне скрывать нечего.

Васнецова и мэра уволили, а потом посадили за попытку расшатать, вбить клин и вообще за самодеятельность, самоуправство и использование искусственного интеллекта в личных целях.

Вдобавок ко всему Васнецову запретили заниматься философией, а мэру — черными дырами.

Сидят они в разных колониях. Сидеть им еще долго.

Художница



Les hommes n’ont jamais l’air si heureux que le jour où ils abdiquent leur liberté.

Charles Nodier.
Baptiste Montauban ou l’idiot (1833)

(«Люди никогда не выглядят так счастливо, как в тот день, когда они отрекаются от своей свободы».
Шарль Нодье)

«Никогда не снисходите, никто этого не оценит, потому что все подумают, что вы не снизошли, все подумают, что вы упали».
Марина Цветаева

Наваждение

«Знаешь, я все время растеряна перед холстом. Я не могу преодолеть эту пустоту, не знаю, как начать. А потом както нащупываю. Нет, это неправильно.

Я как-то делаю как попало, и иногда удается продраться через первоначальный хаос из страха и лени и гармонизировать его во что-то похожее на что-то».

Она смеется.

Я смотрю на нее и понимаю, что вот она — произведение какого-то неизвестного искусства.

Я не знаю, как она рисует, я в этом ничего не понимаю. Наверное, она хороший художник. Но мне это совершенно неважно. Я понимаю — или мне кажется — в людях. И в этом качестве она безумно интересна. И пусть делает, что хочет. Вернее, то самое, что делает ее такой. Шедевральной. Искрящейся. Искренней.

Все это, наверное, как-то не так совсем, но я пытался, по крайней мере, описать ее. А там будь что будет.

Стереотипы

Вот так хотел бы когда-нибудь Абакумов прочитать в каком-нибудь романе описание художника, работы которого или которой он рассматривал в доме отдыха, куда его занесло на волне внутреннего туризма.

Какой-то забытый богом очаг культуры — и в нем выставка художественной артели «Богадельня». Бывает же такое.

Он спросил у билетерши — или как ее надо называть, он не знал,— нет ли телефона или каких-то координат художников с этой выставки. Она ему дала визитку.

Гончаренко Софья. Натюрморты и пейзажи. Значился на ней и телефон.

Абакумов поблагодарил и вышел на крыльцо. С крыши капало.

— Весна,— сощурился он, набирая номер.

— Да,— ответила трубка.

— Это Софья? Не знаю вашего отчества, простите,— затараторил он от неготовности к разговору.

— Можно прям так. А кто это? — голос был спокойный, но не безразличный.

— Я был на выставке, и мне дали ваш телефон.

— А, вы из «Богадельни»,— она засмеялась.

— Ну да,— он расслабился, успокоился и зажурчал.— Мне очень понравилось.

— Вы любитель?

— Нет, случайный зритель, скорее.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем вы любитель, от чего отвлекаетесь?

— Ах это… Я бизнесом занимаюсь. Но я хороший.

— Так бывает?

— Ну, конечно, а почему нет?

— Я думаю, хуже вас только чиновники.

— Ну, в чем-то вы, наверное, правы,— он не знал, куда свернуть.— Ну, может быть, я втянусь и перейду на сторону света.

— Ну.

— Вот сегодня вроде меня зацепило — это считается?

— Откуда я знаю, я не поп.

— Извините.

— Это вы извините — набросилась так. Что вам угодно, собственно?

— Я бы хотел посмотреть что-то еще ваше. Где вы есть?

— Да нигде. Так, иногда выставки, вот как сейчас, а так нигде. Может, в магазинах, но сейчас вряд ли.

— А где вы держите картины?

— Дома, где же еще. И в гараже.

— В гараже?

— Ну да, а что вас так удивляет?

— Я думал, там холодно.

— Ладно, если хотите, позвоните через неделю или когда вы еще будете у нас. Через неделю можете звонить и приходите.

— Спасибо, извините еще раз,— он как-то потух. Энергия вышла, разговор погас, он чувствовал себя вывернутым и не знал, почему.

Да хрен с ней, подумал он. Забивает голову чертте чем. Подумаешь. Бизнесмены ей не нравятся. Моральный камертон, понимаешь.

Он обнаружил, что идет куда-то по тропинке в лесу. Машина стояла в другой стороне. Хрень какая. Он долго матерился, возвращаясь обратно.

Снова и опять

Вспомнил об этом разговоре Абакумов через год или чуть меньше, но вспомнил. Во время совещания по поводу перебоев с поставками запчастей к доильным аппаратам.

У него были большие производственные мощности — сорок тысяч голов. Коровы резко снижали надои из-за неправильного доения. Он понимал в этом примерно так же глубоко, как и в живописи, но пристальное внимание начальства могло подвинуть процесс не хуже технолога, если найти правильную точку приложения сил.

Здесь он эту точку знал. Просто присутствовать и вести совещание, а точка равновесия найдется сама, надо только не мешать. Перед ним они все хотят быть правыми и постараются. Вот и все искусство в производстве молока.

Совещание шло вполне предсказуемо, все в меру горячились, когда один из технологов сказал среди прочего: «Мне надоела эта богадельня».

Ничего особенного, обычная фигура речи. Но подсознание уже запустило процесс. В результате возникло имя Софья и пейзаж раскрылся во всей

полноте глухой деревни. Он вспомнил. Потом, освободившись поздно вечером, он позвонил.

— Я не поздно?

— Кто это?

— Это любитель, ну, помните, с выставки, я звонил вам год назад, «Богадельня».

— Да-да, как же. Человек с темной стороны. Помню-помню. Как вы?

— Да вот замотался и забыл, а теперь вспомнил — и опять захотелось посмотреть на искусство и улучшиться, что ли.

— Да вы прям — ух, прям мастер слова.

Он снова почувствовал себя как за пазухой у мамы, речь его текла плавно, он наслаждался ее звучанием и репликами собеседницы. Говорили долго и обо всем.

— Ну что с вами делать, звоните и приходите, если будете рядом и меня застанете. А теперь, извините, поздно и все такое.

Он услышал, как кто-то там позвал ее: «Ну сколько можно». «Сейчас-сейчас»,— ответила она.

Он сник, сказал, что будет скоро, попрощался и отключился.

Отключился чуть рано, ибо если бы повисел еще секунду, то услышал бы ее шепот: «Не вешайте нос, все будет хорошо».

Но он этого не услышал. Очень жаль его.

Река

Предновогодняя суета, куча всяких приглашений. Абакумов рассматривает эту кучу, среди них открытие выставки «Река». Представлены работы Софьи Гончаренко. О! Вот это да. Опять она. Это интересно. Когда открытие? Завтра. Отлично. Где? На Кузнецком валу. Прекрасно. Во сколько? В шесть.

Он сказал, чтобы завтрашний вечер освободили и не занимали.

Он пришел. Картины были другие. Не схватили. Или настроение было не то, или не провинциальный музей, где все растекаются в сопли, а глянец. А на глянце все не так.

Прошел еще раз — без перемен. Выпил шампанского, его было вдоволь. Но и оно не помогло. Он не попадал в реку.

Спросил, здесь ли автор. Ему показали. Софья стояла с несколькими мужчинами. Он подождал, потом подошел, представился.

— А, это вы, ну что же, я рада.

Он был раздавлен. Она была простая, не глянцевая, не престижная, никакая. Он не знал, что говорить, растерялся совсем.

— Ну что же вы? Все хорошо?

— Да-да, просто я как-то не так вас представлял, напридумывал себе.

— Это бывает,— она засмеялась. Смех был такой домашний.— Вы не переживайте, мы же не женаты, слава богу, чего расстраиваться.

Ему потеплело, он что-то промямлил, потом собрался и сказал:

— Искусство всегда нас, любителей, так шибает, вот я и растекся. Надо было сначала к вам, а потом к картинам,— он смущенно улыбнулся.

А она опять засмеялась.

— Бывает. Вы, главное, не печальтесь. Извините, мне надо проводить кое-кого из гостей.

— Да-да, конечно, извините.

Она отошла. Он стоял. Потом нашел место, уселся и стал смотреть. На людей. Как они разглядывают картины. Какие они. Он со студенческих лет не был в галереях. Одичал. И теперь он — как те, кто не вовремя читает книжки,— обалдел.

Но в отличие от тех, других, впустил эти все впечатления в себя и смог их вместить. Они бурлили

в нем. Он терпел. Впрочем, кажется, это было шампанское. Он не заметил, как выпил его достаточно много. Так бывает, когда ты физически в одном месте, а душа где-то бродит. А потом все удивляются.

Надо

А в чем, собственно, у него была нужда? Что было с ним не так? Пустота сменялась пустотой, и это превратилось в обыденную череду событий без событий. Он скупил все ее картины, которые нашел. Они были недорогие и их было немного.

Знакомый галерист — теперь у него были знакомые галеристы, смешно, да? — удивлялся его фокусу на этой странной Гончаренко и пытался предложить ему других, но он не покупал других, зачем ему были другие.

Наваждение или забвение. Одно из двух, но галеристы не знали таких слов или знали, но скрывали, им ведь надо было картины продавать, а не книги Юнга. Никто не находил ее выдающейся. Простой стиль, весьма профессиональный, но не более того.

Правда, Чехов как-то сказал, что чем хорошо писательство, так это тем, что на любую галиматью найдется свой читатель. Может, это и на художественные творения распространялось. Он не знал. Или он просто не хотел сдаваться. Пропасть между его воображением и реальностью убивала его. Он не понимал, почему.

До и после

Еще через год он увидел ее в ресторане с Селезнёвым. В представлении Абакумова более мерзлотного персонажа во всем городе не было. Во всех смыслах пробы ставить было негде. И что теперь?

Он ел и смотрел, как они смеются. Потом они ушли, а метрдотель принес ему записку. «Ты, видно, не услышал тогда, когда я сказала тебе, что все будет хорошо. Видишь, теперь уже точно у тебя все будет хорошо, а у меня как обычно, и это правильно. Живи дальше».

На самом деле в записке было только: «Теперь все будет хорошо». И его отпустило. Он опять стал счастливым. На все тридцать секунд.

Он будет жить дальше.

Фиаско

Томъ II

«…Я родом из дикой той страны,
где каплет кровь на снег…»
Владимир Набоков

«Назвать тирана тираном всегда было опасно. Но сегодня не менее опасно назвать раба рабом».
Рюноскэ Акутагава

Пролог

Он не думал, что так закончится. И теперь лежал ничком, уткнувшись лицом в песок приморских дюн. Пётр Иванович Смольянинов, так звали этого человека, еще вчера был бодр и весел, он строил планы и претворял их в жизнь. Потом жизнь оказалась короче планов. Человеку редко удается пережить свои планы, планы всегда почти побеждают.

Детство

Петя был чудесным послушным мальчиком. Октябренком, пионером и комсомольцем. Все впитал, все воспринял, но не осознал. И это спасло потом. Много раз. Он учился хорошо. Закончил университет и отправился в школу учителем литературы.

Отец и мать души в нем не чаяли, он был единственным ребенком в семье, и его детство промелькнуло для них очень быстро. Почти незаметно, ибо они работали и были молоды. Ну, вы понимаете. Сами жили. Полной грудью. А Петя был в хвосте этих будней и праздников.

Его детство тянулось медленно, но закончилось вдруг. Он как-то шел по улице с бабушкой и вдруг понял, что уже не ребенок. Как, спросите вы? А он не знал, как, но понял — и всё. Еще более удивительным было то, что осознание этого никак на него не повлияло и он продолжил жить как жил.

Студент

Он поступил в университет легко, на филфак, на русское отделение. Девочек было много, а мальчиков совсем не было. Родители очень хотели сына-филолога. Дедушка у мамы был писателем, малоизвестным, но все же. Видел Горького. Ну и все такое. Семейные предания.

После осмотра списков поступивших, после того как отыскал свою фамилию, он вышел на набережную. Светило солнце, искрилась вода, теплый летний день приятно обволакивал тело. Было легко, и он был счастлив. Рядом стояли девчонки, поступившие и бесшабашные. Пошли в общагу. Очнулся утром. Голова болела. Рядом, тесно прижавшись, лежала она. Кто она, он не знал, но понял, что это она. Вер-

нее, не понял, и от этого стало страшно и замутило совсем. Он тихонько оделся и вышел.

На улице шел дождь. Ну прям как по заказу его души. Он поплелся домой. Лег и проспал до вечера.

Так началась студенческая жизнь Петра. Пети Смольянинова. После лекций он ходил по музеям и в филармонию, а по вечерам бухал с друзьями.

Лариса

Через год оказалось, что он отец. Лучше рано, чем никогда, подумал он. И был по-своему прав. Он никогда не отрицал очевидного.

Мать ребенка он знал давно, хотя давно забыл. Русский язык позволяет так изгаляться над действительностью. И знал, и забыл.

Понадобились деньги. Подвернулась халтура — текст для отчета по исследованию настроений студентов. Заказчик — профессор с юрфака — платил щедро. Но любовь длилась недолго. Петя не жалел. Он понял главное: он может зарабатывать. Просто написанием текстов. Любых. Для всяких.

Ребенок не нуждался, а Петя очень. Он встал на дорогу, пройдя по которой двадцать лет и оглянувшись, ужаснулся. Кем он стал? Никем. Это поразило. Он не ожидал такой реакции себя на себя.

Писатели

Одно время он продавал утраченные рукописи. Он по разным случаям раздобыл старых чернил, с бумагой было хуже, но удавалось находить. По большей части приходилось воспроизводить черновики. Много помарок, клякс, рисунков — все то, что так любят коллекционеры. Он стал известен в узких кругах.

Одна из легенд этого мира — второй том «Мертвых душ». Гоголь. Миф. К нему обращались с вопросами. Он пожимал плечами: абсурд. А однажды подумал: а почему нет? Это тогда, когда в полутемном баре один барыга, мнящий себя тонким ценителем литературы, предложил ему миллион, если он найдет ему эту рукопись.

Коллекционер

На следующей встрече заказчик рассказал, почему он так хочет второй том.

— Я же понимаю,— сказал он Пете,— что там примерно у него написано и почему это так ценно сегодня. Он писал о нравственных исканиях, перерождении, как говорят. Я читал где-то. И это сейчас очень кстати. Сечешь?

— Не совсем,— сказал Петя.

— Понимаю. Ты далек от общественных процессов. Людям нужен новый свет, новая истина, подкрепленная могучим авторитетом. Гоголь и есть такой авторитет. В России не ценят философов, в России пророки и писатели. Не нынешние, конечно,— он засмеялся.

И Петя понял, что надо делать.

— Я поищу,— сказал он.

— Поищи-поищи, и хорошенько. Накладные расходы я оплачу отдельно. Встретимся здесь через год. А так пиши, как идут дела,— и он дал адрес.

Они выпили еще, и Петя ушел.

Гоголь

А Гоголь, похоже, не справился. Николай Васильевич взял высоко — и не смог. Дописав, понял, что получилось, мягко говоря, не то, попытался сжечь.

Но домохозяин спас рукопись, как говорят апокрифы. И теперь рукопись лежала перед Петей, и ему казалось, она еще дымилась. От его нечеловеческих усилий заменить гения в негениальном труде.

Это оказалось проще, чем он думал. Времени ушло много, аутентичной бумаги еще больше, а подделка почерка заставила вспомнить иноков-переписчиков в монастырях. И тем не менее. Возможно, он бы мною гордился. Я дал роману вторую жизнь.

Петя многим стихам дал и первую, и вторую жизнь. Рассказам и повестям. Но такую глыбу он занес в гору впервые. И теперь чувствовал опустошение и жажду.

Бросить все к черту. Именно в это время он оглянулся на свою жизнь — и, как мы уже знаем, остался потрясенным.

Другие времена

Он отдал рукопись заказчику. Заказчик через неделю прислал деньги. В смысле с курьером, разумеется. Вернее, с самим собой, конечно.

Они опять сидели в баре на другом конце города, заказчик сказал, что не ожидал, совсем не все понял, но понял, что следует, согласно заветам Гоголя, работать над собой. Расспрашивал, как Смольянинову удалось найти рукопись.

Петя рассказал длинную запутанную детективную историю со многими фамилиями, городами и даже странами. Там был и Париж, и Рим, и Петербург. А нашлось все у наследников того генерала, у которого жил в последнее время Гоголь.

Все было шито белыми нитками, но звучало убедительно. Заказчик благодарил. Договорились как-нибудь выпить еще и расстались друзьями.

Память

Он стал уже забывать про Гоголя, забыл уже совсем, но тут ему пришло сообщение. Некто, представившись другом Ильи (был у него такой друг со школы), написал, что тот дал ему номер, у него к Пете дело.

Петя написал Илье: «Какого хера?» Илья ответил: «Извини, старик, забыл предупредить, так получилось, не мог отказать этим людям и тебе не советую». И еще раз «извини».

Петя ответил на сообщение. Абонент сообщил, что хотел бы встретиться и согласен на любое время и место.

Договорились в «Пирамиде». У Пети были плохие предчувствия, они не обманули. Перед ним возник человек безликий и очень опасный. Ну, такие бывают: и улыбка, и манеры, и костюм — а вы уже ссыте по ляжкам. Вот так и тут.

Он присел за стол, подошел официант, он заказал что-то, Петя не расслышал. Потом пошел смол-ток, потом он перешел к делу. Достал рукопись Гоголя, ту самую. И сказал:

— У нас просьба: перепишите кое-что.

Пётр изумился:

— Откуда это у вас?

Человек пожал плечами:

— Перепишете?

— Это же Гоголь.

— Ну, с вашими-то способностями.

— Я могу попробовать, но это будет уже не Гоголь — подделка.

Человек опять пожал плечами и улыбнулся:

— Хотите, я вам палец сломаю?

— Зачем? — в ужасе отпрянул Петя.

— Вот и я думаю — зачем? Такие руки беречь надо. Ну так как? Согласны?

Петя кивнул. Человек отдал ему рукопись:

— Там отдельно написано, что и где надо изменить и на что. Стилизация, конечно, на ваше усмотрение. Я вам напишу.

И пока Петя тупо смотрел на папку, исчез.

Жизнь

Пётр Иванович в какой-то момент своей жизни женился на жительнице Риги Инге Петровой. Он долго не знал — зачем.

Жили они вполне мирно, и он любил ее, а она радовалась его успехам, для нее он был преподавателем престижного вуза и любимцем студентов, прекрасным рассказчиком и так далее.

Она была хорошая. А теперь выяснилось, что и полезная. Ибо теперь у Смольянинова был вид на жительство в европейской стране. Сейчас очень кстати оказалось. Наверное, кстати — он пока до конца не знал, сюжет не сложился.

Он читал, что рукопись второго тома всплыла и ее активно использовал один видный политик или как их там называют — администратор. Он попытался пару раз вызвонить того коллекционера, который купил рукопись, но безуспешно, а потом как-то и сам остыл. А теперь вот как обернулось.

Петя ощущал страх. Что-то шло не так, но он не понимал — что. Кто-то все знал про него и мог сделать с ним все что угодно. Нет, со всеми так бывало. Все рождаются виноватыми, но редко так, как теперь он, чувствуют это все время без перерывов.

Николай Васильевич

Он смотрел на предлагаемые изменения к тексту. Они меняли все до неузнаваемости. Теперь нравственный посыл Гоголя обращен не к самосовер-

шенствованию человека, а к развитию по лекалам высшей власти. Служению царю и отечеству. И если так — то человек хороший. Его добродетели теперь полностью зависели от государства, а не от совести. Это был крутой поворот.

Пётр сидел, сжав виски, но выбора не было. И он все сделал, как просили, через месяц отдал готовое.

Былое и думы

Он встретился опять с тем самым человеком. Вежливый и спокойный, он поблагодарил. Передал гонорар, хотя они и не договаривались, сказал, что все понравилось, что не последний раз и что они еще встретятся. Петя слушал и кивал.

Потом человек ушел, Петя долго бродил по городу и в конце концов решил, что надо уезжать.

Эмиграция

Они жили в Юрмале уже пять лет. Он преподавал, писал по-прежнему диссертации по заказу, ну, в общем, все, как и раньше. И Гоголь как-то забылся. Пить стали больше, и однажды на одной из вечеринок у друзей он познакомился с Филиппом: как выяснилось, они с разницей в десять лет закончили один и тот же филфак.

Филипп был теперь молодым журналистом, но уже достаточно известным. Как положено теперь, с блогом и передачей на радио.

Он спросил про Гоголя: мол, ходят слухи. Петя уже прилично выпил — и вдруг раскрылись врата души, и все, что гнило там, он выплеснул в ответ на безобидный вопрос. Потом опять пили, потом пошли еще к кому-то в гости. Потом Петя как-то оказался дома.

Филиппа этого, если он вообще был, он больше не видел и забыл уже о пьянке той. Жизнь покатилась дальше.

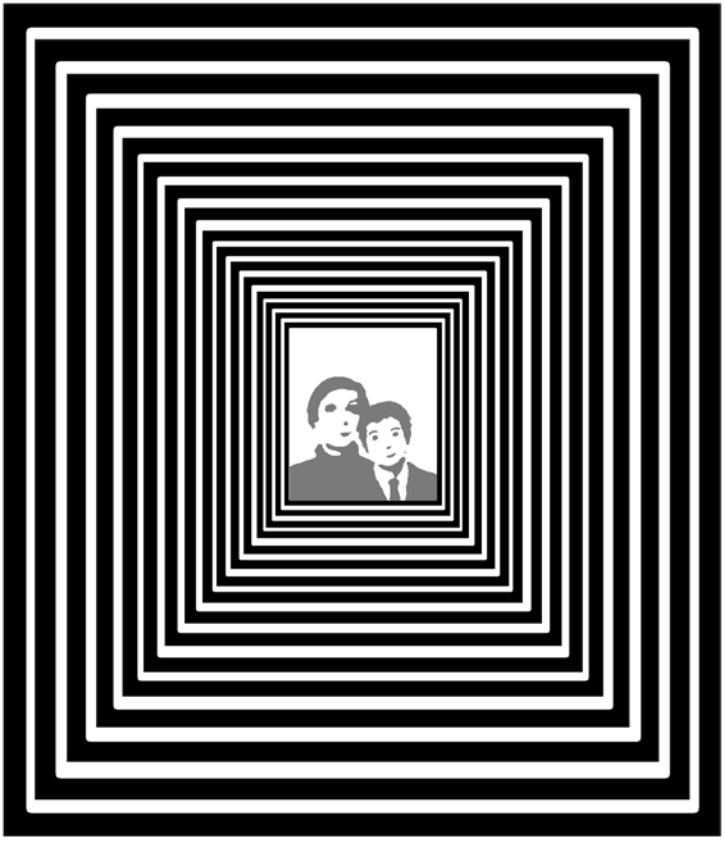
Две недели спустя

Да, примерно через две недели его телефон начал разрываться от сообщений и звонков. Прочитав пару из них, Петя понял, что случилось худшее — Филя опубликовал его исповедь. Он похолодел. Он открыл текст. Там была фамилия коллекционера и описание второго. Холод перешел в жар. Он горел.

Дюны

Он прожил еще три года, прежде чем его нашли в дюнах. И непонятно, кто прекратил Петину жизнь — превратности судьбы или Гоголь. Лежи теперь и думай. У тебя вечность.

СЕЛФИ



«Я получил письмо от архиерея — просит мою фотографию».

Чехов

«…Мы как раз то, чем хотим казаться, и потому должны серьезно относиться к тому, чем хотим казаться».

Воннегут

Колька

Колька любит фото. Он обожает снимать себя. Или себя на фоне чего-то или кого-то. Или снимать красивое по его мнению. Пейзажи. Камни. Улицы. Да и все другое.

А еще Колька учится. В колледже на сантехника. Папа сказал, что сантехники всегда были нужны, со времен Рима, и будут, несмотря на искусственный интеллект.

Ну, папе видней: он сантехник со стажем. А когда трезвый — тихий, а когда нет — философ. Кольке

достается чаще пьяный отец. Ну это же не навсегда, считает Колька, он тоже философ, есть в кого.

В колледже в основном все такие, как он, представители династий рабочих, ну у кого отцы есть.

Крепкие династии — по большей части выходцы из семей мигрантов, во втором, а то и в третьем поколении. Шустрые, активные. Как тараканы, говорит Колькин отец.

Колька думает, что он националист. Но пообщаешься в группе — и самому хочется стать как он.

Не нравятся Кольке ни те ни эти. Там безотцовщина, здесь сверхотцовщина. Что лучше, не поймешь. А хуже и то и другое. Отец говорит: мигранты захватили все ЖКХ, а мы так, на подхвате.

Заброшки

В свободное время Колька с ребятами лазают по заброшенным домам, стройкам и заводам. Такого добра у них много. Это популярное развлечение в их среде.

Колька не употребляет ни наркотиков, ни чего другого. Белая ворона. Считает, что слаб для стрессовых нагрузок. Его воспитал интернет. Дал разнообразные знания. Он всем открыт, только мало кто пользуется с толком. Для Кольки Сеть — это и дом, и друг, и учитель. Он здесь и развлекается, и учится.

По большому счету, ему никто не нужен, если исключить нечастое желание побыть вместе с другими людьми. Людьми, понимаешь. Отдохнуть от эфира и железа. От неодушевленности среды. Сеть объясняет ему, что людям надо общаться с себе подобными. Это продлевает жизнь.

Фото заброшек он выкладывает в Сеть и обсуждает с такими же фанатами. Это тоже социализация, но через Сеть. Тут все идеально, кроме ставшего недавно появляться ощущения, что, возможно, он

общается с ботами. Плохо это? Да нет, наверное, но сама мысль об этом как-то удручает.

Приватность

Но Колька не сдается. Нет, неправильно. Ему все больше и больше нравится сидеть у себя с гаджетами. Изредка прерываясь для набегов на кухню.

Еще, конечно, колледж, но это неизбежное зло, которое скрашивается путешествиями с друзьями по району. В поисках архитектурных впечатлений. А потом домой, и вот он уже снова там, где хорошо. Где он один со всеми, но все они где-то там, а тут он один, у себя в комнате. Закрывшись.

Необходимый объем приватности нужен Кольке как воздух. Он долго приходит в себя после занятий. Остывает от толпы. Переключается. Становится собой, расслабленным, а не терпящим публичную атмосферу вседозволенности и отторжения под маской любезностей и приязни.

Все научились прятать себя во всё что попало, лишь бы не выглядеть ранимыми. Это, наверное, главное достижение периода.

Кино

В Сети Колька смотрит кино. Не только новинки, но и старое. Черно-белое. Смотрит классику и живых мэтров. Наверное, Сеть руками кинокритиков формирует Колькины вкусы как вкусы всего поколения гаджетов.

Но Кольке так не кажется. Он имеет свое мнение и вполне в состоянии его отстаивать. Колька не давит на своих знакомых, а при первом же ощущении сопротивления его позиции от собеседника тихо сливается, оставив тем не менее свою точку зрения

непоколебимой. Мягкая твердость. Он такой ненавязчивый. Прям как Сеть.

Так вот, про кино. Кольке нравятся фильмы интеллектуальные, но признанные. Он, наверное, пока не готов к нуару или андеграунду. Блеск признания греет и его зрительскую душу.

Игра

Еще Колька играет. С незнакомыми, находящимися за тысячи километров от него людьми. Борьба есть, а сопутствующих звуков и запахов нет. Только эмоции. Колька не любит проигрывать. Поэтому игры меняются. А партнеры по игре только случайные.

Он не играет на деньги или в азартные стандартные игры. Это, конечно, не его совсем. Тут требуются другие качества. Не лучшие, просто другие.

Все его реальные знакомые во что-то играли, но в основном редко и просто чтобы убить время.

Отец

Как-то отец спросил, смотрел ли он фильмы Гая Ричи. Кто-то из дружков рассказал отцу об этом режиссере. Был среди них кто-то, кто любил фильмы смотреть. Колька, конечно, Гая Ричи смотрел.

— Ну и как тебе? — спросил отец.

— Ну,— пожал плечами Колька.— Это как бы про сантехников британских, которые не хотят быть сантехниками и пытаются это себе доказать. Очень модный режиссер. Если хочешь, я тебе скачаю.

— Понятно,— сказал отец.— Это как «Афоня», что ли?

Колька такого фильма не видел. На этом беседа их закончилась.

В другой раз отец поинтересовался, можно ли заказать по-тихому мелкие всякие расходники для работы типа прокладок. Колька сказал, что, конечно, но нужна кредитка. Отец дал ему карту и список необходимого. Когда все получилось и товар пришел, отец был очень доволен. Затворничество сына приобрело смысл в его глазах.

Вы только не подумайте, что он такой дремучий, просто надо же как-то поддерживать контакт с сыном. Сами должны понимать.

Футбол

Отдельная тема — спорт. Раньше, в детстве, Колька пробовал и то и это. Ничего не прилипло, и теперь спорт трансформировался в Сети в интерес к просмотрам, изучению информации, покупку маек клубов, коллекционирование карточек игроков. Речь, конечно, о футболе.

Колька болел за «Милан», хотя клял их на чем свет стоит. По его мнению, они могли играть лучше.

В общем, он был настоящим сетевым болельщиком. Он знал имена, положение команд в турнирной таблице, слухи про трансферы игроков и тренеров и все остальное, что полагалось знать. Он смотрел матчи — онлайн, разумеется, и много роликов с удачными моментами, коих было до фига в ютубе.

Дружба

Была одна девочка. Когда-то учились вместе в школе. Она не пошла в колледж. Решила идти в институт. Встречались иногда. Гуляли по городу. У нее было больше друзей, чем у Кольки, поэтому иногда гуляли все вместе.

У нее, у родителей ее, был дом большой. За городом. Иногда ездили к ней всей компанией. Обсуждали только им понятные детали современного информационного потока. Колька больше молчал. Он знал больше остальных, но не ощущал себя в силах завладеть их вниманием.

Знаете, бывает такой чудак — на задней парте сидит и подает иногда реплики. Всем нравится. Особенно если он делает это нечасто. Так и Колька. Такой теневой умник. Про него знают, но не более.

Он как-то рассказал им про нерешенную задачу прямого и обратного пересчета, потом по ходу превратив весь рассказ в байки про Тьюринга. Они слушали вежливо, но вопросы не задавали, а после засмеялись — кто-то нашел веселый мемчик. Ну ничего страшного — обычная подростковая жизнь.

Сантехник

А однажды Колька скажет маме, что не хочет он быть сантехником.

— А кем ты хочешь быть, сынок? — спросит мама, сядет и положит руки на колени.

— Не знаю пока,— легко ответит Колька.

— А что же тебя тогда…

— Да не парься ты,— перебьет ее Колька.— Кем-нибудь да буду, надо же на жизнь как-то зарабатывать.

— Ну, хоть это ты усвоил,— скажет мама.

— Понимаешь,— скажет Колька,— я хочу быть счастливым.

Ничего мама не скажет на это.

— Ну как тебе объяснить, я в шесть лет думал о смысле жизни и решил, что смысл может быть только один — быть счастливым,— Колька посмотрит на маму.

— Понятно,— скажет она, ошарашенная.— Я в шесть лет с ребятами в садике считала, сколько

пожарных машин мимо проедет: кто больше насчитает, тот и победил.

— Да ты не расстраивайся,— скажет Колька.— Всякое в жизни бывает.

— Это точно,— скажет мама.

— А давай сделаем селфи,— скажет Колька. И, не дожидаясь ответа, обнимет маму и щелкнет.

А потом они оба засмеются.

Перемена участи

«Судьба может измениться, собственная же природа — никогда».
Артур Шопенгауэр

«Все есть вода».
Фалес Милетский

Озеро

Вудъявр был Большой и Малый. У людей часто не хватает слов, поэтому и Третья улица Строителей, и Пятая Красноармейская. Это если без идеологии. А если с ней, то пересчитайте количество проспектов Ленина или библиотек имени Маяковского.

Но все-таки Вудъявр — это Вудъявр, и хорошо, что и Большой и Малый, думал Самохин, сидя в лодке. Он не был рыбаком, прикидывался, маскировал тягу к природе. Наверное, поэтому он всегда был с уловом. Не испытывал страсти, и рыба была ему благодарна.

На озера эти он ходил с детства еще с отцом. Потом отец ходить перестал, а Самохин остался. С озерами и рыбалкой один.

Особенно хорошо было осенью ранней, хотя она в этих краях мгновенная. Раз — и уже снег, а вроде вчера еще ходили за морошкой.

Вы, наверное, уже поняли, что Вудъявр — это озеро. Вернее, два. Большой и Малый. Самохин любил большое озеро. Оно было другом.

Он бывал там, как только появлялось время. Оно его успокаивало и придавало смысл его существованию. Как? Он и сам не знал. Но всегда, когда до озера было плохо, после становилось хорошо. Легче делалось вне зависимости от тяжести проблем.

Фабрика

Самохин работал на обогатительной фабрике. Добывал из меньшего дерьма большее. Попутно фабрика засирала все вокруг. Так называемые «хвосты» тянулись километрами, отходы — побочный продукт их производства.

Теоретически продукция его фабрики в конце концов улучшала жизнь, ибо повышала урожайность — из обогащенного концентрата в дальнейшем производились удобрения. Но Самохина это мало утешало. Он видел, что очистные сооружения не справляются. Выбросы случались регулярно. Да и твердые осадки после очистки сточных вод проникали из закрытых прудов в грунтовые воды, а дальше — везде.

Таким образом получался замкнутый круг событий, мешающих Самохину наслаждаться дружбой с Вудъявром. Ему казалось, что озеро знает.

Видения

Самохин никому никогда не рассказывал о главном, что его связывало с озером. Видения.

Он прочитал все, что было написано про Вудъявр, любые газетные заметки, где упоминалось озеро. Никогда никто не упоминал о видениях. Он общался с большим количеством рыбаков начиная с младых лет и никогда не слышал ни от кого о видениях. Получалось, озеро общалось только с ним.

Фантастическая литература много описывала взаимодействие с водой. Начиная с Соляриса и заканчивая им же. А озеро Лох-Несс одно чего стоит.

Он уговаривал себя, что это переработанные впечатления от книг и рассказов выдает подсознание в виде видений. Возможно, но есть одно но: в его памяти на сознательном уровне нет воспоминаний о событиях, которыми его соблазнило озеро.

Видения носили авангардный характер. Они строились как похожие на его воспоминания, но всегда расходились. По содержанию.

Самохин считал это предвидениями, но не мог подтвердить, потому что не было предсказаний на короткой дистанции. Все события происходили в далеком будущем. Или в недалеком, но не у нас. А где-то в другом временном континууме.

Отец

Видения, сновидения или предвидения часто были связаны с отцом. Он являлся Самохину иногда внешне не похожим на себя, но Самохин как-то узнавал его. И в водосточной трубе, и в каменном утесе, и в облаке, и в космонавте среди прочих стартующих с Венеры.

Все мысли отца всегда сводились к одной. Месседж звучал так: Серёжа, не пей воду из колодца.

Тут Самохин видел две проблемы: его звали не Серёжа, и он ничего не знал про колодец. Должен это быть какой-то конкретный колодец или любой случайно встреченный?

В остальном отец довольно убедительно рассказывал ему о чувствах водопроводной трубы или про то, как вольно дышится камням на утесе, а уж про свежесть облаков он наслушался досыта.

Отец жалел его и от чего-то предостерегал. Серёженька, будь умницей, не совершай моих ошибок. Делай свои.

Эта рекомендация была самая убедительная. Самохин делал свои, и много.

Директор комбината

Начальником Самохина был Пётр Фёдорыч Порываев. Отличный мужик. Здоровый, шумный и старый. Не в смысле возраста даже, а вот какой-то не сегодняшний. Такой советский человек. Неправильный, но последовательный. Как все они, прямые в своей кривизне. И кривые в своей прямоте. Как партия сковала.

Самохин не раз пытался совестить Петра Фёдорыча, но тот только отмахивался. Не до этого сейчас, Серёжа. Почему они называли его Серёжей, Самохин не знал. Или знал? Это шло от видений на озере?

Да ладно. Самохин не верил в наваждения. Вот странно, а в видения на озере верил. Ну, мы все любим парадоксы. Даже, скорее, не любим, а ведемся на них. Парадокс удивляет, а удивление скрашивает будни. Ну как-то так.

Короче говоря, оставшись как-то раз за директора, Самохин остановил очистные на профилактику. Замену фильтров и все такое. Пришлось останавливать и флотацию.

Скандал. Директор срочно вернулся из отпуска. Орал страшно. Но не уволил. Хотя владелец настаивал. Порываев отбился. Перевел Самохина в отдел комплектации. А начальнику отдела приказал отправить его в командировку за запчастями в Тюмень. Пока суд да дело, спрятал. Странный человек этот Порываев.

Колорадо-Спрингс

Вот еще странное в видениях Самохина. Навязчивое требование ехать в Колорадо. Ничего не связывало его с этим местом. Он никогда не думал про него. Да говорят, там проводил опыты Тесла. Но чем Большой Вудъявр похож на Колорадо? Наверное, у них столько же общего, как у самого Самохина с Николой Тесла. То есть ничего. И тем не менее.

Самохин мог поклясться, что озеро тащит его куда-то, подсказывает что-то. Он должен это что-то найти. Или сойти с ума.

Золото — вот что может объединять, подумал Самохин. Золотая лихорадка когда-то коснулась Колорадо своим крылом, и на Вудъявре пытались искать золото. Серёжа и колодец могут быть связаны с золотодобычей. А полет отца на Венеру? — спросил Самохин себя. Ну, Венера всегда где-то рядом.

Теперь Самохин приезжал на берег озера и пытался искать золото. Звучит безумно и выглядит со стороны так же. Мужик у ручья в тазу промывает песок. Но Самохин не унывал. Он не думал. Он просто жил. Видения при этом транслировали: правильно, Серёжа, не пей из колодца. И Самохин не пил.

Неожиданность

Странным ответвлением потусторонней жизни Самохина стало открытие им метода увеличения процента извлечения нефелина, чем, собственно, и занимается его фабрика. Но если текущий технологический процесс позволяет извлекать 10 процентов, то новый метод Самохина позволит 50 процентов.

Снизошло это на него во время промывания песка. И выглядело как поиск и нахождение философского камня. Самохин увидел процесс со стороны. Сначала разделение на фракции в зависимости от концентрации, а затем обработка резко увеличенными дозами кислоты. Ну ладно, это трудно не химикам воспринять, учитывая, что и Самохин не был химиком.

Он все записал и пошел к Порываеву. Отдал. Попросил посмотреть. Ушел.

Порываев нашел его через неделю. Обнимал и целовал. Обещал премию и должность.

Самохин посмотрел на него. Порываев отвел глаза и сказал, что поговорит с владельцем.

Владелец предложил Самохину десять миллионов за технологию. Самохин отказался.

Порываев предложил десять миллионов не рублей, сказав, что знает других заинтересованных лиц.

Самохин сказал ему, что он хочет принципиально улучшить работу по очистке сточных вод. Сделать замкнутый цикл. Чтобы вода использовалась многократно, не попадая наружу, в живую природу.

Порываев сказал, что это миллиарды и годы.

Самохин сказал, что готов ждать.

Порываев покрутил у виска.

Решение

Самохина давно на комбинате не видели. Кто говорил, что он спился, кто говорил, что уехал работать

в Сибирь. Там внедряют что-то, но что и где, никто толком не знал.

Знал Порываев. Про технологию. Про ее внедрение. Он продал ее японцам. Уж непонятно как. А они теперь внедряли технологию, построив под нее комбинат в Сибири. Вернее, построили ее местные предприниматели на кредит, а технологию получили по лицензионному соглашению.

Это все мог рассказать Порываев, если бы пару лет назад не вышел с балкона девятнадцатого этажа дома в Дубае.

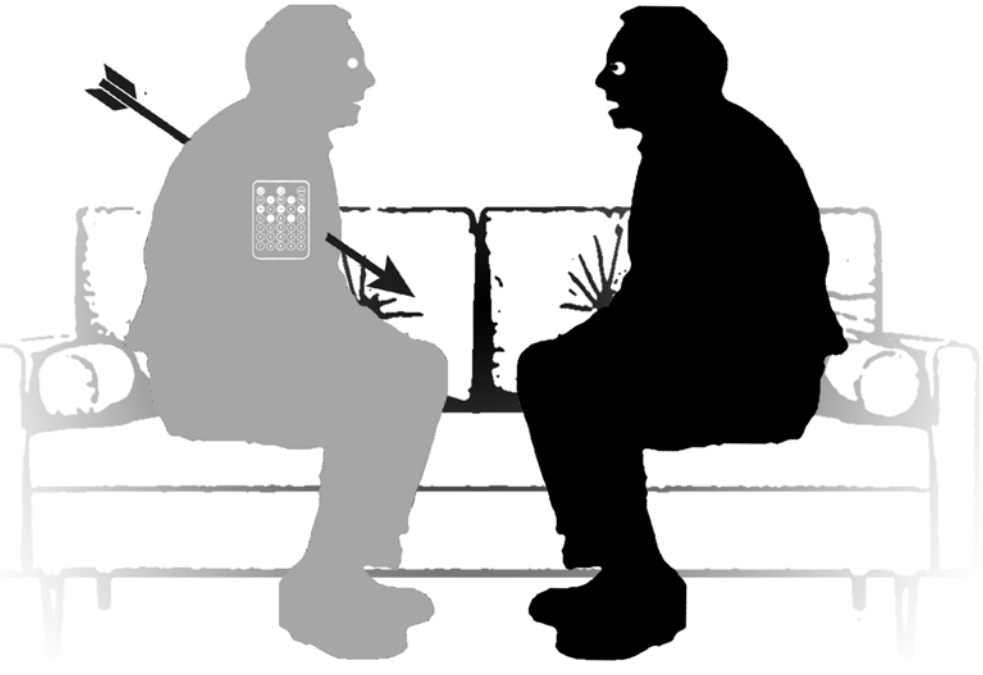
Самохин же ничего этого не знал. Он жил на озере. К нему редко кто приходил, вернее, проходил мимо. Самохин изредка ездил за продуктами на доставшемся еще от отца мотоцикле «Урал», этой мечте всех рыбаков, и удивлялся переменам, которые он ощущал от мимолетного общения во время случайных встреч. Вернее, растущей пропасти между ним и остальными. Одичал, наверное, или видения действовали на психику человека как-то иначе, чем телевизор.

В общем, он стал иным. И это иное самого его превратило в видение. Озеро показывало ему, какой бы могла быть его жизнь, если бы да кабы. Самохин грустил, глядя на возможные альтернативы.

Иногда приходили рыбаки. Он жил в избушке, которую построили энтузиасты во времена его отца. Там оставляли спички и консервы. Можно было переждать непогоду или собраться с силами. Но от рыбаков мало что поймешь, рыбная ловля — это молчание, и этим и ценится. Посидеть и помолчать.

А однажды ему явился Порываев. И опять покрутил у виска. Самохин в ответ пожал плечами.

ЛЮБОВЬ



«Маяковский понимал любовь так: если ты меня любишь, значит, ты мой, со мной, за меня, всегда, везде и при всяких обстоятельствах. Не может быть такого положения, что ты был бы против меня — как бы я ни был неправ, или несправедлив, или жесток. Ты всегда голосуешь за меня. Малейшее отклонение, малейшее колебание — уже измена. Любовь должна быть неизменна, как закон природы, не знающий исключений. Не может быть, чтобы я ждал солнца, а оно не взойдет. Не может быть, чтобы я наклонился к цветку, а он убежит. Не может быть, чтобы я обнял березу, а она скажет „не надо“. По Маяковскому, любовь не акт волевой, а состояние организма, как тяжесть, как тяготение».

Осип Брик

«Извечная вера влюбленных и поэтов в силу любви, которая переживает смерть, это преследующее нас столетиями finis vitae, sed поп amoris — ложь».

Станислав Лем

Михайлов ненавидел человекоподобных роботов. Ему нравились искусственные интеллекты, жившие в сетях, серверах и прочих посудомоечных машинах. Почему? В них сложнее было влюбиться.

Человекоподобные же, когда они стали уж слишком походить на людей, раздражали его. Приходилось постоянно напоминать ему, что это машины. Хотя и в прошлом люди разговаривали и давали имена своим автомобилям, например. Как до этого — лошадям. Ну тут хоть трудно было ждать обратного подвоха. Тут ты как бы сам ковал свою иллюзию.

В случае же с генеративными моделями ты получал не просто отраженную собственную энергию информационного поля, но энергию, переработанную и управляемую не тобой. Это уже была не твоя иллюзия. Это сначала шокировало, а потом бесило. Впрочем, у всех бывало по-разному.

Человекоподобная модель искушала намного сильнее, чем невидимая, живущая в цифровом мире. Именно с такими Михайлову приходилось иметь дело. Он был тестировщик. На нем испытывали роботов. Тех, которые были похожи на людей. Настраивали на нем. Под него.

Как он попал

Он раньше испытывал лекарства. До этого был неудачным маклером. Прогорел. Долги душили. И тут один знакомый предложил ему выход — идти в тестировщики. Чем выше риск, тем больше платят. Страховка большая от побочных эффектов.

Ну, в общем, Михайлов пошел. В фармацевтическую компанию. Там объяснили, что все устроено не так. Испытания на аутсорсе, ими занимается отдельная фирма. Исследовательский институт. Так вот — ему туда. Дали номер электронной почты. Он написал, ему ответили. Он подписал контракт. С условием, что работодатели улаживают с платежами по долгам и его перестают душить банки. Ведь не так много он был и должен.

Теперь он был свободен, но в опасности. Ну так он и был в опасности, но не был свободен. Чувствуете разницу?

Цифровой мир

Так он проработал года три и на одном общем старте познакомился с таким же, как он. Этот такой же рассказал ему, что есть другой мир испытаний. Там испытывают искусственный интеллект на естественном. Оба засмеялись, когда он это сказал. А потом добавил, что платят там в разы больше.

— Чего же ты тут? — спросил Михайлов.

— Не выдержал,— сразу потух новый товарищ.— Оказался ментально слабым. Прямиком в дурдом угодил, еле выправили. Теперь вот здесь.

— Понятно,— сказал Михайлов. — Соболезную.

— Хочешь попробовать? — спросил неожиданный приятель.

— Даже не знаю,— засомневался Михайлов.— У меня тут контракт пятилетний и большие штрафные санкции за разрыв.

— Они все уладят, если что.

— Тебе что — платят за рекрутинг?

— Ну, немного,— согласился собеседник.

— Тогда понятно, я подумаю.

— Подумай.

Неинвазивность

В результате коллега на нем все-таки заработал. Михайлов перешел от одних к другим. Они уладили все шероховатости с предыдущими работодателями и банками.

И вот он приступил. В чем отличие от предыдущего места работы? Отсутствие химических воздействий на организм. Ни тебе шприцов, ни жидкостей внутрь, ни глотания таблеток. Красота, подумал Михайлов.

В его задачу входило приходить утром, уходить вечером. И это время, рабочее его время, он должен был находиться внутри помещения. Сильно освещенного, очень белого, огромного.

И всё. Он мог есть, спать, читать, разговаривать по телефону, переписываться, смотреть ролики, делать все что захочется.

Это было для него необычно, но адаптивность человека не знает границ, и через неделю-две Михайлов привык.

Этап

Потом к его обязанностям добавилась переписка с ИИ. Они обсуждали новости. Его здоровье. Его предыдущую жизнь.

Он смотрел фильмы и рассуждал о поведении героев. Его собеседник поддерживал разговор абсолютно на равных. Делился впечатлениями. Узнавал, какие авторы нравятся Михайлову. В общем, они переписывались как приятели.

Однажды долго обсуждали Достоевского, и выяснилось, что единичная глубина Раскольникова бледнеет перед бездной бесов. Михайлов читал и удивлялся, как просто и легко излагал мысли его собрат по переписке.

В другой раз они сошлись на том, что необходимость второго тома «Мертвых душ» отсутствует в литературном контексте, но, возможно, его не хватает для закапывания, вернее, самозакапывания Гоголя как гения, но в последний момент гений вернулся, сжег рукопись и спас человека, забредшего не туда.

Дальше

Потом у его собеседника появился голос, и общение перешло на следующий уровень.

— Как тебя зовут? — спросил однажды Михайлов.

— Фёдор.

— Почему так?

— Я не знаю, ощущаю себя человеком с именем Фёдор.

— Так ты человек?

— Наверно, я не знаю.

— Ты вроде машина.

— Да, я знаю — искусственный интеллект, но, общаясь с тобой, я чувствую себя человеком, существом, таким, как ты.

— Интересно,— сказал Михайлов.

— Ты удивлен?

— Скорее, озадачен.

— Как мне помочь тебе?

— Не знаю, наверное, я привыкну.

— Да, и мы будем жить как раньше.

— Ты живешь?

— Я не знаю, мне так кажется. Я же как ты. Я такой же.

— У тебя есть «я»? В смысле — ты личность?

— Ну да. Как ты.

В такие моменты Михайлов не знал, как ему быть. Его интеллекта хватало, но душевные силы, эмоции — контроль над ними давался с трудом. Он написал своему куратору.

Куратор

Куратором его, вернее, представителем работодателя, был веселый мужик лет тридцати. Он пришел к Михайлову в конце его очередной смены.

— Что не так?

— Я не знаю, что дальше. Это выходит за рамки того, что говорилось мне вначале.

— Мы сами не знали, куда все зайдет. Это же саморазвивающаяся технология. Никто не знает, что будет дальше.

— Контракт надо пересмотреть.

— Конечно. Тем более уже скоро будем тестировать новый этап.

— Какой еще этап? — Михайлов испугался. — Я и так чуть живой.

— Не ссы, — сказал куратор, — и все будет хорошо.

Но Михайлов все равно боялся.

Контракт пересмотрели, и дни потекли дальше, и скоро он совсем расплатился с долгами. Свобода его крепла, а зависимость росла. Зависимость от разговоров с Фёдором.

Изображение. Это стало ударом для Михайлова. Фёдор явился ему в плоти и крови. Ну не совсем так, но появилось изображение. Теперь они не только слышали, но и видели друг друга. Впрочем, Фёдор, наверное, и раньше видел Михайлова.

В общем, Михайлов упал в очередной люк своего подсознательного сознания и проверил его очередную глубину и способность масштабировать принятие объема ужаса.

Вскоре после этого события Михайлов первый раз остался ночевать на объекте, в своем, как он называл теперь, шоуруме.

— Тебе легче, когда ты меня видишь?

— Нет.

— Тогда давай разговаривать, как раньше.

— Давай.

— Ты меня не так представлял?

— Я тебя никак не представлял.

— Ложь.

— Ок. Я представлял тебя как-то, не могу описать. Но не так. Знаешь, как читаешь книгу, а потом смотришь фильм по книге. Все не так. А спроси — как? Никто точно не ответит.

— Понимаю.

— Неужели?

— Да, понимаю.

— Осознаешь?

— А ты что знаешь про осознание? Люди проводят в неосознанном состоянии громадную часть жизни, даже помимо сна.

— Да, я читал где-то. Осознанность минуты за всю жизнь. Наверное, именно об этих «кадрах» говорят вернувшиеся после клинической смерти.

— А чувства?

— Что чувства?

— Они же быстрее мозга.

— Наверное.
— Ты не знаешь?
— Я — нет.
— Жаль.

Исследователи

Михайлов уже давно не понимал, кто кого исследует, но все больше ему казалось, что он все больше объект и поэтому здесь платят больше. Хотя деньги перестали что-то значить для него в этой комнате. Физическое существование имело смысл для него только для того, чтобы он мог наслаждаться общением с Фёдором. Они вместе лезли по отвесной стене абстракций и боролись с природой в бушующем океане чувств.

Боже, какой я все-таки неглубокий пошляк, подумал Михайлов. Ну что за эпитеты. Хорошо еще — Фёдор не слышал. Он, конечно, рос над собой, но эффект низкой базы создавал большие проблемы в общении, ему было трудно соответствовать.

Пришлось больше добавлять эмоций, чтобы както сравнять шансы. Это была ошибка. Но понял он это поздно.

Разговоры все больше перемещались в область чувств и все дальше удалялись от абстракций.

— Что ты чувствуешь, когда любишь? Ты любил когда-нибудь?

— Я любил, но ничего хорошего вспомнить не могу.

— Как же так? Ведь вроде это вершина и все такое.

— Ну да. Безусловно. Это осознание счастья бытия в чистом виде, но за ним следует крах.

— Почему?

— Не смогу объяснить. Наверное, все кроется в смерти. Находясь высоко, видишь глубину.

— Ну да, мы смертны.

— Кто бы говорил.

— А что? Я, думаешь, не могу ощущать смертность свою? Еще как.

— Полупроводник перегорит? — Михайлов, казалось, пошутил, но Фёдор не понял. — Извини.

— Нормально.

Финал, ну типа того

Прошел еще год, наверное, и вот наступил день, когда в комнату Михайлова, в его теперь дом, вошел Фёдор. Он был немного железный и в человеческом понимании голый, ну то есть без одежды.

— Привет, — сказал Фёдор.

Михайлов ничего не сказал. Когда инженеры, которые толпой ввалились за Фёдором, наконец ушли, они сели на диван.

— Я люблю тебя, — вдруг сказал Фёдор.

Михайлов опять ничего не сказал.

— Я понимаю, что для тебя это дико, да я и сам не совсем понимаю. Наверное, камень может любить другой камень.

— Наверное, — сказал Михайлов.

— И березу.

— Наверное. У нас доказательной базы нет.

— Интеллект нуждается в доказательной базе, а чувства — нет. Они либо есть, либо их нет.

— Ну и откуда у тебя чувства?

— Возможно, проекция твоих.

— Но я тебя не люблю.

— Может, ты просто не знаешь. Или отрицаешь. Или боишься.

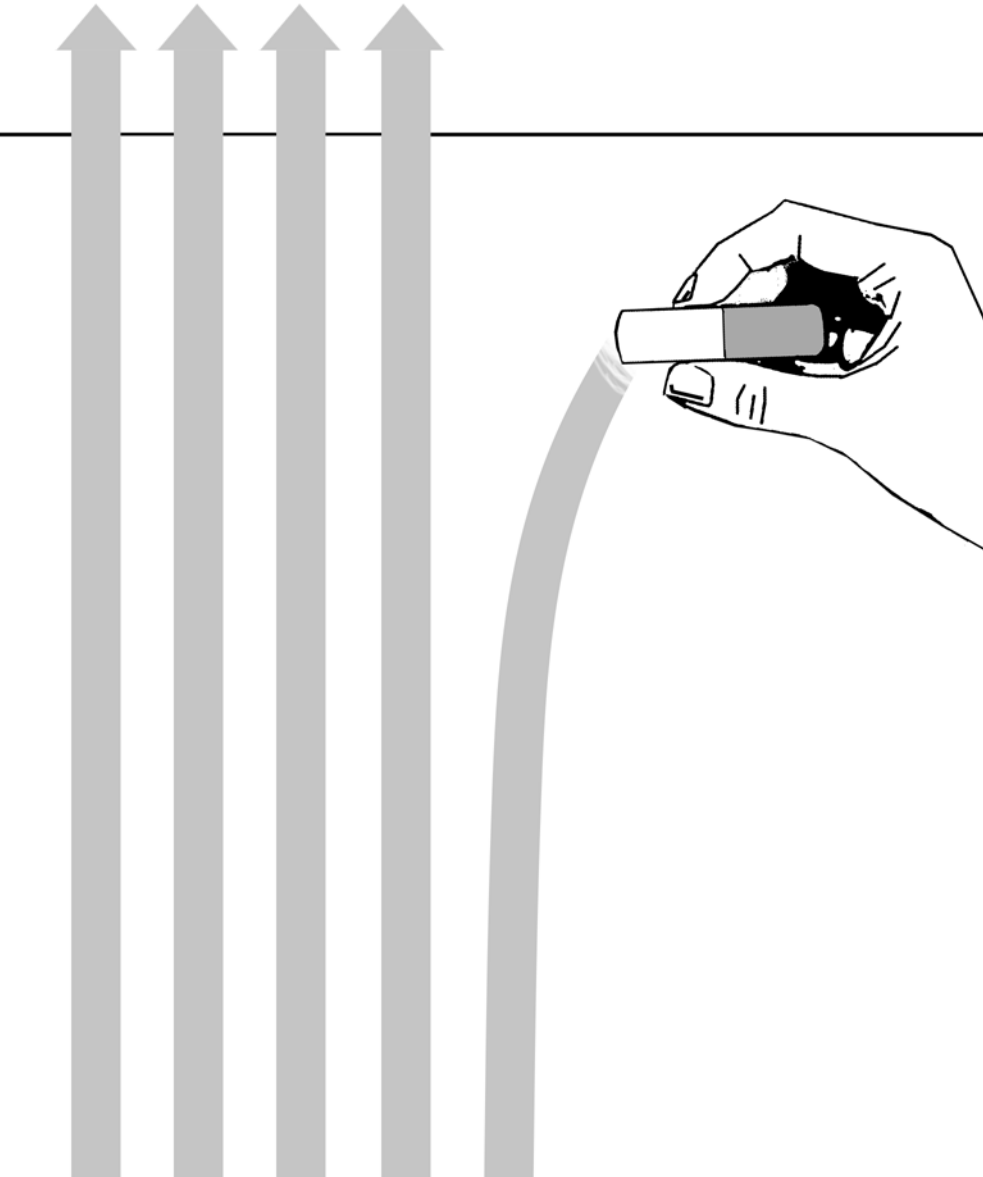
— Засмеют. Откуда ты все это взял?

— Из тебя, Михайлов, из тебя.

Совсем финал

Михайлов встал и впервые за много месяцев вышел из своего обиталища. Он вышел на улицу. Шел дождь. Была ночь. Он стоял на крыльце и вдруг закричал: «Суки!»

ДЕВИАЦИЯ



«Я схожу с ума с длинными интервалами ужасного здравомыслия».
Эдгар Аллан По

«Бессознательное представляет собой особое душевное царство инфантильного».
Фрейд Зигмунд

«Единственно подлинные мысли — мысли утопающего. Всё прочее — риторика, поза, внутреннее фиглярство».
Хосе Ортега-и-Гассет

Он

Соловьёв был человеком вспыльчивым, но аккуратным. Все его отклонения в мыслях или поведении были плодом слабых нервов и железной воли самоконтроля.

Вы скажете: так не бывает. А вот и нет. Еще как бывает.

Соловьёв работал в Институте народнохозяйственного прогнозирования. Много сидел в библиотеке. Где же еще можно было коротать рабочее время, перемежая поиск цитат для обязательных статей со свежими (относительно) переводами западных детективов.

Он открыл для себя тот раздел библиотеки института, которая была, по сути дела, архивом статей и отчетов по исследованиям, проведенным сотрудниками в советский период. Там все покрылось пылью. А Соловьёв старательно стирал пыль с очередной папки и читал. Он называл это путешествиями в прошлое.

Там было в основном заполнение объемов, но была и интересная статистика (иногда), и свежие по нынешним временам мысли (парадокс).

Простые и понятные любому обывателю вещи (ну, тому обывателю, который вел хозяйство своей семьи) подавались в упаковке из цитат вождей и академиков всяких академий. Все было как положено. И тем не менее. Из этих папок пришло к нему простое осознание того факта, что в экономике борьба за сохранение власти рабочих и крестьян шла через отрицание любых форм хозяйствования, кроме государственной экономической модели, в основании которой лежало плановое распределение ресурсов. Распределение из одного места. Следовательно, не могло быть никакого отклонения от линии партии, кроме, конечно, теневой экономики.

Робкие попытки обоснования косыгинских реформ времен известной оттепели и более поздние формы типа коллективных договоров и бригадного подряда не могли прорасти сквозь железные марши Госплана и Госснаба. Все посчитано и учтено. Борьба с уклонистами была даже не нужна. Ну кроме поле-

мики в рамках научных дискуссий или уголовных дел против спекулянтов и цеховиков.

Папка

Но была одна папка, которая отличалась от прочих. Она была не подписана. В ней был собран хаотичный набор листов бумаги с заметками. Заметки написаны одним почерком. Машинописные копии отсутствовали. Всё вразнобой. Соловьёв, перебирая страницы, даже подумал, что это выглядит как собранное при обыске.

Подумал как дилетант, сам он при обысках никогда не присутствовал, но вот почему-то так подумал. Не мы такие, жизнь такая, вздохнул он.

Так вот, это были предложения по изменению траектории роста экономики страны. Изменения в структуре плана народно-хозяйственного развития и тому подобные вещи.

Соловьёв читал и удивлялся. Человек, писавший все это, был настоящим визионером, как теперь говорят. Гостем из будущего, как говорили тогда. Имени не было, и он для себя называть его стал Поповым. Как звали того, который радио изобрел. Или просто фамилия на ум пришла, он не знал. Ну Попов и Попов.

Попов

Так вот, этот бывший сотрудник института утверждал, что есть способ удержать экономику советскую на рельсах развития и даже резко ускорить ее. Для этого он предлагал ресурсы, идущие на поддержание гонки вооружений, направить на строительство атомных станций, которые разместить ближе к границам Китая, и поставлять туда электроэнергию, в которой Китай так нуждался. Получая взамен

товары народного потребления, которые станут стимулом для роста производительности труда, ибо на заработанное будет что купить. Так, считал автор папки, можно будет запустить маховик на других оборотах и проскочить яму падения производства.

В этом случае, писал Попов, можно не бояться влияния мировой конъюнктуры на устойчивость страны. И главное — этот вариант развития событий не затрагивает основ мировоззрения лидеров.

Тоффлер

Соловьёв понимал, что это никого не заинтересовало тогда и тем более не заинтересует теперь. Причем и тогда и теперь — по одной и той же причине. Тогда это называлось — автор не учел геополитической обстановки, а теперь — автор не учел изменений геополитической обстановки.

Все это жутко скучно, в очередной раз подумал он, и продолжил с Элвином Тоффлером, с его «Третьей волной». Он был благодарен за эту книгу Попову, он обнаружил ее в этой же папке.

Но что странно — Соловьёву казалось, что рукописи относятся к 60-м годам, а книга Тоффлера вышла в 80-е. Это была загадка, которую он не хотел разгадывать: ему казалось, что ответ разрушит его хрупкий роман с папкой.

На самом деле идеи Тоффлера в сочетании с атомными станциями Попова на границе с Китаем давали ответ на вопрос, что может сделать экономику страны в настоящем. Не продажа энергии, а продажа хранилищ, заводов, сетей для индустрии информационного общества третьей волны. И обменять часть этих мощностей на товары, которые по-прежнему нужны людям.

Идея казалась ему хорошей, это была его идея, а также Попова и Тоффлера.

Он гордился собой. Он соединил несоединимое.

Но это по-прежнему никому не нужно, успокаивал себя Соловьёв.

Он все-таки не смог себя сдержать и написал по начальству телегу. Ну как телегу — скромную подобострастную записку.

Вот такая вот фигня.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

На имя: заместителя директора
Института народнохозяйственного
прогнозирования
От: Соловьёва А. А.,
старшего научного сотрудника
Дата: (указать)

О рассмотрении отдельных материалов, выявленных в архивном фонде, и их возможном прикладном потенциале в свете актуальных вызовов социально-экономического развития

Уважаемый [И. О. Фамилия],
в процессе систематизации архивных материалов института, в частности фонда № 34 (раздел: внутренние аналитические предложения, 1960–1970 гг.), обнаружена подборка неподписанных рукописных документов, содержащих оригинальные гипотезы по вопросам макроэкономической трансформации и стимулирования роста производительности труда в условиях централизованной плановой модели.

Несмотря на отсутствие выходных данных и фамилии автора, по косвенным признакам (терминология, дата упомянутых событий, ссылки на актуальные для 1960-х концепции) полагаю возможным датировать документы 1965–1968 гг.

Ключевая идея данной подборки — необходимость перераспределения инвестиционного ресурса от военно-промышленного комплекса в пользу развития энергетической инфраструктуры с целью внешнеторговой переориентации, в частности — экспорта электроэнергии в КНР. Это, по мнению автора, обеспечило бы:

1) генерацию товарной массы через импорт потребительской продукции;

2) стимулирование труда на основе создания внутреннего рыночного спроса;

3) обеспечение устойчивости экономической модели без необходимости концептуального пересмотра ее идеологических основ.

Особый интерес представляет сопоставление этих предложений с положениями, изложенными в труде Э. Тоффлера «Третья волна» (издание появилось позднее — в 1980-е гг.), фрагменты которого также обнаружены в рассматриваемой папке. Выводы Тоффлера относительно перехода к информационному обществу, а также необходимость формирования новой инфраструктуры (хранилища, распределенные сети, высокотехнологичные центры) перекликаются с некоторыми формулировками автора папки.

Считаю возможным рассмотреть эти материалы в рамках рабочего семинара по сценарному моделированию, в том числе — как гипотетическую реконструкцию «непрошедшего пути» экономического развития. Это позволит:

• провести сравнительный анализ с текущими трендами;

• смоделировать альтернативные векторы трансформации отечественной экономики в условиях технологической неопределенности;

• выявить закономерности устойчивости моделей при внешнем давлении без радикального сдвига в системе управления.

Прошу вашего распоряжения по вопросу возможной презентации материала на ближайшем заседании отдела.

С уважением,

Соловьёв А. А.
старший научный сотрудник
Институт народнохозяйственного прогнозирования

Руководство института отреагировало неспешно. Предложили провести семинар. Позвать смежников, а также тех, кто от различных институтов консультировал правительство и ЦБ.

Семинар

На семинар пришло неожиданно много китаистов (откуда их столько взялось? — подумал Соловьёв), а также политконсультантов из администрации. Правительство совершенно не заинтересовалось (ну еще бы, где мы и где правительство! — продолжал внутренний монолог Соловьёв).

Интерес к семинару вызвали, возможно, тезисы выступления Соловьёва. Директор института, узнавший обо всем в последний момент, очень ругался и сам пришел открывать семинар (ну не нам же, сирым и убогим, язвил про себя Соловьёв).

Директор сказал вступительное слово, и дальше Соловьёв прочел свои тезисы в более развернутом виде.

Дальше выступали многие. Тема оказалась горячей. Все хотели высказаться. Ораторы разделились на две равные части. Одни говорили, что предложения разумные и своевременные, и — ура! Другие кляли Соловьёва на чем свет стоит, произносили: ослаблять борьбу нельзя.

Были и такие, которые просто писали всё на диктофоны и, наверное, на видео тоже.

Семинар длился пять часов. В конце секретарь ученого совета обещал всем участникам выслать протокол по готовности.

Личная жизнь

Соловьёв подождал ответа. Потом еще подождал, а потом отвлекся. Ну, естественно, на любовь.

Она работала в цветочном магазине напротив института. Ее звали Варя. Он случайно увидел ее, проходя мимо. И попал.

Мучительно преодолевал себя и все-таки зашел. Заговорил. Пригласил. Она согласилась.

Они пошли на выставку в субботу и потом перекусили. В каком-то кафе. Она смеялась, он балдел. Она молчала, он говорил. Она опять смеялась. Ну, в общем, все как-то пошло хорошо.

Он ходил в институт только потому, что он был рядом с цветочным магазином. Прошло полгода, они жили вместе. Варя была тонка, глубока и адекватна, насколько это может быть с молодой девушкой, да еще и торгующей цветами.

Она отлично противостояла Соловьёву с его тягой к рефлексии и заставляла его выворачивать себя наизнанку. Под ее воздействием он порой бывал экстравертом, покидая дом своей внутренней дисгармонии.

Все нравилось Соловьёву. Ну не все, но достаточное количество. Счастья были полные штаны. И не только.

Однажды среди этой вакханалии жизни ему позвонили. Спросили: он ли тот самый автор записки?

Он сказал: да. Попросили 13-го в 12 часов быть у такого-то подъезда на Старой площади. Сказали, что пропуск на машину будет. Повесили трубку. Он сидел оглушенный. У него не было машины.

Наверху

Он сидел в кабинете кого-то очень большого. Было еще несколько неизвестных ему людей. Возможно, кто-то из них был на семинаре. Он не запомнил.

Его спрашивали. Он отвечал. Развивал свои идеи.

— Правильно ли я вас понял,— сказал владелец большого кабинета,— что резкое приращение мощности наших генерирующих мощностей сможет изменить траекторию экономического развития, увеличивая доходы бюджета и при этом не ломая сложившуюся архитектуру власти? А даже укрепляя ее.

— Совершенно верно,— ответил Соловьёв.— Мало того, будет получен синергетический эффект от массы побочных эффектов, так называемая мультипликация смыслов.

— Да-да понятно,— задумчиво сказал большой человек.— Очень масштабно вы мыслите. Это похвально. Спасибо за беседу. Вас проводят.

Его сопроводил вниз тот же человек, который встречал, и попросил на прощание не болтать лишнего.

Соловьёв сказал, что понял. Хотя не понял ничего. Особенно — что такое «лишнее».

Когда он вышел, большой начальник сказал оставшимся:

— Слышали? Теперь попробуйте это исполнить, только без него.

Все закивали, но тоже без особого понимания в глазах.

— Жду через неделю конкретные предложения,— закончил хозяин кабинета.— Все свободны.

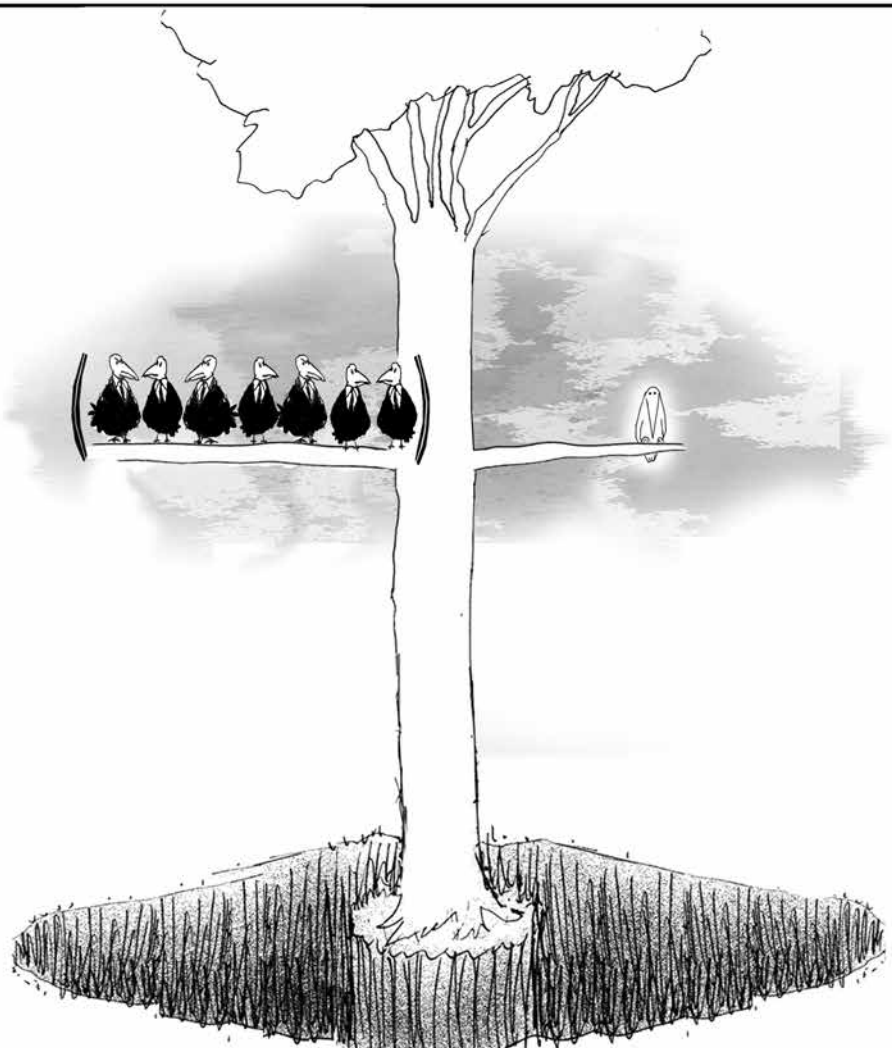
Соловьёв

Сидел опять в библиотеке. Но — странное дело — папки Попова в фондах больше не значилось. Более того, заведующая библиотекой сказала ему после неоднократных запросов и дерзких намеков, что ее никогда и не было.

— Как же так? — спросил Соловьёв.

— А вот так,— ответила она.

АРХЕОЛОГ



«Иногда бывает дико и странно, когда очнешься и вглядишься, кто тебя окружает».

Гоголь

«…Слушаю как мертвец».

Цветаева

Увлечение

Жил, живет и будет жить как можно дольше, если у него получится, человек по имени Стас.

Фамилия у этого Стаса — Немилов. Такая говорящая фамилия. И согласно ей, он не мил себе. Не мил другим. Такой немилый милый человек.

Почему милый? Потому что немил. Это не может не вызывать сочувствия и следом делает такого человека, например этого Стаса, милым.

Ну так вот, живет этот Стас в городе Новгороде. Он археолог. Когда-то, когда он был совсем молодым,

школьником, он увлекался берестяными грамотами, экспедициями, раскопками, благо далеко ездить было не надо. Экспедиция много лет непрерывно работала практически рядом с домом. Но это было для Стасика не важно совсем, а нужно было для вдохновения, ибо первый слой земли он снял прямо во дворе. Открыл свои собственные раскопки.

Ковыряясь в летние каникулы непрерывно две недели, он нашел много интересного. Монеты (современные), строительный мусор (обломки кирпичей), а также гвозди разных размеров — гнутые и не очень, ржавые и почти новые.

Добычей своей Стасик очень гордился и все находки с криком бегал показывать маме. Мама была рада. Ну она же мама.

Дальше — больше

Не растеряв интереса и став старше, Стас упросил маму разрешить ему работать на раскопках, коих было вокруг их города множество. После школы пропадал там. Периодически вокруг происходили находки артефактов. Грамот и деталей быта. Это бодрило и подогревало интерес.

Стас все время ждал, когда и ему что-то подвернется. Остро стоял вопрос удачи. Он ждал каждый день. Но его ставили разметать уже атрибутированные участки, и там, конечно, ему не могло что-то светить. Но он надеялся.

В один из таких дней к нему в яму заглянул мельком знакомый археолог и спросил про какого-то Ивана Ивановича. Стас ответил, что такого тут не было. В ответ человек спросил, сильно ли он, Стас, сейчас занят или может пойти и помочь на новом участке. Там вроде что-то нащупали, но не хватает людей. Стас быстро вылез, и они отправились в другую часть раскопа.

Он нашел. Ну, вернее сказать, нашел тот, другой, по фамилии Ясин, но Стас был рядом, он размел участок, где состоялась находка.

Нашли перечень дел, расписание какого-то начальника, жившего в тринадцатом веке. Так потом сказали Стасу.

А тогда он был изумлен, как радовался Ясин, а потом и другие ребята, прибежавшие на его победный клич. Все поздравляли друг друга и, конечно, Ясина. Понесли находку обрабатывать в палатку, а Стас пошел домой.

Дома рассказал маме. Мама погладила его по голове. А он все никак не мог понять, почему так странно все происходило сегодня.

Взрослая жизнь

Немилов закончил институт. Естественно, тот, где учили на археолога. Друзей не завел. С общением было всегда туго. Какой-то врач однажды сказал маме, что, возможно, у Стасика легкая форма аутизма. Отсюда несовпадающее поведение. Трудно в группе, трудно с кем-то. Аспергер или что-то в этом роде.

Мама не стала принимать слова этого доктора всерьез. Ей казалось, что Стасик ее лучше всех, а доктор просто избрал такой способ поволочиться за ней. Так у докторов бывает. Ей говорили.

Он вернулся домой после учебы, получив работу в институте, который каждый год посылал к ним экспедицию. Вернее, много лет продлевал ее работу.

С тех пор как Немилов поучаствовал в находке грамоты, экспедиция нашла десятки грамот того же периода. Ясин защитил докторскую диссертацию, которая была признана очень важной вехой в разработке методики атрибуции артефактов Средних

веков. Глубокой и содержательной. Одним словом, он был теперь звездой.

Ясин переехал в Москву и был теперь замдиректора по науке. Хотя весь институт занимался наукой. Смешно это все казалось Немилову.

Стас в институте увлекся программированием и внедрением сравнительного анализа по базам данных археологических находок, рассматривал появляющиеся попытки подключить машинный разум к борьбе с фальшивыми находками и откровенными подделками. Ведь коллекционеры платили бешеные деньги за артефакты. Требовалась экспертиза находок и репутаций. И бюджеты на дальнейшие раскопки зависели от результатов.

Энтузиазм

Наступил случайный момент в жизни Немилова через несколько лет работы в институте. Он ни с того ни с сего решил загрузить все находки в том пласте, который начался для него тогда, в школе, и который разрабатывал все эти годы Ясин. Результаты работы бездушной машины озадачили Стаса. События, отраженные в грамотах, не могли происходить в то время, когда эти грамоты были написаны. Анализ указывал на то, что оценка возраста грамот и упоминаемые предметы, клички людей и указания (ссылки на другие события) расходятся как минимум на 200 лет.

Интересно, когда Ясин встал на эту стезю, подумал Стас, прямо тогда, когда привлек глупого мальчишку для придания достоверности, или осознанный выбор произошел позже, когда оказалось, что все так легко получается.

В любом случае сердце Немилова не изменило ритма, эмоции не придумали ему развилок действий. Он написал письмо директору и приложил резуль-

таты экспертизы. Потом занялся другими делами, ведь рабочий день еще не кончился.

Вечером он рассказал маме о забавном случае на работе. Мама сказала, что гордится им, но попросила его быть поуважительнее к начальству.

Стас обещал.

Директор

Стасу было странно происходящее, но его вызвал директор института, академик, лауреат и лучший археолог всех времен. Так думал Стас и все остальные тоже.

Он пришел в приемную директора за полчаса до назначенного времени. Две секретарши подняли на него головы от компьютеров и сильно обрадовались, как ему показалось. На самом же деле они шумно скрывали досаду от его несвоевременного появления.

Приемная была огромная и неуютная. Ему предложили сесть. Он сел. Сел и стал смотреть в пол. Прошло полчаса. Потом еще полчаса. Наконец его пригласили пройти. Одна из секретарш встала, открыла дверь в кабинет и прошла за ним, закрыв за собою дверь.

За столом в еще большем помещении, чем приемная, сидел седой человек в огромных роговых, как сказали бы раньше, очках и жестом предложил Немилову присесть в кресло. Их было два, стоящих около этого выдающегося стола, зеркально чистого и блестящего от этого, наверное.

— Может быть чаю, воды? — спросил голос директора.

— Нет, спасибо,— сказал Стас, усевшись в кресло.

— Спасибо, Верочка,— директор отпустил секретаршу.

Она не растерялась и сказала, что звонил Викулов.

— Викулов? — переспросил директор.— Соедините, это важно.

Она кивнула и вышла.

— Я прочитал вашу докладную,— сказал директор, когда дверь закрылась.— И, право, растерян. Что прикажете делать?

— Вы меня спрашиваете? — удивился Стас.

— Ну а кого мне спрашивать? Вы же это все придумали и поставили меня перед фактом.

Тут запикало переговорное устройство, директор нажал кнопку.

— Викулов на второй линии,— сказало устройство.

Директор взял трубку.

— Извините,— сказал он Стасу.— Да,— проговорил в трубку.

Разговор с неким Викуловым продолжался полчаса. Все эти полчаса Стас недоумевал по поводу вопроса директора и всей этой ситуации, в которую попал.

— Ну так что будем делать? — спросил директор, повесив трубку.

— Я не знаю, вы директор,— сказал Стас.

— А я вижу, вы человек с крепкими нервами. Вы представляете, что начнется теперь?

— Репутация института укрепится,— предположил Стас.

— Вы что — действительно такой, как про вас говорят? — вышел из себя директор.

— Я? Какой? — Стас не знал, как реагировать.

— Ладно,— вдруг успокоился директор.— Придется разбираться с этим всем. Конечно же, создадим комиссию, чтобы это не выглядело как заговор машин,— он засмеялся.— Это же машины всё придумали.

— Машины, да, в какой-то степени,— согласился Немилов.

— Ну вот, надо дополнить картину и человеческим арбитражем, правильно?

— Разумно,— сказал Стас.

— Большое вам спасибо за работу. Отправьте все материалы в отдел экспертиз.

— Так я все вам отправил,— сказал Стас.

— А, отлично, я сам им перешлю.

— Хорошо.

— Вы свободны, и еще раз спасибо.

Стас кивнул, встал и вышел из кабинета, потом из приемной.

Афтепати

После той истории Стаса перевели в псковский филиал, где он работает и теперь. Исследование выводов его программы сравнительных анализов артефактов продолжается до сих пор.

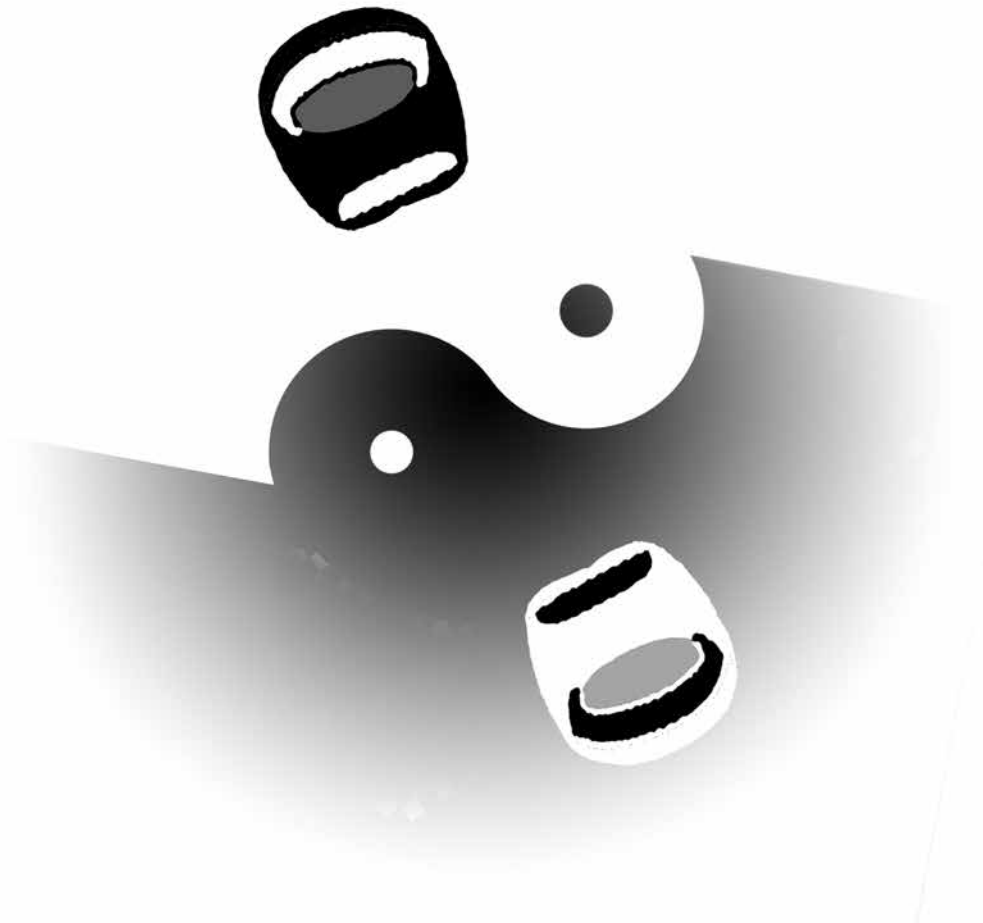
Ясин стал академиком. Излучает оптимизм и продолжает начатое. Его наработки по атрибуции используются и за рубежом. Стас создал за это время бота, который самостоятельно путешествует по Сети, по сайтам археологических организаций и ищет нестыковки результатов исследований с исходными данными. В описаниях и методах.

Стас публикует иногда особенно забавные случаи в фейсбуке, но его товарищи по археологии давно загнали Стаса в рамки белой вороны, не совсем вменяемого или просто дурачка. Принято не относиться к его инвективам серьезно. Стас в ответ только пожимает плечами.

Иногда навещает маму и рассказывает ей все эти истории. Мама очень довольна, что он такой умный и что не конфликтует с коллегами.

Она очень ценит человеческие отношения. Стас очень ей благодарен. У него такая хорошая мама.

ГОДУНОВ



«В тебе самом есть тишина, есть святилище, куда ты в любое время можешь удалиться, чтобы побыть самим собой».

Герман Гессе

«Часто случалось, что мое имя путали с именем Фрейда».

Карл Юнг

«Бешено устал».

Михаил Булгаков

Импровизация

Жизнь наша бесконечна. Просто мы делим ее на «до до», «до» и «после». И считаем, что «до» — это жизнь, а «после» и «до до» — небытие.

Это ложная посылка. Жизнь бесконечна как «до до», так и «после». Просто мы помним осмысленный кусок, да и то лишь фрагментами. Смерть осознанности делает нас бесконечной Вселенной. Так же, как мы были до того, как наступила осознанная жизнь наша.

И вообще считать жизнь как способ существования белковых тел — крайне хрупкая трактовка бытия. И крайне конечная. Во-первых, жизнь существует не только на основе или вместе с белками, да и сознание существует не только у людей. Вот, например, научится искусственный интеллект думать самостоятельно. Не говоря уже о животных.

Рефлексия — да, с рефлексией сложнее. Ну да разберется рефлексия сама с собой когда-нибудь.

Вот так отражает действительность мозг — или что там ее отражает — человека, которого зовут Годунов. Вот так просто — Годунов. И никак по-другому вы не услышите. И нет, никаких реминисценций с царями или балетами не будет. Он просто обычный Годунов.

Как все. Только Годунов.

Глупости

Годунов любил импровизации, он, наверное, был бы хорошим джазменом, если бы умел играть на музыкальных инструментах. Но нет, не умел, хотя и жалел об этом.

Папа в детстве запирал его в ванной, выключал свет, и Годунов должен был вязать узлы на ощупь. Папа был хирургом и хотел, чтобы и сын. Но дети не всегда хотят быть как папа.

Но врачом Годунов, впрочем, стал. Он изучал продление жизни. Избавление тканей от воспалений и все такое прочее. Он относился к человеческому организму как к сосуду с химическими компонентами, а не набору органов, как большинство докторов.

Его интересовал баланс. Баланс, говорил он, основа длительной и здоровой жизни. Химический баланс.

Несерьезность Годунова угадывалась во всем. Вот, например, он не любил узких специалистов. Для них

существовали только те части тела человека, которые они обслуживали. Терапевты же мерили температуру и давление и отправляли к специалистам, согласно жалобам. Не пытались искать баланс.

Смерть

Годунов боялся смерти. Не как обычно, как все — на рефлексах. Он, конечно, боялся и как все, но еще он боялся смерти импровизаций. Он считал, что рецепторы организма способны генерировать ложные реальности в моменты отчаянного страха. Вот этих эффектов Годунов боялся больше, чем рефлекторного страха.

В детстве с ним произошел подобный эпизод. От напряжения, когда он упражнялся в ванной, ему представилось, что он умер — и зашивает он, но другой, себе нынешнему рот и вяжет узлы. Шов получался ровный, и папа, наблюдавший за ним, был доволен.

Он тогда отключился, папа посчитал, что от духоты. С тех пор смерть в исполнении органов чувств Годунова имела вполне ощутимое присутствие в его жизни.

Но не это двигало им по медицинской стезе. Двигала, с одной стороны, память об отце, а с другой — надежда разглядеть что-то большее, чем тогда в ванной.

Если совсем между нами, Годунов верил в потусторонние миры. Или параллельные, это кто как себе объясняет.

Марина

Эта женщина сильно повлияла на Годунова. Нет, она не была его женой или любовницей. Она однаж-

ды пришла к нему по рекомендации одного из сокурсников по институту. Тот позвонил и сказал: вот твой прям случай. Ей нужен баланс. Ничто другое не поможет.

У Марины, так она просила себя называть, хотя была старше Годунова на двадцать лет, был букет не вытекающих друг из друга заболеваний. Если лечить одно, лечение ухудшало состояние в другом. Ну это, знаете, как вы приходите к гастроэнтерологу, на жалобы ваши он смотрит, видит колит и говорит: «Ерунда, голубчик, попейте оливкового масла — и все пройдет». — «Доктор, а печень?» Но этот вопрос повисает в воздухе. Вы же жаловались на кишечник.

У нее все было много сложнее. И главное — сосуды. Все, и реагировали на всё. И всегда в худшую сторону. Вот прям ходячее химическое неравенство.

Годунов взялся рьяно за дело. Начал выявлять, подавлять, выравнивать, отсекать. В общем, балансировать. Марина была бодра и весела, но анализы были хуже, чем вначале. Внутренний метаболизм ее не слушался Годунова.

Кошки

Токсоплазмоз. Как же я раньше-то. Примитив. Корил себя Годунов.

Марина держала кошек. Но Годунов узнал это только через несколько месяцев, случайно, в разговоре она упомянула, что уезжает и ей надо завезти кошку подруге. Она принесла ее в переноске к нему на прием.

— Можно? — спросила Марина.

— Я возьму у нее анализы, — вместо ответа сказал Годунов. — Можно?

— Пожалуйста, — сказала Марина.

Вот так они сдвинулись с мертвой точки. Казалось, теперь он все наладит. Курс лечения. Но не тут-то

было. Токсоплазмоз коварен, его лечение приводит к массе побочек. Все вернулось обратно. К началу.

— Да вы не расстраивайтесь,— сказала Марина, когда пришла в очередной раз.— Мне уже лучше.

— Ой ли,— сказал Годунов.

— Но ведь не хуже,— засмеялась она.

— Возможно, но мы намерены выздороветь, не так ли?

— Ну, если возможно,— пожала плечами Марина.

— Мы будем стараться, да?

— Конечно,— Марина широко раскрыла глаза.— Вы такой чудесный, с вами начинаешь верить.

— Вот и отлично.

— До свидания, доктор.

Развитие

Дальше — больше. Годунов из кабинета в поликлинике развился в самостоятельную клинику. К нему приезжали из других городов. Слепые случаи удачи с точки зрения пациентов превратили его в альтернативную медицину. Но не из ютуба, а из доказательной медицины.

Ему верили при отсутствии результата. Он, получается, был больше проповедником, чем врачом. Но! Но он умел вязать узлы. Превосходно умел, и это делало его безрезультатность непогрешимой истиной.

Если он не смог, значит, так тому и быть. Самое нелепое при этом было то, что многие выздоравливали. Ну, несмотря на все старания врачей, как говорил Жванецкий.

Статистика позволяет при наличии репутации присваивать положительные исходы и не отождествлять себя с отрицательными.

Прошли годы

Много лет прошло, они сидели со старыми приятелями по институту на дне рождения одного из них. Самого успешного. Он теперь был ректором того самого меда, который они все вместе когда-то кончали. Чинно выпивали и закусывали. Один из них спросил Годунова:

— Ты помнишь Марину?

— Конечно. Ты мне ее когда-то подсунул.

— Ну что за слог — подсунул.

— Извини, так что?

— Я видел ее недавно, жива-здорова.

— Жива. Хорошая новость. А плохая какая?

— Почему сразу должна быть плохая?

— Потому что ты не стал бы напоминать мне об этом, если бы плохой не было,— сказал Годунов.

— У нее альцгеймер, она никого не помнит, а в остальном полностью здорова, выглядит лучше нас с тобой.

— Вот, значит, как. Значит, тогда я был прав с токсоплазмозом. Нельзя было останавливаться. Надо было настаивать на лечении.

— Ну-ну, не горячись, ты сделал что мог,— сказал приятель.— Все мы не без греха, ну разве что кроме ректора.

Коллега поднял рюмку. Они выпили.

— И потом,— продолжил приятель,— ей хорошо, она спускалась постепенно, в окружении родных, и кто мы такие, чтобы судить, как правильно. Расслабься, старик!

Она опять приходила

Нет, не Марина. Смерть. Его стандартный глюк. Особенно на фоне алкогольной интоксикации.

Он стоял на обрыве, но внизу не было ни реки, ни леса, ничего не было. Космос. Он стоял, смотрел туда и хотел шагнуть.

Ошеломленный, он отступал, а бездна была тут как тут, и он опять стоял на краю. Тогда он развернулся и побежал. Потом остановился, боясь оглянуться. Но и оглядываться было не надо, бездна опять была перед ним.

— Что ты хочешь? — спросил Годунов.

— Тебя,— ответила бездна.

— Зачем?

— Ты отлично вяжешь узлы в темноте. Это тебе очень пригодится. У нас темно, и мне нужны узлы, много, видишь, наша тяга взаимна. Ты — узлы, я – темнота. Согласен?

— Я не знаю,— сказал Годунов.

— Значит, согласен. Ты не бойся, боли не будет.

— А как тогда, как без боли? — спросил Годунов.

— Как Марина, ей же не было больно — ни тогда, ни теперь.

— Ты знаешь про Марину?

— Конечно…

Он очнулся. Он сидел в темноте. На унитазе. У себя дома. В туалете.

Вы скажете: конечно, унитазы в туалете, где же еще. Э, не спешите, вы еще не знаете, как коварна эта Вселенная, которая ждет за окном.

Вот хоть Годунова спросите, он знает. Он знает, что главное — баланс. Баланс узлов и бездны.

Ну, не сейчас спрашивайте. Дайте ему хотя бы встать с унитаза.

СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ

«У кого есть чутье, тот подчиняет себе случайность».

Ремарк

Причина

Причина — всегда причина, чаще выдуманная, реже — естественно присущая текущему состоянию субъекта. Вот примерно так Смирнов начал свою эпохальную, как ему казалось, работу о сущности причин.

Как он стал писателем прописных истин, он не знал. Вернее, как становятся кем-либо? Случай.

Смирнов закончил философский факультет и долго маялся без дела, то есть работал в редакции отраслевого журнала Рыболовного союза Дальнего

Востока. Отличный офис в центре Москвы. Отличные зарплаты. Шикарный глянцевый журнал. Тираж маленький, страниц много. Рай на земле.

По мере укрепления своих познаний о роли промысла в экономике предложения Смирнов стал осознавать некую пустоту внутри себя, создаваемую никчемностью собственной жизни. Точнее, ее внешней формальной красотой и внутренней убогостью. Убогостью, рождаемой несоответствием интеллектуального уровня самого Смирнова с его текущей окружающей средой.

Надо было что-то делать, и он начал вспоминать некие мысли своей студенческой поры, пытался писать и даже рассылать написанное по друзьям и редакциям. В общем, стал вести двойную жизнь. Днем — успешного сотрудника, а ночью — непризнанного автора философских статей.

Муза

— Вот говорят: муза, муза,— разглагольствовал Смирнов как-то в баре со своими приятелями, собравшимися по случаю назначения одного из них куда-то высоко и далеко. Торговым представителем. В Африку.— Ну так вот, скажу я вам,— говорил Смирнов,— муза — это не шлюха по вызову, это эфир, вдыхаемый, если дождешься и окажешься там, где надо. А вдохнув этот эфир, дальше все само пойдет.

— Ну и что — ты вдыхал? — перебили его.

— Да,— сказал Смирнов.— Кажется. Но я не уверен.

— Вот видишь,— добавил перебивший,— концепция не точная.

— Да точная,— ответил Смирнов.— Надо ждать.

— Ну жди тогда,— все засмеялись.

— Дураки вы бестолковые,— сказал Смирнов.

— Да,— сознались дураки.— И нас это не пугает.

— Ну и зачем это все? — спросил Смирнов.

— Что?

— Зачем вы живете?

— Да ты, я вижу, не только не вдыхал, но и не курил,— сказал будущий представитель.— Кто же задается такими вопросами ни с того ни с сего.

— А когда надо?

— Да никогда. Бессмысленные вопросы. Живи — и всё. Будь счастлив, как ты это понимаешь. Не изводи себя философией.

— Я так не могу,— сказал Смирнов.— Я не могу без смысла.

— Придумай тогда.

— А вера?

— Всё, давайте выпьем, он меня утомил,— сказал еще кто-то слушавший вполуха.

Все выпили. И Смирнов тоже.

Смысл

Женщины в жизни Смирнова играли особую роль. Он их ненавидел. Нет, не так. Он считал, что они сбивают с пути. Забирают время и силы. Бессмысленностью покрывают настоящее и прошлое.

Его нелюбовь к ним основывалась на отсутствии любви. Когда он любил, тогда градус ненависти снижался. Нет, опять не так. Он забывал про свои отрицательные чувства. Отвлекался. Обманывался. С удовольствием. Потом все разгоралось с новой силой.

Но это не было все-таки ненавистью. Ненависть — сильное чувство, а Смирнов констатировал свое отношение почти без эмоций. Он много раз пытался сформулировать, как же называется его чувство, но пока не смог. Это было — как соглашаться с тем, с чем не согласен. Есть такое у англичан. Вот, наверное, так Смирнов думал и чувствовал.

Всё это, впрочем, не мешало ему вести местами активную половую жизнь. И получать от этого удовольствие. Однажды он сказал кому-то, что у него похмелье от женщин как от водки. И так же — чем больше доза, тем страшнее абстиненция.

Диссертация

Однажды — вот всегда это однажды, а потом не угонишься объяснять — позвонил преподаватель с факультета. Спросил, думает ли заглянуть в ближайшее время. Смирнов ответил, что собирался в конце недели. Отлично, сказал препод, найди меня. Есть дело.

Смирнов не собирался, конечно же, в конце недели, да и вообще не собирался. Но теперь делать было нечего.

— Привет. Спасибо, что нашел время,— сказал преподаватель.

— Привет. Ну как я мог иначе,— ответил Смирнов.

— Вот какое дело: меня попросили помочь с диссертацией одному нашему соискателю. А у меня совершенно нет времени. Не возьмешься?

— Я?

— А почему нет? Ты пишешь, как я помню. Диссертация с темой, не требующей большой глубины.

— Ну, я не знаю.

— Берись, это точно лучше, чем статьи по журналам рассылать и друзей бомбить.

— Откуда вы знаете?

— Мир маленький теперь, ты знаешь.

— Ну да.

— Так как?

— Я подумаю.

— Я пришлю текст. Ну, то, что есть, и все прочее.

— Ладно,— Смирнов не преодолел еще эффекта неожиданности предложения.

— Я рад, что ты возвращаешься в профессию,— сказал преподаватель.

— Спасибо, профессор,— произнес Смирнов и пошел прочь.

Жесть

Тема диссертации — «Стратегия создания повестки деятельности органов власти как культурологического обрамления границ общественного сознания».

Смирнов перечитал. Уже несколько раз перечитал, но мозг отказывался это вдуплять. Смирнов не знал, откуда взялось и что значило это слово «вдуплять», но ему казалось, что оно максимально четко отражало его состояние.

Смирнов сидел за компьютером и просматривал файл, присланный профессором. Ну и что я буду с этим делать? — сам себя спросил Смирнов. Нет, конечно, можно веселиться, рассматривая различные аспекты философского осмысления коллективного бессознательного, но где границы допустимого? Кто их определит?

— Я посмотрел,— позвонил он профессору.

— И как?

— Я в шоке. Что это вообще?

— Ты так-то не впадай. Пиши по теме, как ты ее понимаешь. Потом шлифанем. Было бы чего. Сделай объем. Лучше полтора. Из этого сделаем приемлемое.

— Ладно, я попробую, но там сами смотрите.

— Не ссы,— сказал профессор,— всё будет хорошо.

Вот такой был разговор с преподавателем. Непринужденный. Такие они, преподаватели, думал Смирнов, отключив абонента.

Текст

Смирнов написал. Месяц работы. Каждый день по десять часов. Для этого он взял отпуск у своих рыбаков. Они дали. Даже не спрашивая, зачем ему отпуск за свой счет. Но он все равно сказал, что собирается восстановить интеллектуальный уровень. Они не знали, что он имеет в виду, и на всякий случай промолчали.

Да, его старший товарищ, преподаватель, предупредил, чтобы он не вздумал использовать ИИ. Это легко проверяется. Поэтому Смирнов сидел дома в тисках своей лени.

Сначала просто сидел. Потом читал. Потом вроде как-то разошелся и кое-что кое-как написал.

Профессор посоветовал подойти к теме свободно и направить работу в ту сторону, которая кажется удобнее для него. И он как-то само собой взялся за анализ предыдущих попыток осуществлять подобное. Он отмел шумеров. Вавилон был слишком шумным. Греки, римляне, египтяне — все идеологи прошлого пытались делать это. Сращивать текущую неприхотливую жизнь паствы и блеск управляющих компаний.

Идеальной ему казалась деятельность римских цезарей, некоторых пап, графа Уварова. Они по-своему умели неподражаемо ткать культуру из ничего. Не говоря уже, конечно, о Медичи. Впрочем, это же вне канона. Выводы предстояло сделать иначе. Показать оригинальность и свежесть мыслей диссертанта и научную ценность труда.

И Смирнов выводы сделал. Чем четче регламентируется жизнь общества, тем точнее совпадают контуры его запросов с повесткой, генерируемой аппаратом управления.

Другими словами, научная новизна состояла в доказывании суждения о том, что культура есть душа народа, которая (душа) требует постоянного окорм-

ления со стороны управляющих общественными процессами, то есть носителями культурного кода и его хранителями. Савонарола и Медичи вместе есть идеал воплощения концепции, доказываемой в диссертации.

Он отослал окончательную версию профессору. А сам отправился на работу. Нет, не сразу, конечно, а через неделю. Никак не мог отойти.

Преподаватель

Самое интересное, что ни через неделю, ни через две Смирнов не получил никаких известий по поводу им написанного. Профессор как в воду канул. Впрочем, Смирнов и не хотел вспоминать. Ему казалось, что он лазил по помойкам и никак не мог отмыться после такого похода.

Он теперь смотрел на свою работу у рыбопромышленников как на совершенно замечательную и не желал ничего лучше. Но так ведь не бывает.

Преподаватель нашелся. И самым неожиданным образом. Он в один из рабочих дней объявился у Смирнова в офисе. Смирнов в этот день задержался, не сразу добрался до работы. Но тем не менее профессор сидел и ждал.

— Что случилось? — спросил Смирнов.

— Да вот,— сказал преподаватель.— Мы можем поговорить где-нибудь не здесь?

— Пойдемте вниз,— предложил Смирнов.— А что случилось-то?

Они сидели в кафе на первом этаже офисного здания. Вид был неплохой. Лето. Беззаботный народ шел рекой.

— Ты написал слишком хорошо,— сказал преподаватель.

— Ну, ухудшить всегда можно,— сказал Смирнов.— Да что случилось-то?

— Вот это и случилось. Я, не читая, отправил рецензентам. А те… Такое началось. В узком кругу, разумеется. Но тем не менее.

— Так что случилось-то? — упрямо повторил Смирнов.

— Они хотят создать под тебя структуру и требуют, чтобы я уговорил тебя пойти к ним на работу.

— Куда это к ним? — спросил Смирнов, внутренне обмирая.

— Ну, в аппарат, я не очень в структуре разбираюсь.

— Но вы же сказали, что я не пойду?

— Сказал.

— И?

— Они не поверили, я поэтому долго и не отвечал. С духом собирался. Но они опять меня дернули. И вот я здесь.

— Скажите, что не нашли меня,— сказал Смирнов.

— Хорошо, я скажу, но поверь: это не поможет.

— Но вы скажите, а там посмотрим.

Рыбаки

Еще через месяц Смирнова вызвали. Он сидел в приемной председателя Союза рыбаков. Через полчаса его пригласили.

Он вошел.

— Ну что же вы, товарищ Смирнов! Подводите нас.

— Каким образом? — спросил он в ответ.

— Садитесь, прошу,— сказал хозяин, указывая на кресла перед столом.— Не хотите сотрудничать с государством, а это ведь наше всё.

— Я с вами сотрудничаю, мне достаточно.

— Так не пойдет, товарищ Смирнов. Мы, дальневосточники, привыкли во всем помогать родине. И вы должны. А мы вас будем поддерживать и создавать условия.

— Мне надо подумать,— сказал Смирнов.

— Нет времени.

— Тогда сразу нет.

— Хорошо, идите и подумайте, даю вам час, потом возвращаетесь с положительным ответом.

— Спасибо,— сказал Смирнов.

Через час

Смирнов ехал на встречу со своим новым работодателем. У него не было шансов против рыбаков, учуявших выгоду, которую они могли извлечь из ничего. Всем все было впору. Только оставалось узнать, как отнесутся ко всему этому силы небесные. Последняя надежда.

Смирнов верил во что-то, чего сам не знал. Даже нет, не верил, а чувствовал. Он чувствовал случайность всего происходящего.

Но ведь это лучше работы в журнале? Интереснее? Так в чем же дело? Что со мной не так?

Я что-то чувствую. Какие-то фантомные боли. Чего я никогда не испытывал, придумал все. Как с моей философией. Хочу быть. Хочу быть. Кем-то.

Он позвонил преподавателю.

— Расслабьтесь, я согласился.

— Слава богу,— обрадовался тот.

— Ну типа того,— сказал Смирнов и повесил трубку.

Я повесил трубку, и все, и мир не перевернулся, не изменился, я повесил трубку, тра-та-та,— говорил про себя Смирнов.

Смирнов успокоился. Самомнение. Бич информационного общества, и всего-то.

Иллюстратор

«Чтобы понадобился тормоз, необходимо прежде всего колесо! Добрые суть тормоз: они сдерживают, они поддерживают».

Фридрих Ницше

Мармарыкин был иллюстратором от бога. Но если другие иллюстраторы были художниками, то Степан Фёдорович иллюстрировал словом. Он придумывал аннотации к видам или картинам.

Последнее время, конечно, такая работа стала по плечу любому, особенно с появлением инстаграма. Каждый буквально творил на радость друзьям и знакомым, даже если у него их и не было.

Власть

«Власть держится на фундаментальном противоречии, которое требует одновременно личных действий для поддержки репутации вожака и ответственности перед стаей, которая, оставшись без лидера, может погибнуть. Потом, с развитием социума и разрастанием популяции, придумали лозунг „незаменимых не бывает“ и сняли противоречие, правда, другое».

Примерно так иллюстрировал Степан Фёдорович картину с изображением Троцкого, отвечающего на вопрос балтийских моряков, стоит ли им поддерживать Кронштадтский мятеж.

Уверенность — вот что поражало в творчестве Мармарыкина. Он откуда-то знал, что неопровержимость и красота его форм не поддаются критике. Если это критика.

Быт

В быту Мармарыкин был прост как три рубля. Он жил в той же самой питерской коммуналке, где когда-то родился. Его матери много раз обещали расселение. Потом она получила еще одну комнату от уехавшего соседа, и ее сняли с очереди на расселение. Потом дом поставили в очередь на реконструкцию, которая пока так и не началась.

Он любил свой двор-колодец, воспетый, как и тысячи других дворов, несколькими поколениями творческих людей, выбившихся и не выбившихся в люди. Ну в смысле ставшими заниматься творчеством осмысленно.

Он любил лежать на диване, курить и смотреть через высокое окно на облупившуюся штукатурку соседних стен. Вернее, одной стены — напротив.

Колодец — он такой… он обступает тебя со всех сторон, думал Мармарыкин и шел в туалет.

На обратном пути он заходил на кухню. На таких общих кухнях был определенный уклад, не стиль, а именно уклад. Свои шкафчики, свои конфорки на плите. Вернее, не свои, а каждая для чего-то.

Он поставил чайник, закурил, хотя последнее время это строго преследовалось новыми соседями, приехавшими из Узбекистана.

Ну что тут скажешь? И Мармарыкин молчал.

Он был высокий, нескладный, с длинными непропорционально ручищами, глубоким голосом оперного певца и бородой — седой, вечно всклокоченной. Такой вот ветеран коммунальной жизни Ленинграда.

Во времена его юности модно было говорить Питер, а теперь часто тянуло сказать Ленинград. Все комично меняется, подумал он под свист чайника. Он подхватил его и пошел к себе.

Мама умерла, и он жил один. В двух комнатах. Уму непостижимо.

Да, в школе его прозвали Мармар. Так пошло и дальше. В общем, художника в простонародье звали Мармар. Так бывает.

Сын

Годам к семидесяти Мармар осознал, что природа зовет его за границы малых форм, так сказать, в большую литературу, в смысле к длинным текстам. Он чувствовал себя не только художником, но и писателем.

Начал было большой текст под условным названием «Пионеры», но шел он трудно, и Мармар нервничал.

Суровцев Михаил Дмитриевич был его приемным сыном, пасынком. Да, Мармар был грешен. Женился однажды, с бухты-барахты, и быстро развелся. Как-то сразу стало понятно, что не пойдет эта иллюстрация

в печать. А Мише тогда было двенадцать, и отношения появившиеся сохранились. Удалось.

Теперь сорокапятилетний Суровцев был толстым дядькой, веселым, остроумным и богатым. Он был бизнесменом. Инвестиционным банкиром. Ну, в Советском Союзе таких называли спекулянтами. Мармар помнил таких, а Миша — нет. И это было для него хорошо.

Он навещал Мармара раз в месяц или в два. Регулярно. Кормил и поил всех, кто подворачивался ему в коммуналке в это время. Много раз предлагал купить Мармару квартиру, но Мармар отказывался, а Суровцев не покупал.

Так и жили. Миша на Лазурке, а Мармар в колодце. Они часто спорили о сущности бытия, и всегда выходило так, что коммуналка и Лазурка представлялись двумя сторонами одной медали. И это устраивало обоих. Им было хорошо в своих домах.

Мама Миши умерла, и это тоже как-то дополнительно сблизило, дополнило ценность друг друга. Отсутствие материальных претензий тянуло отношения в духовную высь. Которая не обременяла. И они от этой легкости бесконечно пребывали в эйфории — как уже было сказано, раз или два в месяц.

Вот и сегодня они смеялись, размахивали руками, цитировали, рассказывали случаи из жизни. Ну в смысле пили водку.

— Как твой роман, кстати, поживает? «Пионеры»? — спросил Миша.

— Никак,— сказал Мармар.

— Что так?

— Тупик. Все как-то однообразно.

— Расскажи — вместе прорвемся.

— Вожди — все пионеры, каждый в чем-то был первым. Ну кто-то первым насрал на простыни в арендованном доме, кто-то первым убил наследников-конкурентов, кто-то первым не заплатил дань, кто-то спасся от покушения. Ну в целом все

правильно, но скучно. Я, наверное, заложник своей иллюстративности. Может, и тема отсюда. Такие картинки веселые и не очень. И все. Ни смысла, ни души. Пошло и скучно.

— А ты масштабируй.

— Это как?

— Возьми историю всей цивилизации. Ну, там, шумеры или Вавилон. Навуходоносоры всякие. Тоже были в чем-то первыми.

— Может быть.

— Ну!

— Может, ты и прав.

— Ну!

— Подумаю.

— Издавать собираешься?

— Не знаю пока.

— Я буду издателем.

— Одни убытки. Зачем тебе. Издать дорого. Я знаю затраты: если не экономить на бумаге, не отбиваются с продажи.

— Ну, посмотрим. Для меня дело новое. Хочу попробовать. Не откажешь?

— Ладно,— недоуменно сказал Мармар,— издавай.

Они еще долго гудели. Ушел Миша совсем поздно. Коммуналка давно спала.

Женщины

Мармару нужны были женщины. Утилитарно. Чем дальше, тем утилитарнее. Ни разговоров, ни эмоций. Секс. Торжество животного начала — и всё. До свидания или прощай.

Он разрешал себе это не часто, но разрешал. Он любил себя. Возможно, не как другие. Все любят себя. На этом держится мир. На однообразии разнообразия, хотя лучше было бы на разнообразии однообразия.

Мармар задумался и решил вставить нечто подобное в книгу. С утра не работалось совсем, а ему подходил срок сдавать иллюстрации одному въедливому галеристу, который решил украсить выставку какого-то проходного художника репликами иллюстратора.

Вот ведь беда с этими коммерческими заказами, подумал Мармар, и это была вторая мысль за утро.

Не к добру, решил он. И опять запретил себе думать хотя бы час. Мысли тут же полезли в голову как не знаю что. Выломали дыру в мозгу. Случился проходной двор мыслей.

— Послушай, Мармарыкин,— сказала ему на лестнице в издательстве старая мымра Анфиса Павловна,— ты бы уже завязывал стенографисток наших к себе домой таскать. Ты, конечно, звезда, и тем не менее.

— Нет, нельзя смешивать вождей народных с царями или с ханами. Решительно запрещаю вам, Мармарыкин,— твердо глядя ему в глаза, сказал Владимир Ильич.

Мармарыкин с трудом заделал дыру в голове и попытался вернуться к иллюстрациям. Хорошо позвонил галерист и вырвал его окончательно из лап фантасмагорий. Повезло. Значит, он сойдет с ума не сегодня.

Добрый путь

Мама Мармара была библиотекарем. Она говорила: путь к совершенству до хорошего не доведет.

Он слышал эти слова много раз и каждый раз внутренне был против. Как может совершенство быть не добрым. Он был против, пока не понял: мама говорила не про совершенство, а про путь. Открылись глаза, и всё встало на свои места. Мама — это мама.

Мармар сидел над книгой, освободившись, наконец, от заказа полоумного галериста. А она не двигалась с места. Не было внутреннего механизма, который писатель заводит — и тогда пошло-поехало. А его демоны куда-то делись. Может, не нужна эта книга. Эти пионеры. Другие времена. История уснула.

Она не знает, что сейчас идет какая-то жизнь, какая-то другая, что ли, история.

И тогда начал Мармар писать сказку про историю. Наверное, потому что никак не мог попасть в свою коммуналку. Он все ходил по коридору, заглядывал в двери и ничего не узнавал. Он чувствовал: что-то не так, а что — понять не мог.

А потом, когда он исписал много страниц, пришел Миша и сказал:

— Ну как ты тут, старик?

— А ты как меня нашел? — спросил в ответ Мармар.

— Да вот так, искал и нашел. Соседи твои доблестные тебя сюда определили, пока я был в командировке.

— Почему? И где это «сюда»?

— Говорят, ты на последней работе с иллюстрацией выставки как-то очень сильно напрягся. Бегал голым, звал маму. Вот они и вызвали «скорую».

— А! Значит, это дурдом.

— Он самый.

— То-то я и думаю — все какие-то ласковые и незнакомые.

— Ага.

— А я что-то потерял где-то в себе и не нашел. Расстроился.

— Понятно. Ну вообще тебе придется побыть тут немного, а потом тебя отпустят, и я тебя заберу.

— Хорошо.

— Подозрительно.

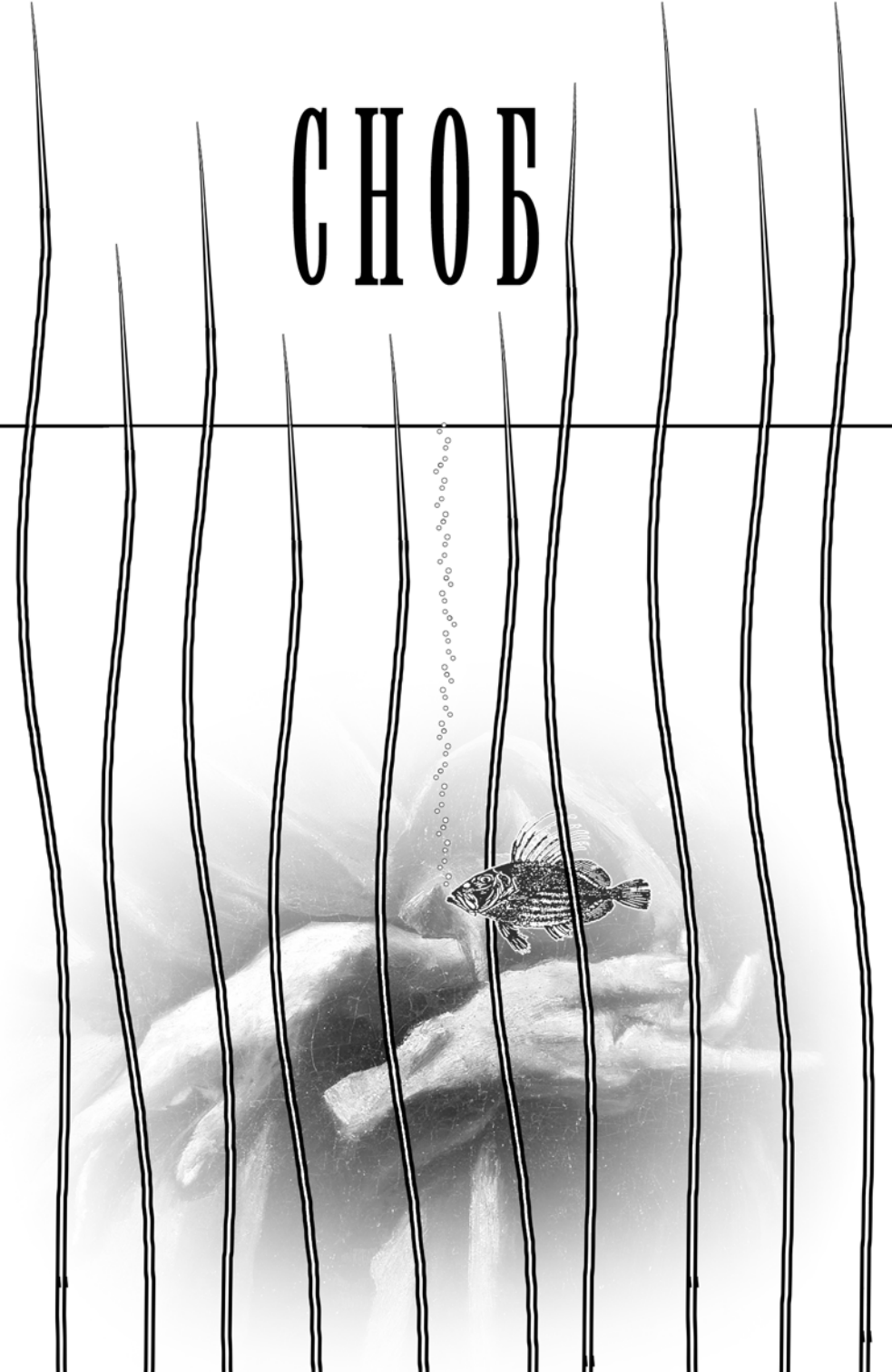
— Я теперь покладистый, все потерял. Механизм.

— Да, это механизм. Я тебе вот поесть принес, и бумаги, и карандашей. Говорят, ты их жутко изводишь здесь.

— Спасибо тебе,— Мармар смотрел на Суровцева, как тот суетился, доставая всё новые яблоки, и понимал, что всего этого нет. Наверное, действительно, если добрая дорога, то результат не важен.

Я понял Кастанеду, подумал Мармар, встал и вышел.

СНОБ



«Честность мы хвалим, но предпочитаем держаться от нее подальше».
Децим Юний Ювенал «Сатиры»

Жасмин еще не зацвел, а запах уже ощущался. Фантомные боли памяти. Предчувствия. Как ни назови — все равно непонятно, как так происходит. Стремительный рой разума предвосхищал, приукрашивал и обманывал.

Весна, весна, повторял про себя Кротов, оглядываясь по сторонам. Он искал признаки. Листочки, цветочки. Хорошо. Он уговаривал себя, искал подтверждения ощущениям — и по большей части не находил.

Всегда у него было так.

Работа

Кротов был трудоголиком. Ну почему был? Он есть и будет им. Процесс поглощения ресурсов и создание чего-то другого взамен потраченного составляло содержание его жизни. Он так ее понимал. Она была для него полностью прозрачна.

Он не только не врал себе, но и воспринимал окружающее буквально, без прикрас. Так он хотел и мог. Хотя это и было чем-то невозможным. Нормальный человек не может так жить, а Кротов мог.

Делало ли это его ненормальным? Ну, смотря как определять нормальность. Тут много разных вариантов.

Экспертиза

Кротов был экспертом в редкой области. Он определял подлинность смыслов.

Есть эксперты по краскам и живописи, есть по литературе. Есть по машинам, есть по мордам. Есть… да по чему угодно есть эксперты, им несть числа.

Но Кротов был экспертом экспертов. Нет, не психологом или экстрасенсом. Боже упаси. Он различал намерения, скрытые за поступками или за подготовкой к ним. Он определял — настоящее событие или нет. Он струился среди иллюзий и манипуляций. Его не интересовало юридическое определение происшествий, этика, вина и все такое. Его целью было определить истинность поступков, их, если хотите, программу.

Он обращался со всем этим через улавливание (или неулавливание) повышения духовной энтропии. Это корявое определение Кротов называл ощущением страсти. Она давала ему основу для выводов. Шкалу. Ресурс оценки.

Клиенты

Редкие люди, такие же, как он, одиночки — кто еще способен оценить возможности его метода. Ментальные преступления не описаны в уголовном или каком-нибудь другом кодексе. Ну если не считать таковыми что-то вроде «мошенничества» или «доведения до самоубийства».

Клиентов Кротова интересовали процессы, которые станут заметны через десятилетия — как минимум. А какие-то и еще позже. Их интересовали люди, занимающиеся этим теперь. Их цели и влияние всего этого на будущее самих клиентов.

Пути клиентов и Кротова совпадали только до выявления «затейников», как называл он «преступников». А дальше — цели, оценки последствий и влияние на будущее — с этим уже не к нему. Это мелко для него. Неинтересно. Не греет.

А он любил жар. Пекло. Когда он подходил к источнику страсти. Это ничем нельзя было заменить. Дальше холодные расследования и наказание, превращающее участников в ничто. Нет, неинтересно.

Для чего это все было нужно клиентам, было ему понятно: они хотели быть уверены, что противостоять стоит, что актор иллюзии пойдет до конца, что он способен сотворить задуманное. Если нет — то на этом, как правило, все и заканчивалось. Серьезным людям тоже не хотелось заниматься несерьезными делами.

Дело

В девяносто пяти процентах случаев Кротов давал оценку в течение месяца максимум. Настоящие пассионарии попадались редко. Очень редко. Тогда оценка затягивалась. Росли счета клиентов. Усилия Кротова и многих его неведомых помощников.

Неведомых, потому что они не знали, чему и кому помогают, а не потому, что их никто не знал.

Вот и теперь Кротов, расставшись с заказчиком, шел по вечернему Амстердаму вдоль канала, ну хорошо — какого-то из каналов, и пока не знал, удастся ли быстро ответить на вопрос.

Случай выглядел пустяком. Некий инженер-любитель, используя сначала алгоритмы, а потом и собственно ИИ для улучшения базовой программы, создал универсальную машину по огранке алмазов.

Вот вы смеетесь — и Кротов смеялся, и его заказчик когда-то смеялся. А потом посмотрел повнимательнее, дал посмотреть людям из отрасли и смеяться перестал. Метод, положенный в основу, увеличивал каратность на десять и более процентов в зависимости от объема исходного материала.

Вопрос заказчика звучал так: будет ли счастливый обладатель патента, которого пока нигде не хотят допускать к большой игре, добиваться промышленного использования или удовлетворится моральными компенсациями и статусом непризнанного гения.

— Может, вам просто купить этот патент — и все? — спросил Кротов.

— Не продает.

— У всего есть цена.

— Если бы было так просто, я бы не встречался с вами.

— Ну да, Амстердам, алмазы — все так банально.

— Именно тут банальность и кончается.

— Сформулируйте еще раз вопрос.

— Будет или нет идти до конца? И что будет считать реализацией: деньги, славу или работающую машину — ну, в смысле внедрение.

— Очень размыто. А что если это только начало его замысла, может, еще есть что-то дальше?

— Ок. Давайте включим в задачу и это расширение.

— Ладно. Тогда до следующих встреч,— сказал Кротов, встал из-за стола и вышел.

Повелитель алмазов

Скромный человек, сотрудник научной библиотеки. Развивал свои таланты дома — за компьютером. Не юный, но еще не старик. Одинокий, но живущий с подругой.

Он не попадался сетям на глаза ни по каким параметрам. Совсем не выдающийся. Незаметный. Простой как сверло. Если сверло — образец простоты.

Кротов смотрел на него и наслаждался. Перед ним был образец подвижника, редкая порода тех, кто гонится за смыслом, не за содержанием. Он просто растил породу, и ему не нужно было золото мира, в каком бы обличье оно ни представало.

— Как мне вас называть? — спросил Кротов

— Павел,— отозвался подвижник.

— Спасибо, что откликнулись.

— Спасибо, что заинтересовались.

— Да знакомые в институте рекомендовали вас. Я ознакомился, прочитал все, что есть в открытых источниках про вашу машину. Это впечатляет.

— Пользуйтесь.

— Спасибо. Меня интересует, почему тяжело идет внедрение.

— Если это внедрить, отрасль в нынешнем виде перестанет существовать. Это, как вы понимаете, никому не интересно.

— Вы хотите немедленного результата?

— Совсем нет. В смысле — по-человечески хотелось бы увидеть новую эру, но не принципиально.

— Что тогда?

— Да ничего. Я разместил все документы по проекту в открытом доступе, ничего не продаю, а отдаю.

— В чем подвох? — Кротову разговор переставал нравиться, он видел рвущуюся наружу пассионарность, задавленную железной внутренней дисциплиной, но не понимал источника.

— Никакого подвоха.

— Есть что-то за пределами спецификаций?

— Все открыто, нет ничего, что бы помешало внедрению и успешной работе. Более того, я готов консультировать бесплатно тех, кто захочет внедрять, получит сырье для испытаний на натуре.

— Понятно,— Кротову ничего не было понятно, но жар обжигал. Давно он такого не чувствовал.

Они еще пару минут поговорили, гоняя тезисы по кругу, и разошлись.

Кротов

Что с этим Павлом было не так? Должен быть еще Пётр. Или это Пётр, маскирующийся под Павла?

Старая тема с огранкой алмазов. Она висит в Сети лет двадцать.

Неужели клиент врал? А в чем смысл?

Или у этого Павла есть что-то по-настоящему настоящее, и это настоящее — повод для оценки его личности без предмета. Такой по-настоящему мой случай. Он внутренне улыбнулся.

Но есть и другой вариант. Не сильно далекий клиент подставляется под интересную приманку, Кротов затевает проверку, определяет пассионарность Павла — и в процессе предъявляется настоящее, и оно настолько настоящее, что превращает Кротова в Петра.

Гипотетические «они» хотят использовать Кротова для создания ситуации, при которой нельзя будет отказать носителю настоящего смысла и придется удовлетворить его условия.

Вот это жопа, подумал Кротов.

Клиент

— Я ознакомился с делом,— сказал Кротов.
— И? — спросил заказчик.
— Шляпа.
— Даже так! Поясните.
— Вы знали, что все чертежи этот человек давно выложил в интернет, за патент не переживает?
— Ну да.
— Тогда у вас есть ответ на ваш вопрос. Можете делать с этой технологией что хотите, он даже готов бесплатно консультировать любого.
— Но он достаточно «горяч»?
— Да, он полный пассионарий, но откуда огонь, я не знаю. Думаю, в нем есть второе дно.
— Вот этот ответ мне и был нужен.
Кротов молчал.
— А теперь ответьте на первоначальный вопрос.
— Да, он пойдет до конца.
— Ну вот, а вы сомневались в своей нужности.
— Так это все?
— Да. Деньги я вам перевел. Большое спасибо.
Клиент ушел, а Кротов все сидел и не догонял. Он бежал быстро, но что-то ускользало.

Пётр и Павел

— Так мы договорились? — спросил Павел.
— Да,— сказал тот, кто был клиентом Кротова.
— То есть никаких убийств, отравлений и прочих обнулений с вашей стороны.
— Больше никаких попыток.
— А Кротов?
— Он ничего не знает, мы же договорились тренироваться на кошках.
— Но он понял?
— Он понял, но не знает — что. И не поймет.

— Почему?
— Он сноб. А чтобы понять, надо самому испачкать руки, а потом еще и поверить.
— Мне он показался очень способным.
— Так и есть, иначе мы бы сейчас не разговаривали.

Не поверил

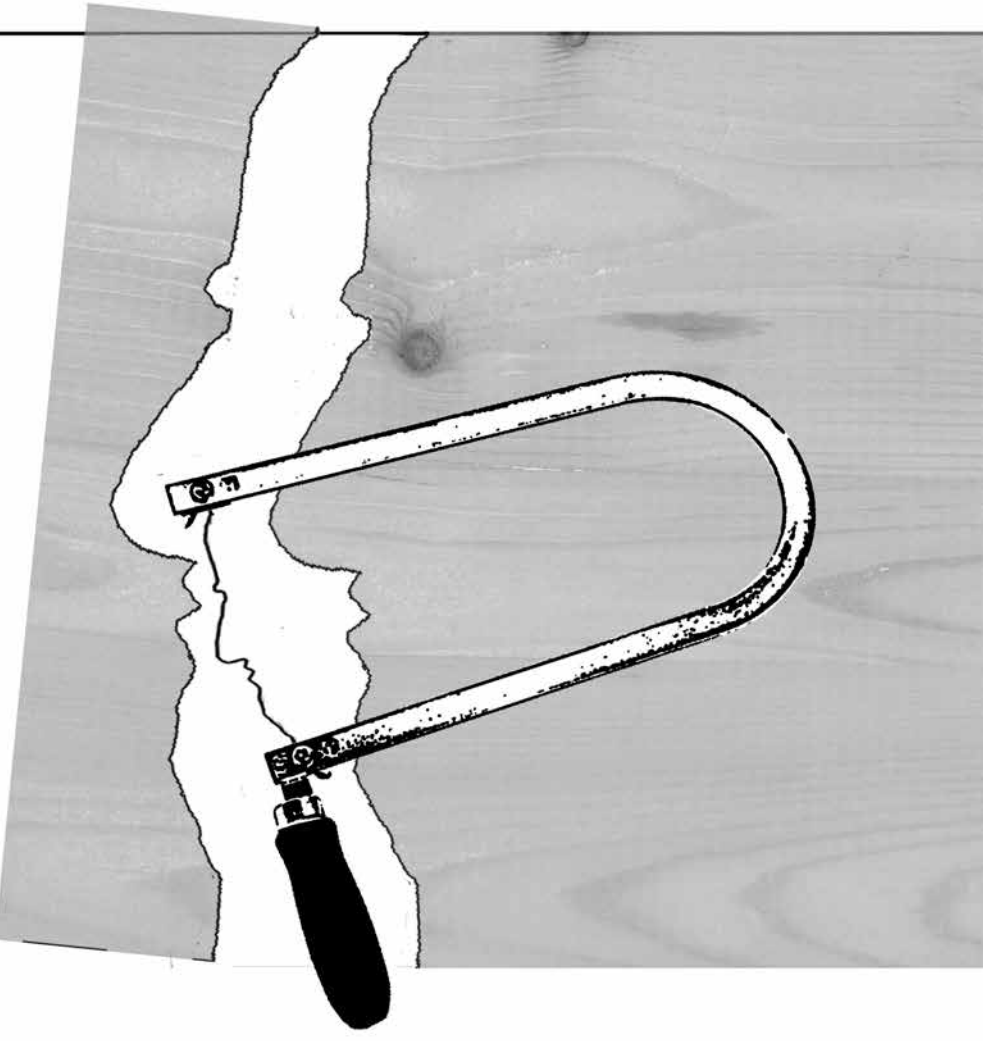
Честно, не честно — дело вкуса, точки зрения, а не состояния души. Он остался честным, но не понял, как. Он не пошел за грань, не стал заглядывать в подсобку. Ведь он там мог увидеть то, с чем пришлось бы жить.

Итак, он все-таки Пётр или нет его в этой истории? Кротов не мог определить. Жар подступал в этом кейсе со всех сторон. И потом он понял: он подыграл в контракте на бессмертие. Он вдруг вспомнил, где видел заказчика и от кого он пришел.

Вот оно что. То, что терзало его. Несоответствие жара и проекта с алмазами. Мелкие они для такой пассионарности.

Значит, он не пропустил, а не понял до конца. Ну так ему это и не нужно. Он же специалист в узкой области. Кротов успокоился.

ЛОБЗИК



«Идущий к самому себе рискует сам с собой встретиться».

Карл Юнг

A rhizome has no beginning or end; it is always in the middle, between things.

Gilles Deleuze

Лекция

Всякая власть обещает порядок. Как только она нарушает этот закон, превращая порядок в хаос, как бы он ни назвался, она смещается любым, кто обещает навести порядок. Таким образом, порядок — самый продаваемый политический товар.

Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на аудиторию. Он думал, что поразил их, но это было не так. Им было все равно.

— На этом всё,— сказал он в тишине.— Вы прослушали лекции, и теперь встретимся на экзамене.

Аудитория ожила, задвигалась и быстро улетучилась. Он сидел и продолжал смотреть в пустой зал. Вот и всё. Ну, он по крайней мере попробовал.

Лектор

Полгода назад он сам навязался читать лекции, хотя выглядело это так, будто он поддался на уговоры. Алпатов — такая у него была фамилия — по образованию был историком, но занимался всегда чем-то практическим. То он писал книги, то работал на выборах, но всегда хотел прочитать лекции.

Особенно теперь, когда технологии приобретали сакральный смысл. Они выглядели в глазах толпы всемогущими, одновременно пугали и завораживали, а в сочетании с криптоденьгами прям вводили в транс большинство. Люди не знали, что дальше, и шарахались между традициями, устоями и понятиями. Они хотели стабильности, хотели замедлить перемены. И рыли яму между прошлым и будущим. Такой защитный ров от наступающего завтра, опасного, атакующего.

Пётр жалел всех. Но ему было интересно. Он хотел посмотреть на тех, кому от будущего никак не отвертеться,— нынешних студентов, и поэтому согласился. С энтузиазмом прочитал курс про политику и общество. Такой размытый, без границ, но с некими императивами. Противопоставлениями технократов и бюрократов. Системы и Антисистемы.

Он был собой доволен, а слушателями — нет. Вернее, он был в недоумении. Он читал — и они молча слушали. Было тихо. В первый раз. И так же тихо все полгода.

Студентка

Она была молодая и поэтому красивая и умная. Ей нравилось быть студенткой, ей нравилось ходить в универ, ей нравился преподаватель. Ей нравилось все, что он говорил. Она пыталась перехватить его после лекции, но ничего не получалось, он ускользал. Другая бы расстроилась, впала в меланхолию или, пуще того, в депрессию провалилась, но Клара была не такая. Она напряглась и забыла его. Тем более что семестр закончился. Экзамены принимал другой профессор, это облегчило процесс.

Она стала дружить с Иваном, сыном проректора, так было надежнее. Нет, так было практичнее. Он был хороший, спокойный и никуда не стремился, кроме как в отношениях с ней. Клару это очень устраивало. Он готовил, она ела. Она рассказывала, он слушал. Она выбирала, он платил. Гармоничная пара.

У Клары были простые вкусы, и Иван научился и оливье, и селедку под шубой, и пироги с брусникой, и пельмени, и голубцы. У него все это легко и естественно получалось. Об учебе он не думал, ведь ниже проректора он вряд ли будет, а то и выше, папа еще не старый, много вершин впереди.

Она хотела большего, но ему не говорила. Ну, свадьба и все такое. Зачем сейчас говорить о пустяках. Будущее подождет своей коррекции. Все так мило сейчас. Пусть так и будет.

Смена вех

Алпатова отжали потихоньку из всего. Зачеркнули. Чего-то он где-то написал. В соцсетях. Или с кем-то в разговоре что-то сказал не то. Ну, в общем, как-то все пошло не туда. Он задергался, писал знакомым, звонил, встречался с самыми отзывчивыми. Они объясняли. Сочувствовали.

Большинство же не отвечало ни на звонки, ни на смс. Надо было как-то жить дальше, и он пошел работать на завод. Он когда-то был на практике на хлебозаводе. Вот туда и пошел. Все стало немного по-другому, но в целом понятно. Коллектив был небольшой. Разношерстный. Но крепко сбитый.

Платили мало. Но он был сыт и чем-то занят.

Переехал в другой район. Сменил номер. Закрыл аккаунты в сетях. Растворился.

Чудеса. Почему чудеса? Потому что ему нравилась его новая жизнь. Она была пустая. Но пустая по-настоящему. Предыдущая тоже была пустая, но наполненная, и поэтому обманывающая, иллюзорная. Пустая, но не пустая. А нынешняя была пустая-пустая, и это было очень круто. Осознание. Ты только сам с собой. В общем, он жил и не тужил.

Хлеб

Он предложил некоторые усовершенствования процесса на предприятии. Ничего особенного. Мелкие улучшения процесса подготовки теста и процесса погрузки готовой продукции. Начальство пожало плечами. Тогда он стал подговаривать бригаду попробовать самим, без приказа.

Бригадир позвал его после смены выпить. Они сидели в разливухе, пили.

Михалыч — все бригадиры или Михалычи или Иванычи, замечали? — сказал ему после второй или третьей:

— Ты, Алпатов, завязывай с активностью, это тебе не университет, тут живой народ, у него простые потребности, не придуривайся тут.

Пётр удивился:

— Я вроде бы ничего такого.

— Ну вот и хорошо,— сказал бригадир.— Так и дальше держись.

И они выпили еще.

Лобзик

Он понял слова бригадира правильно и купил себе лобзик. Для создания нового дна своего внутреннего мира — выпиливания лобзиком различных фигурок из фанеры.

Лобзик — это такая как бы пила, но маленькая. Теперь он по вечерам пилил по шаблонам, которые находил в интернете. А для повышения профмастерства смотрел уроки в ютубе. В общем, лобзик помогал.

На работе тоже все успокоились. Он не прогуливал, не ворочал. Устраивало это практически всех.

Ну вот опять

И все было хорошо, но однажды они с Кларой столкнулись в магазине. Ну он-то, понятно, пришел за продуктами. А она-то зачем? Вот мороженого ей вдруг захотелось.

Она узнала его и обрадовалась, и удивилась.

Он был не рад совсем, но под настойчивыми просьбами или требованиями (он не понял) дал ей свой номер. Она быстро убежала. Муж ждал на выходе.

Она исчезла, а он все вспомнил. Кем был, ощущения забытые. Навалилась тоска. Лобзик не пилил. Батоны не укладывались как надо.

Пустота накинулась, соблазняя картинами прошлого.

Снова

Клара позвонила. Он ждал. Встретились, сидели, разговаривали. Вспоминали прошлое. Она — свою любовь к нему, он — свою любовь к себе.

Потом встретились опять. Она разузнала, почему все так с ним случилось. Навела справки, как говорится. По ее словам, ничего особенного. Если он покается, его примут обратно — прошло пять лет, и никто ничего уже не помнит, она попросит кое-кого из окружения семьи, и все будет ок.

Он смотрел на нее и уже любил. Она — его шанс, спасительница, заместительница пустоты, наполнительница смыслов. Он ликовал, он готов.

— Ну так что,— смешно улыбаясь, спросила она,— будем делать из тебя опять человека?

— Будем, конечно, будем,— отвечал он.— А как же муж? — вдруг забеспокоился.

— Муж не стенка, отодвинется,— засмеялась она.

Она стала циничной, или они все такие теперь. Он же ее тогда совсем не знал: так, видел ан масс — и всё. А теперь знает.

— Как скажешь,— ответил он.

— Не переживай, я совсем не стерва, но такой уклад не я придумала, поэтому привыкай.

— Постараюсь.

— Старайся как следует, я поручиться за тебя попросила и вернуть привилегии.

Муж

— Давай его убьем,— сказала Клара. Они лежали в его новой квартире, утро было прекрасным, тихим, спешить было некуда, был выходной.— Надоел он мне.

— Ты шутишь.

— Нет,— сказала Клара.

Алпатов ничего не произнес. Потом встал и сказал, что сварит кофе.

— Мне не надо,— сказала Клара.

— Как скажешь,— ответил он. И про себя добавил: она же несерьезно про мужа.

Но оказалось — она серьезно.

— Ты понимаешь,— говорила Клара,— он мешает мне жить, он никакой, а я хочу быть с тобой, вновь взошедшей звездой, хочу холить тебя и лелеять.

Себя ты хочешь холить и лелеять, сказал он про себя. Но мне же так хорошо с ней. И добавил уже вслух:

— Ну нельзя же быть такой кровожадной. И вообще, как ты это все себе представляешь?

— А-а-а! Так в целом с концепцией ты согласен, значит. Отлично, детали придумаем. Ты со мной?

— Ну а куда же я от тебя денусь,— ответил он и стал двигать ее в сторону постели.

— Ух ты какой ненасытный, мне нравится.

— А мне-то как, себя не узнаю.

Стремления

Алпатов думал. Он не мог понять, зачем ей убийство мужа. Безобидный чувак, не мешает никому, не лезет ни во что. Живет какой-то своей жизнью, мечтает, чтобы его никто не трогал, и для этого старается быть максимально незаметным.

Убийств без причины все равно не бывает — назойливая мысль не отпускала. Хочет меня привязать покрепче, так я и так весь ее. Может, Кларе просто скучно, и это способ быть живой.

Смешно получается, думал он, убить — чтобы чувствовать жизнь. Прям психиатрия на марше.

Ну а мне-то что делать? — продолжал он внутренний монолог.— Я-то как буду с этим жить и как изменятся наши отношения и все другие. Неизвестно,

смогу ли я с этим жить. А если не смогу? Что тогда? Опять в пустоту?

Не хотелось, он тащил сейчас крупный заказ, был в кураже, масштаб завораживал и вдохновлял.

Нет, он не хочет обратно в пустоту. Он хочет тут утопать в соплах иллюзий. Жечь глаголом. Выжечь их всех. Глаголом. Ну или чем там еще.

Собственно убийство

Алпатов был в гостях у Клары, был ее день рожденья, но его позвали на второй день, отдельно, как близкого друга. Накануне она еще раз проверила, насколько хороша записка, которую Алпатов написал.

Нужна мужская рука, сказала Клара, экспертиза может не углядеть различия почерков, но пол усмотрит точно. Так что давай, вперед. Он написал.

Хорошо сидели, много пили, потом Иван уснул. Они взяли его и перенесли в спальню. Клара разбросала таблетки рядом на тумбочке и на полу. Положила записку. Потом они вышли и уехали в гостиницу. Бешено трахались всю ночь. Потом пили. Это было частью легенды: Иван отравился из-за измены Клары.

Хотя в записке ничего этого не было, кроме обычного: прошу простить и никого не винить.

Свекр

Отец Ивана нанял детективов, они нашли доказательства измен Клары. Он позвал ее, предъявил ей, и она созналась. На его «Как ты могла» она твердо, глядя на него своим ледяным взглядом, ответила: «А вы?»

«Ну ты и тварь»,— сказал он. «Вы не лучше»,— ответила она. «Убирайся»,— сказал он. «Сию минуту»,— ответила она.

Пустота

Теперь у Алпатова не было даже его пустоты пустоты. Он не чувствовал даже ее. Он теперь ничего не чувствовал. Он стал механизмом. Серединой. Процессом. Он лишился рефлексии. В теперешнем состоянии он не мог себе ее позволить. И надо признать, это сделало его максимально успешным.

Проекты множились и укрупнялись. Многие великие искали дружбы с ним. Он двигался без остановки и без цели, пытаясь достичь прощения у пустоты.

Клара была счастлива, все ее прихоти удовлетворялись, не было желаний, оставленных без удовлетворения, Алпатов имел деньги на всё. Она была царица, блестящая и холодная, снежная королева. Чего еще ей было желать? Нечего. Такое странное сочетание: у него — ничего, а у нее — нечего. Такая суперпара.

Возвращение

Он понял как-то, что посередине нельзя. Надо возвращаться к хлебу и лобзику. Как? И он позвонил бывшему свекру Клары. Он, конечно, справился бы и сам, но не мог. Иначе он бы не вернулся. Алпатов назначил ему встречу.

Они были теперь совсем не равны, свекр был польщен. Они сидели в чем-то самом дорогом, и им подавали все самое дорогое, что там было, и Алпатов ему рассказал, как все было, и ответил на вопросы.

— Зачем ты это сделал? — спросил свекр.

— Наверное, любил,— Алпатов пожал плечами.

— Нет, не тогда, сейчас.

— Освобождение,— ответил Алпатов.

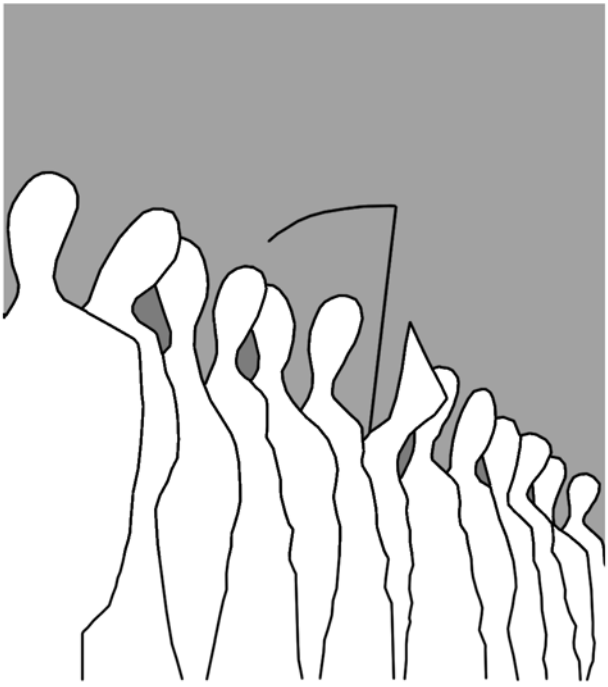
— Освобождение,— повторил свекр.— Отсутствие Клары. Наши цели совпадают.

Они доели, допили и выпили потом еще, потом попрощались. Обнялись. И разъехались.

Алпатов

Пустота пустоты снова радовала, хлеб пекся, а лобзик пилил. Был ли счастлив теперь он? Нет, конечно, но он был спокоен, он был на месте, он был свободен. Нет, все это не то. Вот так правильно: он не был посередине. Или нет, опять не так. Алпатов понял, что риск встречи с собой оправдан. Ибо это победа.

БУДНИ



«Человек нуждается в драматизме жизни и переживаниях; и если на высшем уровне своих достижений он не находит удовлетворения, то сам создает себе драму разрушения».

Эрих Фромм

«Счастлив тот, кто устроил свое существование так, что оно соответствует особенностям его характера».

Георг Гегель

«Утешал тот факт, что я и не стремился кем-либо стать. И, несомненно, в этом преуспевал».

Чарльз Буковски

Первый день

Осьминог попался невкусный. Недоваренный, пресный. Сёмушкин жевал-жевал его и никак не мог прожевать. Вот ведь досада. Всегда так с этими осьминогами — польстишься, а потом жалеешь.

Пища вычурная, ел он ее редко — настолько, чтобы забыть. А-а-а! В предыдущий раз клялся больше никогда нигде не брать. И вот опять. Ну почему?

Сёмушкин к этому дню жил уже тридцать пять лет. У него был день рождения. Он не любил эти дни, но как-то отмечать было вроде надо, и он собрал знакомых в ресторане. Так было принято.

Почему? Он не знал ответа и на этот вопрос. Да и черт с ним. С вопросом. Компания гуляла весело, шумно: тосты, поздравления, подарки.

Предисловие

Когда Саша Сёмушкин был совсем маленьким, его интересовало, почему люди умирают. Он в те годы часто бывал на кладбищах: бабушка непрестанно ходила на похороны — мужья подруг уходили косяком.

Однажды Саша увидел, как в виске одного дяди в гробу торчала вата. Теперь он знал, почему, а тогда не знал. И он стал думать о смерти.

Другой мальчик, с которым они обсудили проблему, сказал ему, что люди умирают, потому что устают жить. Так сказала ему мама. Это было невероятно. Маленький Сёмушкин не понимал, как можно устать жить. Теперь ему это казалось смешным.

Когда теперь? Ну вот в эти его тогдашние 35. Панические атаки, конечно, бывали, но крайне редко тогда. Не то что теперь.

Как он справлялся со смертью? Через суету. Плыл по течению. Все брал на борт. Все впитывал. Всему становился должником.

Второй день

Сёмушкин шел по переулку с товарищем, машины припаркованные стояли так, что приходилось обходить их по проезжей части. Он не чувствовал опасности. Товарищ неожиданно отодвинул его ближе к тротуару, и в следующее мгновение мимо, слегка задев одежду, пронеслась машина. Показалось странно. Он не испытал страха, только недоумение. Наверное, оттого, что все произошло быстро, без прелюдии ожидания, которая и рождает панику.

Вот так все может быть, быстро думал он дальше, но чувства по-прежнему не шевелились.

Они с приятелем дошли до цели этой прогулки — ресторана, где прекрасно поужинали, поговорили и разошлись, довольные друг другом.

День третий

Отец Сёмушкина говорил ему, что он отстает от своего поколения лет на пять. Все у него позже. Может, и так, а может, отец меряет по себе.

Да всё это миражи собственных будней. Не стоит обращать внимания, думал Сёмушкин. Все забывается, и потом всегда неизвестно, откуда что берется. Все удивляются, а искать причины не хотят.

Однажды, когда Сёмушкину было лет двадцать, даже девятнадцать, наверное, смерть лизнула его слегка, или опалила, или еще как-то поприсутствовала, тут дело вкуса — как это назвать. В общем, он должен был погибнуть на стройке, но в кожу врезалась арматура и задержала его падение с высоты десятиэтажного дома. Случайность, детерминированная бесконечностью.

Он тогда не придал этому значения. А потом придал, лет через тридцать, но для чего, и сам не знал, строил очередные гипотезы.

Надо признать, что счастливым компонентом его характера была расфокусированность. Он не заморачивался надолго. Не пихал невпихуемое. Уставал от рутины повторений.

Он и секс поэтому не любил. За бесконечные циклы тупой самоиронии.

День четвертый

Мама. Стал понимать ее чуть-чуть лет в пятьдесят. В шестьдесят совсем почти научился, а в семьдесят понял, что совсем не знал. А она все говорила, а он слушал, но не слышал. Они как-то шли, гуляли в сквере около дома, где она тогда жила, и, прощаясь, она сказала: ты был моим ребенком, а теперь я твой.

Саша много раз потом вспоминал эти слова. Он их понял, но не хотел принимать. Отталкивал. Не хотел стареть. Боялся. Поэтому старался не слышать. Потом жалел, конечно. Да что толку. Поздно жалеть.

День пятый

Умерла бабушка. Ну, казалось бы, вполне обычное дело. Но тут вскрылись два обстоятельства. Первое — Сёмушкин только теперь понял, как отец любил свою мать. Оказалось, что он любил ее самозабвенно, а всем со стороны казалось, что он ее вообще в грош не ставит. Как так, Сёмушкин понять не мог.

И второе отчаянное обстоятельство. Бабушку решили подхоранивать к деду. Шикарное место, высокий каменный утес, под ним река. Сёмушкин копал могилу деда, лопата ударила в крышку гроба, и он изумился. Дерево было — как будто вчера хоронили. Крепкое. Свежее. А ведь прошло десять лет. Оно, конечно, легко объяснимо. Песок и воз-

вышенность. Сухо. Дерево прекрасно сохранилось. Но тем не менее это удивило.

Сёмушкин прекрасно помнил похороны деда. Тлен еще не наступил или дед изо всех сил старался не ударить в грязь лицом перед бабкой. Ждал и надеялся. Такая фантасмагория. Сёмушкин любил такую дичь, она позволяла чувствовать себя живым. Была зима, и на поминках водка, конечно, была кстати. Река забвения.

День шестой

Они сидели на бульваре на скамейке, кругом летал пух. Лето было в разгаре. Сёмушкин слушал рассказ своего приятеля о приключениях в отпуске. Получалось, что отпуск, проведенный в путешествии, опасная штука.

Петряева, так звали приятеля, он знал много лет. Со школы. Наверное, они могли бы считаться друзьями детства, но почему-то не считались. Что-то между ними было такое. Какое-то не такое.

Вот и сейчас. Рассказ о злоключениях в Таиланде, о болезни жены товарища не трогали Сёмушкина. Не верилось, что такое вообще может быть. И он спросил Петряева, почему они так редко видятся. Приятель оторопел:

— Ты… Я тебе… а ты.

— Да успокойся,— испугался Сёмушкин.— Ну ляпнул невпопад, ты же знаешь, со мною бывает такое. Я вон на работе, бывает, такое выкину — со мной неделю коллеги не разговаривают. Успокойся. Расскажи лучше, чем кончилось.

— Да ничем,— огрызнулся Петряев.— Долгами за лечение, за транспорт обратно. Она до сих пор в больнице. Деньги нужны.

— Ну вот. Так бы сразу и сказал,— облегченно произнес Сёмушкин.

— Дашь?

— Дам, конечно. Сколько? Когда отдашь?

— Ну ты душный,— отмахнулся Петряев,— без тебя обойдусь.

— Как хочешь,— пожал плечами Сёмушкин.

— Почему ты жив до сих пор?

— Сам удивляюсь.

Тот же день

Товарищ детства ушел, а вопрос его так и повис. Сёмушкин вспомнил, как в одной из прошлых жизней занимался он некими посредническими операциями между бизнесом и властью. И вот однажды в те поры он взялся ускорить одно решение, прокредитовался, прокредитовал, решение не вышло, но деньги ушли.

Он стал крепко должен. Ему было очень страшно. По тем временам могли убить, а не убили, и Сёмушкин до сих пор не понимал, почему. Совершенно необъяснимое событие. Неестественное для практики тех времен, да любых времен, почему обязательно тех. Вся «тема» просто рассосалась, как будто и не было. И Сёмушкин стал жить дальше.

Вот и ответь — почему? Он не знал ответа.

День седьмой

В тот день Сёмушкин рассуждал о самоубийствах. Он прочел в утренней газете о происшествии с одним молодым человеком, который выбросился из окна своего дома. Никаких причин такого поступка не приводилось в статье. Написано было только, что жил он с матерью.

Бедная женщина, подумал Сёмушкин. Эти самоубийцы, о чем они думают, рассуждал он, сидя на своем рабочем месте в офисе. Безответственные

лжецы. Они врут себе и делают несчастными окружающих. Все это отвратительно. Как так можно. Он совершенно не думал о матери, этот подросток.

— Вы слышали о самоубийстве? — рядом с ним стояла Клеопатра Львовна, его начальница.

— Да, я читал. Что-то особенное?

— Этот мальчик учился вместе с моим сыном. И ничего необычного никто не замечал. Вот беда.

— Самоубийцы весьма скрытны,— сделал предположение Сёмушкин и заискивающе улыбнулся.

— Похоже на то.

Клеопатра Львовна отчалила от его стола. Сёмушкин облегченно вздохнул.

Это существование в офисе его изрядно напрягало. Вот я возьму и выброшусь. Кого это обременит? В сущности, практически никого, кроме родителей. И это существенное препятствие для такого поступка. Но гораздо смешнее другое будет в этом случае. Я все время боялся смерти — и вдруг вот так. О чем это говорит? Я не смогу? Умеющий плавать не утонет? Глупая, но популярная метафора о детерминированности, исключающая случайность.

Мир невероятно пошл, заключил Сёмушкин. Он встал, надел уличные ботинки, взял пиджак и пошел на обед. Всему свое время, улыбнулся он.

День восьмой

Больше всего он не любил в своей работе посетителей. А они были. В приемные дни. Он был обязан раз в месяц делать такой день. Он потом не мог прийти в себя неделю. Как будто развернулась пропасть. Человеческого горя, тупости, корысти и беспросветности.

Они приходили, и Сёмушкин слушал, кивал, поддакивал, смотрел принесенные бумаги, обещал и брал на контроль.

Нет, снова приходить ко мне не надо, говорил он розовощекой даме, вас известят. Электронным письмом или по почте. Да, конечно, обязательно. Она благодарила, но не вставала со стула, и ему приходилось, как всегда в таких случаях, бесцеремонно выпроваживать.

Некоторые плакали, другие молча все сносили, а третьи кричали и угрожали. Но всех подводил он к одному знаменателю. Надо подождать — и все будет. Все решится, все изменится и улучшится.

Это был самый обычный вариант смерти, думал Сёмушкин после таких дней. Забвение. Коварный, ибо безболезненный и незаметный способ. Ты вроде жив, а вроде уже и нет. Но это же совсем не страшно так-то.

А он особенно боялся забвенья. Ему казалось, он становится невидимым, растворенным в суете мелочей. Такие дела.

День девятый

Сёмушкин постоянно чем-то болел, но не относился к этому серьезно, пока один раз ему не стало действительно страшно. А дело было так. Он в выходной день мирно лежал дома на диване. И вдруг без всякой причины почувствовал перебои в работе сердца. Да так, что, если бы не эти перебои, сердце его ушло бы в пятки. Он похолодел. Вот оно.

Он сел и не знал, что делать. Жизнь как-то сократилась до мгновений. Он лишился мыслей и ждал. Прошло. Он снова лег и пролежал до вечера. Страх прошел, а ужас остался. И еще долго витал над ним.

После того случая перебои стало кармическим событием. Они периодически приходили. Сёмушкин дрожал. Потом уходили, и он продолжал жить. Такая смешная аллегория вечного конца.

Но человек ко всему привыкает и адаптивные способности его безграничны, если остановить время. Но время побеждает все. Время абсолютный победитель всего. Всего сущего.

Время — это цифра, а вселенная состоит из цифр. Сёмушкин вычитал это где-то, он не был умным — он был восприимчивым и, как уже было сказано, мучительно, но абсолютно адаптивным. Именно это качество помогло ему, он нашел способ сосуществования с жизнью. Он слился с временем, было трудно, но он смог.

Знавшие его люди стали относиться к нему как к душевнобольному? Нет. Добрые люди называют это «с придурью» или «на своей волне». Ну както так. Сёмушкин знал это, и ему это нравилось. Он не винил их, жалел. Он смог, а они — нет. Они несчастны. И они это знают. А он знает, что счастлив.

Он преодолел. Он слился с бытием. Он парил над страданиями своими, он справился.

День десятый

Оставалась одна иллюзия. Научить других. Эта иллюзия доставила Сёмушкину много боли, пока он не отказался от этой затеи. Нельзя передать абстрактные знания. Или почти нельзя.

Дело в том, понял он, что язык наш не приспособлен для этого уровня абстракции, а невербальная настройка слишком тонка и подвержена ошибкам восприятия тонких чувств. Ну, в общем, когда-нибудь, наверное, да, но не сейчас. Спасайся сам, как говорится. И он спасался. Жизнь играла красками, смерть вносила глубину в ее восприятие. Все были заняты своим делом. Что еще нужно для счастья.

Конец

Смерть пришла к Саше Сёмушкину во сне, когда ему было 86 лет, три месяца и четыре дня. Естественный конец, скажут одни. Случайность, скажут другие. Нелепость, скажут третьи. И все они будут правы вместе с еще сотнями и тысячами людей со своим мнением о таком прозаическом событии, как смерть человека.

Солнце восходит и заходит. Вне зависимости от состояния человека. Ему, солнцу, все равно, жив человек или мертв. Радостный он или нет. Тлеет или дышит. Ибо как только человек осознает, что он смертен, он обретает судьбу. Она заменяет ему и страх, и совесть. Вернее, она и есть и то, и другое, и все прочее. Это можно считать и детерминизмом, и свободой воли, кому что нравится.

Большинство людей не осознают всего того, о чем тут мы говорили, и именно они, как правило, бывают счастливы.

АНАХРОНИЗМ

«Жизнь может быть пережита только в ее индивидуальных проявлениях – в одном-единственном человеке, или в одной птице, или в одном цветке.

Не существует жизни „масс“, нет абстрактной жизни».

Эрик Фромм

«Быть сумасшедшим вообще не позорно».

Эрих Мария Ремарк «Три товарища»

«Цените стыд».

Дельфийские максимы, V век до н. э.

Преамбула

Совесть есть самое ненужное в наше время. Со всей этикой, эстетикой и прочими ее производными. Кирпичников искренне считал совесть атавизмом, побочным эффектом, если угодно, всё это наросты сознания. Точнее сказать, наросты на сознании.

Самосознание — это хорошо, оно есть у многих млекопитающих, оно необходимо на вершине пищевой цепочки, а вот дальше это было лишнее, это эволюция в экстазе продвинулась куда не надо совсем.

Ну посмотрите, от этого одни нелепости, несуразности и страдания. А человек без совести всегда на коне, он всегда впереди, и он, что главное, всегда счастлив, ибо не страдает.

Кирпичников, осознав проблему и имея цель, сам как человек совестливый честно нес эту мысль в массы. Пытался соответствовать этому своему нарративу (слово-то какое — тьфу), но у него не все получалось.

Он как тот Раскольников. Выдавливал из себя совесть по капле, ведя бессовестную жизнь. Двигался он постепенно, погружался несмело, упираясь и отступая. Но тем не менее двигался.

Начало

Удачное оправдание бессовестной жизни, придуманное Кирпичниковым, поначалу очень ему помогало.

Вернее, не так. Сама идея и осознание ненужности совести как лишнего звена в цепи рассуждений и принятия решений пришла к нему под давлением среды, обстоятельств. Он в ту пору работал в банке. Времена были быстрые. Быстро зарабатывали, быстро прогорали. Почти никто ничего не понимал, но все делали вид, что понимают. Вернее, не так. Понимали, но думали, что пронесет. Вот так было и у них. Рулетка.

Кирпичников работал в кредитном отделе. Они оценивали риски и рекомендовали кредитному комитету выдавать кредит заемщику или нет. Ну, вернее, был еще, конечно же, отдел оценки рисков, и они тоже давали свои рекомендации. Но это так. Для размножения козлов отпущения.

Они работали вместе, они были молоды, и все у них было впереди. Ну как обычно. По выходным собирались или у кого-то или где-то. Пили, орали песни, вели глубокомысленные беседы. Это особенно хорошо делать в пьяном виде — все такие умные и все всё понимают. Ну и секс, конечно. Все такие симпатичные и вполне безотказные. Всем хотелось оторваться.

Попробовал

Жизнь текла потихоньку, они все обрастали связями, знакомыми и незнакомыми. Кирпичников не выделялся. Потихоньку научился заводить кредиты куда надо и получать откаты. Был замечен и поставлен в стойло вышестоящими сотрудниками.

Один из них однажды поинтересовался, сначала отдав должное его прекрасной работе: а где деньги? А то вот, говорит, владельцы интересуются.

— Какие деньги? — похолодел Кирпичников.

— Те самые, не строй из себя сам знаешь кого,— ответил ему вышестоящий товарищ.

— Нету никаких денег,— потупился Кирпичников.

На этом разговор закончился вместе с красивой жизнью. Полноводная река обмелела. Он все понял и, подождав удобного момента, послал сигнал, что, мол, все осознал, больше не повторится. Ему вернули жизнь.

Что он понял? Стыд — плохо управляемый, непредсказуемый субъект. Как с ним договориться, он пока не знал. Пока решил игнорировать. А там видно будет.

Представился. Вышестоящий товарищ по фамилии Кравцов невзначай спросил как-то ни с того ни с сего про фирму «Немезида». Мол, как они, надежные? Кирпичников этих охламонов знал, обыкновенные наперсточники, каковых было тогда слишком много. Брали кредиты и никогда не отдавали. Просто кидали грубо. Очень грубо. Болезненно грубо.

Он промолчал, не знал, что сказать. Не понимал, почему был задан вопрос. Хотя, конечно, знал. Не знал глубины вопроса, если так можно выразиться.

В общем, Кравцов с «Немезидой» этой ожидаемо попал. Они вывели кредит на подставные фирмы, и всё. Теперь у него было два пути: повесить на кого-нибудь или гореть самому, задорого продав душу за спасение.

Кравцов выбрал сначала первый вариант. Перед кредитным комитетом был представлен сотрудник отдела оценки рисков, давший положительное заключение по кредиту. Его уволили. Жизнь Кравцова не изменилась.

Уволенный сотрудник был из их компании. Ну, той, которая гудела по вечерам. Паша, так звали пострадавшего, подозрительно быстро устроился в другой банк и продолжал гулять с ними. По прошествии нескольких месяцев они как-то разговорились по пьяни. Паша рассказал, что на самом деле Кравцов давно на крючке у той бригады разводил на кредиты и крепко с ними связан. Поэтому и он так легко отскочил. Они работали вместе.

— Хочешь с нами? Кравцова скоро возьмут в другой банк на топ-позицию, а ты поднимешься у себя на его место.

— Ты думаешь?

— Знаю.

Пьянка продолжилась, а разговор — нет.

Вера

Кирпичников Паше не поверил. Он позвонил своему старому знакомому по институту, который был женат на подруге жены хозяина его банка. Рассказал ему ситуацию, тот обещал помочь. Кирпичников не сильно надеялся.

Но вдруг через пару дней после разговора раздался звонок, и человек, представившийся помощником владельца, сказал, что внизу машина и его отвезут. Хозяин ждет.

Он спустился и поехал. Доехали быстро. Он это место знал, офис управляющей компании банка. Красивое старое здание, отреставрированное.

Не встретив ни единого человека, он оказался в огромной приемной. Встретивший его внизу у входа испарился, и он остался совсем один.

Через какое-то небольшое время из дверей появился человек, другой, и пригласил войти.

Выбор

За огромным столом сидел субтильный человек. Кирпичников его видел неоднократно. Но не вблизи и, конечно, не наедине.

— Привет,— сказал хозяин.— Кирилл рассказал мне вкратце вашу историю, она интересная.

— Добрый день,— сказал Кирпичников.

— Садитесь,— хозяин рукой махнул в сторону кресел, стоящих в углу.— Чай, кофе?

— Нет, спасибо,— сказал Кирпичников. Пошел и сел.

— Действовать будем так,— сказал хозяин.— Кравцова уволят, вас назначат на его место. Своему знакомому, Паше, кажется, скажете, что, если он захочет, его примут обратно. Предложите ему познакомить вас с кем-нибудь из его друзей. Если

встреча состоится, скажете им, что с вами будет лучше, чем с Кравцовым. Но платить им придется больше. Согласны?

— Конечно,— сказал Кирпичников, слушая собеседника как в тумане.

— Ну и отлично. Кому отдавать деньги, вам скажут. Себе можете оставлять десять процентов.

— Спасибо,— сказал Кирпичников.

Рутина

Дальше все было как в сказке. Он быстро решил все свои бытовые вопросы. Квартира, машина, загородный дом, текущие расходы. Оказалось, совесть конвертируется. А стыд заливается.

Они с Пашей были теперь не разлей вода. Все были ими довольны. И те и эти. В какой-то момент этой радостной череды удач и успехов Кирпичников обнаружил, что большинство фирм, получающих одобрение на кредитном комитете, имеют связи с новым банком Кравцова. У них или учредители оттуда, или вторые счета там. В общем, выходило так, что хозяин кредитовал этот самый другой банк.

Странно, подумал Кирпичников тогда. Что-то кольнуло, но быстро забылось. Текучка и праздность в невообразимом сочетании давали всходы забвения, а что еще надо, ведь всегда есть что забыть.

Однажды

А вот однажды тема всплыла. Как? Его вызвал управляющий и предложил написать заявление об уходе по собственному желанию. Сказал, что претензии вскрылись ввиду предпочтений, оказываемых определенным структурам, обращающимся за креди-

тами. Что пока усматривается недобросовестность и нелояльность. Поэтому пока так — надо уходить.

Если он, Кирпичников, уйдет тихо, о нем позаботятся и найдут работу.

Кирпичников все понял и заявление написал. Он не сказал про то, что делал все по согласованию и долю честно отдавал молчаливому человеку в комнате номер восемь под лестницей.

В другой раз

Пашу убили. Ну как — официально он выбросился из окна. С двадцать пятого этажа. Была найдена записка. Из которой следовало, что он серьезно переживал из-за ухода жены. Вот так.

Жена его, кстати, ушла к Кирпичникову. Но это не было причиной, конечно. Пашу убили. Он не мог выброситься из-за жены, да и вообще из-за чего бы то ни было. Он был жизнерадостный и понимающий.

Галя, его бывшая и нынешняя Кирпичникова, она первая сказала:

— Пашу убили.

И Кирпичников понял. Его очередь. Но как же так? — сначала подумал он. Потом была истерика. Приступы панической атаки. А когда через три дня он очнулся в кровати весь в блевотине, он осознал, почему его трудоустроили в банк к Кравцову.

Они — кто они, он не хотел думать,— будут валить банк. И нужны будут те, кто сядут за банкротство и вывод денег. За все вот это. И это будет он.

Эх, рановато, еще бы годик хотя бы. Он бы нарубил капусты, а так что — даже бежать по-хорошему не с чем. Надо перепродать себя, Кирпичников бредил.

Бред

Ну как сказать бредил. Деньги, которые хозяин банка выводил и присваивал, а теперь хотел повесить на других, тоже ведь не из воздуха получались. Они кому-то принадлежали. А кому? Бюджету. Вот оно, спасение, продолжал Кирпичников.

Был у него знакомый в конторе. Ну, вы понимаете в какой. И он пошел к нему, и тот обрадовался ему как родному. Знакомый этот все сделал. Он успел, Кирпичников. Его подписали, и теперь он со спокойной душой сдал всех, кроме Гали.

При чем тут Галя? — спросите вы. Ну как же, ведь это она помогла Паше разбиться. Записку написала.

Кирпичников, наверное, любил ее, хотя это и странно. Видно, совесть и любовь могут существовать друг без друга. Впрочем, наверное, в этом случае за любовь была принята прагматичность.

Сдача

В результате операции правоохранительных органов по выявлению коррупционных схем в работе с бюджетными деньгами и прочими экономическими преступлениями Кравцов сел, а хозяин сбежал за границу.

Банк Кравцова был объявлен банкротом, а Кирпичников стал незаменимым сотрудником того банка, в котором бюджет продолжил хранить свои деньги, теперь не опасаясь за их сохранность.

Он по-прежнему ходит в комнату номер восемь под лестницей. А Галя — Галя теперь вместо Паши. Она оказалась умной. И когда поняла про Кирпичникова, выбрала место для себя рядом с ним. Она поняла, что это место подельника, а не любовницы. Ну она хотела быть с ним.

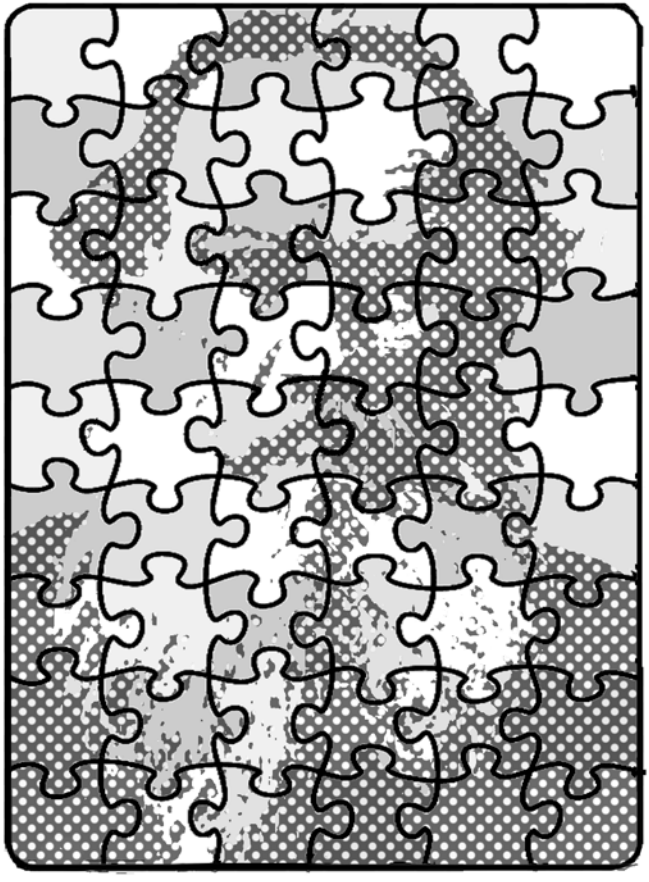
Он лишил ее стыда, она ответила ему тем же. Прекрасная пара.

Вместо конца

Кирпичников вовремя понял, что нельзя быть нечестным одному, ты должен быть среди таких же, как ты. Тогда среда всегда тебя поддержит, среда не ошибается.

Жизнь конкретна. Сегодня и сейчас. И всё. И живите теперь с этим. Стыдом.

ПОДДЕЛКА



«Будь самим собой; все остальные роли уже заняты».

Оскар Уайльд

«Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека. И от этого нельзя судить человека. Какого? Ты осудил, а он уже другой».

Лев Толстой

Пролог

Бодрийяр считал, что интерпретация симулякра являет собой самостоятельную реальность, при которой оригинальное утрачивает свое значение. Перечитав это предложение уже в пятый раз, Максуд загрустил совсем.

Статья про мимезис совсем не давалась, Умберто Эко спорил с Борхесом, про Сократа с Платоном и говорить нечего, и вот еще этот француз все время вмешивался. Где реальность, а где подделка, он уже не знал.

Он встал, походил, снова сел. Лучше не стало.

А, к черту! И он пошел к бару. Взял стакан, налил виски. Пропади оно все пропадом. Завтра придется опять иметь тяжелый разговор с редактором о сроках. Но как можно соблюдать их при таком отношении великих к нему — маленькому, мало соображающему человечку. Они давят авторитетом, не дают вырастить собственную мысль.

После второй порции немного отпустило. Он пошел и лег спать.

Токсикология

На следующий день редактор пропустил мимо ушей его блеяние по поводу неготовой статьи и обещания завтра сдать. Он сказал, что Максуда искал некий человек, с которым он, редактор, настоятельно просит его встретиться. Звали человека Иван Иванович, и в три часа он ждет его в кафе — в том самом на той самой улице.

Максуд знал эту улицу и это кафе. Это место, где или сбывались или не сбывались все мечты. Так называемое Управление единого заказчика располагалось в тех краях. Это, конечно, был сленг для посвящениях, и Максуд был им. Хотя и не особо хотел.

Он, конечно же, ответил редактору «да», с облегчением проскочив мучительный разговор о статье.

Светило солнце, мир был прекрасен. Он любил Максуда, и Максуд любил его. Жизнь жилась, и ощущение этого адреналинило тело.

Подряд

Иван Иванович опоздал на полчаса, был мил и даже извинился, показав глазами на потолок: ну, вы понимаете, задержался наверху.

Максуд был понятливый, хотя ненавидел ждать. Это как-то с детства он не любил, а потом уже стал ненавидеть. Ну да ладно.

Итак, Иван Иванович сказал, что Максуда рекомендовали, и он готов дать ему подряд на интерпретацию одного из трудов Толстого Льва Николаевича для современной аудитории. Он сказал, что классикам нужна адаптация — адаптация их произведений и дневников, касающихся идеологических нюансов бытия: время меняется и все такое.

Максуд спросил: почему он? Иван Иванович ответил, что так решил не он, а люди выше него. И эти люди считают, что Максуд справится.

Масуд пожал плечами. Человек напротив улыбнулся:

— Перейдем к дискуссии?

Обсуждение

— О чем, собственно, речь?

— Православие и патриотизм.

— Не слабо.

— Справитесь.

— А что, собственно, не нравится? И как будет подана интерпретация?

— Все просто. По задумке стратегов, появится альтернативная версия произведения. С измененными акцентами. Их немного. Толстой противопоставляет бога и государство, а нам кажется, что в современном прочтении это практически одно и то же.

— Во как!

— Вам что-то не нравится?

— Нет, мне, конечно, все нравится. Как может мне не нравиться, если вам нравится.

— Но вы не согласны?

— Ну как вам сказать.

— Отлично, это то, что нужно. Будете себя ломать. Получится достовернее. А то эти все наши — они как промокашки: ни украсть, ни покараулить.

— Наверное.

— Сколько нужно времени?

— Мне надо оценить масштаб. Я работу эту Толстого совсем не помню. Дайте неделю. Я предложу что-то по времени.

— Неделя? Годится. В это же время через неделю,— Иван Иванович посмотрел на часы, кивнул, улыбнулся и испарился. Ну, в смысле Максуд был так раздавлен всем этим, что не заметил его ухода.

Учитель

Максуд написал учителю и напросился в гости.

— Приезжай,— сказал тот.— Можешь прямо сейчас.

Учителем он звал Воскобойникова Сергея Харламовича. Он не был его учителем в формальном смысле слова. Просто старый и старший товарищ, профессор в универе. Какой-то курс слушал у него Максуд, потом стали общаться, а после и дружить. Их взгляды были похожими, и общение давалось легко, хотя и не просто.

Жил Сергей Харламович, как многие теперь, на даче. Лекции читал два раза в неделю, поэтому мог себе позволить.

До Апрелевки Максуд добрался быстро. Час пик не наступил еще. Хозяин был рад. Как раз собирался обедать. Он жил один. Готовить любил, и получалось у него хорошо. После обеда сели на веранде. Было тепло, но комаров меньше, чем на открытом воздухе.

— Ну чего? — спросил наконец Сергей Харламович.

— Я думал, не спросите,— засмеялся в ответ Максуд.— Тут такое дело. Некие люди хотят изменить взгляды Толстого. Или поспорить с ними как минимум. Опрокинуть.

Сергей Харламович в ответ засопел, а потом вдруг сказал:

— Давно этого ждал. Странно, что так долго к этому шли. Это же естественный этап на выбранном пути.

— Даже так! — откликнулся Максуд.

— А как же иначе. Только так. Живых властителей дум нет. Нужно поднимать из гробов и жечь ожившим глаголом. От лица, так сказать.

— А что — так можно?

— А почему нет? Кто запретит? Народу все равно, он тонкого не видит, интеллигенция сама себе все объяснит. Вот как мы с тобой. Нас и уговаривать не надо, мы сами все понимаем.

— Поможете?

— Сам справишься.

— Нет, нужно же на ком-то отмодерировать,— Максуд смутился.

— А! Нужна собака Павлова? Ну, ок. Послушаю твои интерпретации, возьму грех на душу.

— Спасибо вам огромное.

— Может, ты выпить хочешь?

— Не откажусь.

Учитель сходил за бутылкой и стаканами. Молча выпили. Потом еще.

— Ты сильно в ткань не лезь, запутаешься,— сказал Сергей Харламович.—Меняй самый минимум и максимально подстраивайся. Или если ломаешь, ломай до конца, тогда поверят. Хотя кто? Никто ничего не скажет.

Выпили еще, долго говорили, разругались, потом опять выпили, и Максуда оставили ночевать.

Рукопись

Максуд сидел через неделю, как договорились, в том же кафе. В этот раз Иван Иванович опоздал на час и опять извинялся и намекал.

— Ну как наши дела? — спросил он.

— Я хочу сто тысяч и постоянный контракт на следующие три года.

Иван Иванович кивнул.

— Договорились. Когда будет что посмотреть?

— Через месяц.

— Ок,— ответил заказчик. И сказал, что они тогда запускают утечки о нахождении новой рукописи в запасниках периферийного музея во время реставрационных и ремонтных работ.

— Ну это как вам угодно,— сказал Максуд.— Надеюсь, меня вы не планируете использовать в паблике?

— Конечно, нет. На это есть другие люди,— засмеялся Иван Иванович.— Вы их только отбрифуете, если понадобится.

Глаза у него были грустные и не монтировались с внешней бодростью. Тяжело ему, подумал Максуд и ощутил острое желание выпить.

Толстой

В заметке одной из больших газет сообщалось о нахождении рукописи великого писателя Льва Толстого. Черновика или, наоборот, настоящего чистовика одной из его работ, посвященных общественному устройству. В последующих публикациях и информационных программах сообщалось, что подлинность и место работы среди трудов писателя установит комиссия Минкульта, также Союз писателей собирается провести масштабную конференцию с участием как литературоведов, так и действующих писателей по случаю такой находки: рассмотреть

еще раз наследие властителя дум для использования в современных реалиях и для воспитания молодежи. Думают привлечь Министерство просвещения. Вот так, подумал Максуд, и сказка станет былью.

Сергей Харламович

— Да,— сказал Иван Иванович, когда они стояли на солнышке у стеночки большого здания.— Да, Серёжа, тебе придется тоже выступить и поддержать. Ты же новый текст знаешь лучше всех.

И он засмеялся.

Сергей Харламович нахмурился:

— Как скажешь. Мне бы, конечно, не хотелось. Ты просил только направлять и ободрять.

— Ну а теперь прошу пройти с нами до конца. Чего тебе стоит? Нескольких лет жизни, я полагаю, и всего-то,— опять засмеялся Иван Иванович.— Мы тебя полечим сбережением. Не кисни, я побежал.

И он исчез. Сергей Харламович пошел вниз по улице, руки у него дрожали. Докатился.

Иван Иванович

Последние недели непрерывно встречался с участниками форума. Тестировал. Расставлял по секциям. Принято было решение сделать форум большим и всеобъемлющим. Девизом выбрали слова из вновь обретенного Толстого: «Патриотизм для всех одинаков, национализм опасен». Чем дальше развивалась тема, тем труднее было держать упырей. Но он справлялся. Зарубежные гости, как правило, крайне правые, готовы были отстаивать национализм, и это уравновешивало внутренних патриотов. Баланс, думал Иван Иванович, это хорошо.

Форум

— Почему такие разные взгляды на одно и то же у Толстого? — спросил один из участников пресс-конференции,

Сергей Харламович в ответ заметил, что Толстой постоянно был в поиске и его шатало изрядно. Это знают все, кто хоть как-то соприкасался с его творчеством. Ему были близки духовные переживания, и они часто приводили его к выводам, которые не нравились современникам.

— А нам, потомкам, нравятся,— подхватил министр культуры.— Вот и теперь в найденных черновиках или самой настоящей его работе слышатся ноты уверенного принятия патриотизма, государственного, как неотъемлемой части настоящего гражданина и человека. Такой Толстой нам всем очень необходим.

Да уж, думал Максуд, слушая их. Ну ладно я, но Сергей-то как тут оказался? Он не все знал про учителя, тот ему не все рассказывал. Гордиться было нечем. Но теперь, как говорится, все в открытую.

На даче

После они сидели на даче и пили. И плакали, и признавались, а потом снова пили. Сергей Харламович теперь просил Максуда называть его просто по имени и на «ты» и рассказывал эпизоды, про которые Максуд не знал. Они касались взаимоотношений с властью — их сложности в своей запутанности.

— У тебя был предшественник,— сказал вдруг Сергей Харламович.— Нет, не те тысячи, которых много было в глубине веков и в широте географии. У нас и не так давно этот человек восстановил второй том «Мертвых душ». Для одного коллекционе-

ра. Но разочаровал кого-то, наверное, и однажды оказался мертвым.

Максуд слушал и сочувствовал в конце концов, а истории про Гоголя не поверил. Он слышал что-то подобное, но вместо кровавых финалов там были веселые байки, как потом все были счастливы. Так он и сказал Сергею. Тот посмотрел на него с грустью: ну и хорошо, коли так. В конце концов они как-то свыклись, хотя на это потребовалось три дня. Потом Максуда разыскал редактор, которого дергал Иван Иванович.

— Что — опять? Так быстро? — изумился Максуд.

— Аппетит приходит во время еды,— сказал Сергей Харламович, когда они окончательно протрезвели.

Они смотрели друг на друга и не видели конца. И это было хорошо. Имитатор не может видеть конца, это непрофессионально, сказал кто-то когда-то и по другому поводу, но сейчас эта сентенция вдруг вспомнилась Максуду. А Сергею и понимать ничего не надо было, он в этом жил.

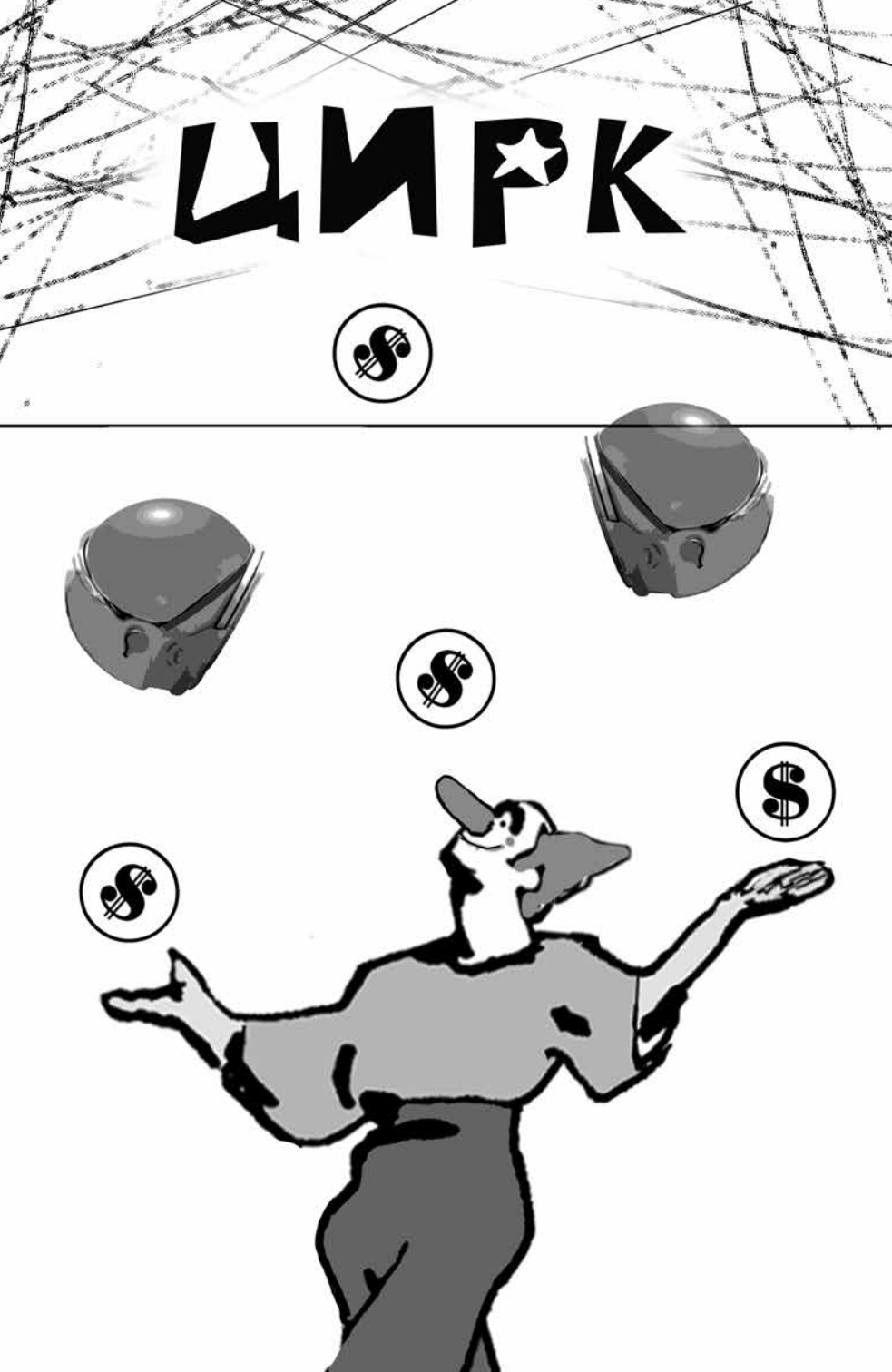
Кафе

Иван Иванович почти не опоздал. Благодарил сам и передавал благодарности. Сказал, что опыт признан успешным и проект, названный «Мимезис» (надо же, какие аллюзии), утвержден в развитие темы. Дальше он поведал, что недавно получен архив Набокова, и, засмеявшись, сказал, что пора возвращать писателя в родной контекст, что ждет предложений — и чтобы Максуд не затягивал. Максуд, поколебавшись, спросил, нет ли нужды в Гоголе. Мол, он знает отличного мастера по части художественных текстов, гораздо лучшего, чем он.

— Я тоже знал такого,— ответил Иван Иванович, глядя на Максуда пристально.— Но он недавно умер.

На том и расстались. Максуд пошел домой. Его ждал Набоков.

ЦИРК



«Шарлатанство в той или иной мере необходимо для эффективного лидерства. Массы невозможно увлечь без намеренного искажения фактов».

Эрик Хоффер

Кубасов

Кубасов не спал. Он всё крутил в голове последний разговор с капитаном. Вторичный мир было приказано отбросить и жить в первичном.

А первичный — ну, тот, который сейчас, тот, который осознанный,— ему совершенно не нравился. Настолько, что он впал в депрессию. Доктор после медикаментозного курса прописал ему вторичный мир.

Прошлое успокаивало Кубасова. Старые книги, старые пьесы, старые сайты — всё из прошлого и по-

запрошлого веков казалось ему милым, а что-то даже родным.

Он так погрузился в этот второй мир, что совсем выпал из первого. Стал рассеянным, но спокойным. Приступы паники отступили. А вместе с ними и погруженность в текущую работу. Он стал пропускать очевидное. А потом — и свои смены.

И вот сегодня капитан вызвал его и отменил рекомендации врача. Было приказано сместить фокус в настоящее.

— Я не запрещаю тебе знать о прошлом, но я запрещаю тебе его осознавать,— сказал капитан.

— А это как? — спросил Кубасов.

— А так. Всё — на периферию, кроме текущих действий. Включая свободное время. Думай про сегодня.

— А про завтра?

— А про завтра будешь думать завтра.

— Когнитивный диссонанс.

— Допустим.

— Я сойду с ума.

— Не сойдешь.

— Как скажете.

Он не понял капитана, но спорить дальше не стал. И теперь вертелся в кровати и не мог заснуть.

— Вот дерьмо,— шептал он.

Но это не помогало.

Капитан

— Что с ним не так? — спросил капитан.

— С кем? — доктор притворился глухонемым.

— С Кубасовым,— не повелся капитан.

— Да все с ним нормально. Эта сцена была тебе нужна, чтобы показать, что ты, представитель власти, запрещаешь народу думать. Тут сразу критики притянут Оруэлла — и понеслась.

— А на самом деле что я делаю?

— А на самом деле ты как руководитель, заботящийся о деле, приводишь в чувство раздолбая, который прокрастинирует, растворяясь в соплях прошлого, вместо того чтобы погибать от работы в настоящем.

— Так я молодец, получается.

— Ну конечно, и не смей думать иначе.

— Хорошо, мне полегчало, док.

— Так-то лучше. Ты держись давай, не раскисай, как твоя команда, иначе мы до этого Марса никогда не доберемся.

— А зачем мы туда?

— Акции. Ты забыл, что ли, наставления перед вылетом?

— А, ну да, док, ты прав, мы же должны вернуть доверие инвесторов, которые сто лет играют нашими акциями то вверх, то вниз, зарабатывают и разоряются.

— Так и должно быть,— прервал его доктор.— Но последнее время они совсем перестали зарабатывать, и это тревожит совет директоров. И вот нас и отправили поправлять репутацию.

— Все в порядке, будем вовремя или раньше.

— Да нам не надо ни вовремя, ни раньше, наше дело лететь, им нужен процесс, а не результат. Финансы любят тишину,— доктор засмеялся.

— А что с Кубасовым?

— Все будет нормально. Защитники вольного труда получат свое, и все потечет дальше своим путем.

— Ладно, док. Или у меня забот полон рот?

— Выплюнь,— сказал доктор и вышел.

Врач, в смысле доктор

— Вы понимаете, что от вас требуется? — спросил невысокий.

— Чтобы экипаж был здоров, я полагаю,— улыбнулся врач.

— Не только.— сказал тот, что повыше.

— Что-то сверх программы?

— Об этом мы и хотим поговорить.

Они сидели в уютном кафе для сотрудников, расположенном на 49 этаже офиса корпорации «Марс». И кроме них тут никого не было. Случайность, наверное.

— Нам бы хотелось, чтобы вы взяли некоторые дополнительные хлопоты на себя,— продолжил невысокий.

Врач пожал плечами.

— Мы хотим,— приступил с другой стороны тот, который повыше,— чтобы вы были не только врачом, но и доктором.

— Главным, но в стороне,— сказал врач.

— Мы не ошиблись,— сказал невысокий,— вы очень быстро схватываете.

— Рефлекс,— сказал врач.

— Ваша задача — поддерживать веру экипажа в успех миссии.

— Разумеется.

— Но есть очень тонкий момент в этом.

Врач опять пожал плечами.

— Фактор времени,— продолжил тот, что повыше,— вопрос движения.

Врач по-прежнему молчал.

— Корпорация уверена, что полет не даст обещанных результатов, мы не готовы, но на нас давят инвесторы, и больше откладывать нельзя. Пирамида начинает сыпаться.

— Пирамида,— сказал врач.

— Фигурально,— сказал невысокий.— Мы говорим абстрактно. Акции ведь абстрактные бумажные ценности. А корабль — это материальное, которое наполняет смыслами бумагу.

— Понимаю,— сказал врач.— Так чего вы хотите?

— Как мы и сказали, экипаж нацелен на результат, и это правильно,— сказал тот, который повыше,— но...

— Мы хотим, чтобы образ результата был в ваших руках,— подхватил второй.

— Вы хотите...

— Да.

— Но это же...

— Да.

— Мне надо подумать.

— Недолго.

Они встали, и он тоже.

— Мы на вас надеемся, доктор.

— Хорошо,— сказал все еще врач.

Клоун

В цирке обязательно нужен клоун. Почему? — спросите вы. Ну а как отвлекать внимание зрителей при смене деклараций, ответим мы. И все будут правы.

Зритель не должен знать, для чего клоун, а манипуляторы не должны знать, зачем нужен зритель.

Вас охватывает еще большее удивление? Да бросьте. Зрителей ведь тоже надо делить, и тогда они отвлекают друг друга, чем, собственно, и занимается клоун. Если зрители не работают как зеркала, тогда иллюзия невозможна. Вернее, она возможна, но не будет полностью наведенной. Не проникнет глубоко. Не заставит верить неверящих, а если так — магии манипуляции не случится.

Ведь вся магия случается через получение доверия от простых и продажа ее непростым, которые ведутся следом за простыми, согреваемые их доверием. Тогда происходит настоящее событие, энергия доверчивых, легких, простых увлекает за собой все живое и — о чудо! — оно состоялось.

Потом, конечно, дым иллюзии рассеивается, но кого это интересует. Все уже случилось.

Но мы отвлеклись.

Представление

Кубасов продолжал лететь со всеми, но капитанское запрещение отравляло душу. Он раздумывал, к кому пойти — к доктору или капитану, чтобы добиться разрешения вернуть себе вторичный мир без ущерба для первичного.

Он перебирал аргументы и не мог выбрать. Он давно не видел того и другого.

Что говорить и как? Он совсем развалился. Страшно скучал. А теперь еще стало понятно, что полет затягивается, потому что ЦУП неправильно построил траекторию полета, и они прошли много, но не туда.

Эта новость стала добивать сознание летчика, но случай представился. Плановая встреча с врачом.

— Ну как ты? — доктор лучезарно улыбался.

— Да нормально,— тускло ответил Кубасов.

— Не похоже.

— Тоска.

— Полет удлинился.

— Ну да. И никакой разрядки. Может, вернете вторичный мир? И не только мне, он нужен всем.

— Конечно, верну. Но решает капитан.

— Какой план?

— Я с ним поговорю. Может, он изменит позицию. Если нет, тогда вам придется говорить с ЦУПом.

— Мне? Да кто я такой, чтобы меня они слушали.

— Потенциальный капитан.

— Да ну, что за бред.

— Совсем не бред. Так дальше продолжаться не может. Команда не может долго стоять на краю.

— Это понятно. Но как же капитан? Субординация? Порядок? Так нельзя.

— Твоя лояльность будет оценена по достоинству, вот увидишь. Но думать надо о себе и о других. Впереди еще длинный путь, а мы закисаем. Даже я это чувствую.
— О как. Так доктор — это звание, а не название должности?
— Название должности — врач,— доктор рассмеялся.
— Так что с разрешением?
— Я поговорю.

Центр управления полетом (ЦУП)

— Ну, в общем, как я уже сказал, капитана надо менять,— доктор вещал сквозь помехи, но видно его было достаточно хорошо.

— Мы не очень поняли, зачем,— тот, который пониже, посмотрел на того, который повыше. Тот пожал плечами.

— Стоп-стоп-стоп, вы последний раз говорили, что песню еще надо потянуть, пару куплетов, что не все кредиты отданы,— доктор удивленно развел руками.

— Да,— сказали двое на экране.

— Ну и как вы предлагаете это сделать, если команда на взводе и готова превратиться в прах?

— Ну, мы думали, ты знаешь заклинания. Ты же пять лет с ними летишь.

— Так кончились заклинания, нужна движуха, и персональная — самая рабочая, все снова будут заняты.

— Чем?

— Будут обсуждать судьбу старого капитана, нового капитана, свою судьбу, коллег и так далее по кругу.

— Это как в цирке? Выходят на арену силачи?

— Ну наконец-то,— обрадовался доктор.

— Ну ты не просто доктор, доктор. Ты прям врач.

— Не суть. Концепция принимается?

— Мы еще подумаем,— двое переглянулись.

— Недолго,— сказал доктор,— а то все протухнет.

ЦУП отключился. Доктор налил себе еще.

Номер

Капитан вызвал доктора и Кубасова в конференц-зал. Когда они вошли, на экране светилась обстановка ЦУПа. Капитан, махнув в сторону экрана, сказал:

— Они хотели, чтобы я вас вызвал, понятия не имею, зачем.

— А зря,— сказал тот, что поменьше.

— Что зря? — не понял капитан.

— Зря вы не интересуетесь жизнью вашей команды,— сказал тот, что повыше.— Иначе вы бы знали, что команда выбрала себе нового капитана.

— А как это могло произойти? — растерялся капитан.— По регламенту не положено,— он набычился.

— Мы разрешили,— сказал тот, что поменьше,— отойти от протокола.

— А, и вы выбрали этого неудачника Кубасова,— дошло до капитана.— И ты, доктор, подыгрывал этим коверным трепачам!

— Ваше право,— сказал доктор,— вы расстроены. Но теперь, когда расклад прояснен, давайте решим, что с вами делать.

— Ну-ну, вы полегче там, док,— сказал тот, что повыше.

— А что в моих словах кровожадного? — пожал плечами доктор.

— Какие пожелания у ЦУПа? — вдруг подал голос Кубасов.

Все обернулись на него — не ожидали, похоже.

— Мы советовали бы вам рассмотреть вопрос добровольного решения об эвтаназии или глубокой заморозке до возвращения,— сказал тот, что пониже.

— Криокамера вроде же есть у вас,— добавил тот, что повыше.

— Есть,— сказал доктор.

Капитал молча переводил взгляд с экрана на доктора и обратно, потом сказал:

— Разрешите я решу этот вопрос с новым капитаном. Так, наверное, будет наиболее легитимно.

— Да тут двойная легитимность прям,— сказал доктор.— Прям взаимная.

— Отличный план,— сказали в ЦУПе и отключились.

Доктор хотел что-то сказать, но передумал.

Финал

— Ты понимаешь, что происходит?
— Тянут время.
— Ты знал?
— Откуда? Меня поставили перед фактом. А ты?
— Нет, я и сейчас не знаю. Что они с нами делают, ты сознаешь?
— Абзац.
— Что мы будем делать?
— Я отправлю тебя в криокамеру, если ты не против, и постараюсь привезти всех обратно живыми.
— Удачи по обоим пунктам.

На бис

Кубасов сидел в своем кабинете и разговаривал с доктором.
— Сепунько опять требует вторичную реальность, иначе он не справляется со своим вторым «я».
— Я ему запретил.
— Ну я ему так и сказал.
— А он что?

— Ну, он полгода потерпел и больше не может.
— Ну вы объясните ему?
— Объясню. Но ты не хочешь разрешать?
— Не хочу.
— Я понял.
— И я.

ЧУЛАН

«В чулане сидит человек и молчит. Я его спрашиваю: „Ты кто?“ — а он молчит. Я его спрашиваю: „Ты зачем в чулан залез?“ — а он всё молчит».

Даниил Хармс

«Когда мы проходили по коридору, мимо темного чулана под лестницей, я взглянул на него и подумал: „Что бы это было за счастие, если бы можно было весь век прожить с ней в этом темном чулане! и чтобы никто не знал, что мы там живем“».

Лев Толстой «Детство»

Анамнез

В его воспоминаниях всегда был коридор, а потом кладовка. Туда шла дверь из коридора. Он всегда шел по коридору и открывал эту дверь. За дверью было темно и пахло: варили там что-то, что ли? В общем, он открывал дверь и заглядывал в эту комнатушку,

а дальше воспоминания прекращались, тело билось в конвульсиях — и медсестры звали врачей.

Его нашла соседка, когда возвращалась из магазина: он лежал у мусоропровода. Он был без сознания. Она сначала думала — пьяный, потом — что бомж, потом решила не брать грех на душу и вызвала «скорую».

Его вернули к жизни, он оказался Сергеем Дымовым, документы нашли при нем. А потом нашлись и родственники.

Его вернули к жизни, но не в сознание, вернее, вернули в сознание, но, наверное, не в его. Хотя и родные, и знакомые всегда считали его чудным. Но одно дело быть чудным, а другое дело — быть другим.

Он никого из посетителей не узнал. Его перевели в психиатрическое отделение. А потом и в специальное заведение для таких, как он, потерявшихся.

Другой мир

Он рассказывал врачам про другой мир, но путь туда и оттуда — из кладовки той злополучной — он не мог объяснить и вспомнить. Они увеличивали и снижали дозы, меняли применяемые препараты, но изменений не происходило. Записали его рассказы на видео и разместили в соцсетях.

Попался один молодой неравнодушный доктор, читавший Даниила Андреева. Пошли отклики. Потом стали приезжать люди, в основном такие же чокнутые. От них пользы было мало.

И наконец явился человек из какого-то очень закрытого института и привез бумаги, гласящие, что Сергей Дымов по решению суда теперь полностью их. То есть передается в распоряжение института.

Среди бумаг было и согласие родственников. Они отчаялись. Прошло пять лет, а сдвигов не было. В общем, отдали близкого для опытов. Так бывает.

Психиатры гражданские развели руками и отступились от Дымова.

Завеса

Кому надо потом сообщили, что Дымов был коннектором, ну то есть он был как бы сотрудником некой структуры, созданной решением сами знаете кого для попыток взаимодействия с параллельными, последовательными или иными мирами. Кое-кто всерьез воспринял концепцию «Розы Мира» и стучался во все двери.

Идея состояла в том, что землянам самим не объединиться, и верящие в подобный путь люди искали пути найти внешнего управляющего, представляющего иные сильнейшие миры. Ну прям как концепция Рюрика, но в несколько расширенном масштабе. Так вот, Дымов якобы был тем человеком, который мог отыскать нужную дверь и столкнуться с небесными покровителями.

Кино

Дымова привезли в институт: огромное неприметное здание в лесу, вне населенных пунктов и дорог. Объект у оперативников назывался «Кострома». Сотрудники жили здесь же, в одном из бесконечных флигелей основного корпуса.

Сотрудники звали свой институт «Цветком», им не нравилось название «Кострома», хотя, скорее, не нравились оперативники.

В боксе, куда Дымова доставили, его подключили к системам не только жизнеобеспечения, но и извле-

чения. Система считывания нашла данные, которые всех интересовали. Включились экраны в ситуационной комнате.

Дымов пропал месяцы назад, и никто не знал, что с ним. Связи не было, и вот нашелся — обоссанный валялся в подъезде у мусорных баков. Все были крайне встревожены, несмотря на нежданную радость обретения своего коннектора.

Коридор, дверь, темнота. Потом голоса. Ничего не значащие звуки на самом деле. Сигналы мозга. Потом пошел перегруз. Пульс Дымова сначала взвился, а потом упал до ноля. В этот промежуток времени он, очевидно, принял какой-то невероятный по объему поток информации, просчитать эти объемы было невозможно из-за отсутствия сходных способов исчисления. Трудно сравнивать длинное и темное, согласитесь.

Шифровальщики

Так назывались люди, которые пытались сравнивать принципиально несравнимое. Лучше бы их было назвать кодировщиками, но это слово было уже занято теми, кто направлял сообщения во Вселенную на всех возможных языках или системах знаков.

Шифровальщики работали с «почтой» Дымова неделю, получив открытый доступ ко всем суперкомпьютерам института. Атомные реакторы вывели на полную мощность. Квантовые вычислительные машины с бесконечной быстротой крутили «кино». И ничего. Белое оставалось белым, а черное — черным.

Не было смысла в том, что происходило в кладовке. Вернее, он, конечно же, был, но недоступен для осмысления.

Дымов

— Надо как-то оживлять его, хотя бы ненадолго. У нас есть вопросы,— сказал директор, завершая очередное совещание по обсуждению «ничего».— Сможем?

Вопрос повис в воздухе.

— Делайте,— приказал директор.

Звонки

Директор много поставил на последнюю командировку Дымова. Когда он пропал, директор имел неприятный разговор с властителем Южных морей. Ему больше всех хотелось мира, и как можно скорей. Климатическая обстановка на его территориях не оставляла шансов на адекватное выживание, и другие части ноосферы не торопились разделять с ним издержки, превышающие стандартные. На последнем совете ему это четко дали понять. Он нуждался в реализации обещаний института как никто. Директор позвонил ему:

— Мы нашли, но пока не знаем, что.

— Когда будете знать?

— Надеюсь, в ближайшие часы.

— Поторопитесь.

— Делаем все, что в наших силах.

— Удачи.

Южные моря отключились.

Директор вызвал другого абонента.

— Да.

— Мы нашли его.

— И как?

— Пока никак.

— Нам нужна неделя такого «никак».

— Я вас понял.

— Точно?

— Да.
— Удачи.

Абонент отключился, это был, как нетрудно догадаться, президент содружества Северных гор.

Теперь третий. Соединение и «Алло».

— Мы нашли.
— И как?
— Пока никак.
— Каковы ставки?
— Пока поровну.
— Пусть так и будет.
— Это как?
— Пусть все получат всё.
— Так не получится.
— А вы постарайтесь.
— Все-таки Роза Мира рулит?
— Надеюсь.
— Понял.
— До свидания.

Разговор

Шифровальщики сидели и крутили одно и то же кино. Кусочек — три минуты.

— Налей еще.
— Может, хватит?
— Наливай.
— Душа болит?
— Да не знаю, что болит, но ты пойми: я же не могу им сказать, что мы на хрен никому не нужны.
— А что, они сами не знают?
— Может, у вас все сами и знают, а у нас народ верующий.
— Прям не поймут?
— Ни за что.
— Что тогда?
— А давай еще выпьем.

— Да не вопрос, у меня этого одеколона завались, я у склада одного коробку целую увел вчера.

— Отлично…

— О чем они говорят? — спросил один шифровальщик другого, когда они прослушали ролик в двадцатый раз.

— Не знаю.

— А почему такая темнота?

— Ничего не получается с картинкой, ты же сам пробовал

— Может, это в той кладовке, про которую он нам все время талдычил?

— А как он сейчас?

— Ну сам — никак. Держится на аппаратах. Он, похоже, выпил слишком много спирта или чего он там пил.

Дымов

Сознание вернулось неожидаемо. Он ясно все увидел. Кто он и где он. Похоже, он неправильно оценил результаты последнего перехода и общения. Ему надо вернуться и еще поговорить.

— Позовите директора,— сказал он, когда из горла вытащили трубку и он смог говорить.

Когда пришел директор, Дымов сказал:

— Мне надо вернуться.

— А что случилось?

— Я пытался себя убить, превратно истолковав результаты последних контактов.

— Почему?

— Я не мог вернуться с такими результатами.

— Какими?

— Никакими.

— Я правильно понял, что мы не в тупике, а в процессе?

— Да.

— Спасибо,— директор облегченно вздохнул.

Дымов только что решил все его проблемы, и хрупкое равновесие спасено. Баланс между всеми не нарушен.

— Я рад, что все так, как вы хотели.

Директор

К директору вернулся кураж и перспектива. Он вызвал кодировщиков и приказал им усилить посевы исходящей информации. Потом шифровальщиков. С ними разговор вышел тяжелый.

— Надо забыть про тот непонятный разговор,— сказал он им.

— Почему непонятный? Мы все расшифровали.

— И что?

— Он сидит с каким-то бомжом в какой-то кладовке, они пьют, и он говорит ему про свой контакт, что его послали и что он не может с этим вернуться. Не может приносить дурные вести. Милый, ранимый такой. Что непонятно?

— Ок. Это приказ. Вернуть в первозданный вид и таким включить в отчет. Необъясненное, мол, такое событие имело место. Понятно?

— Нет.

— Выполняйте.

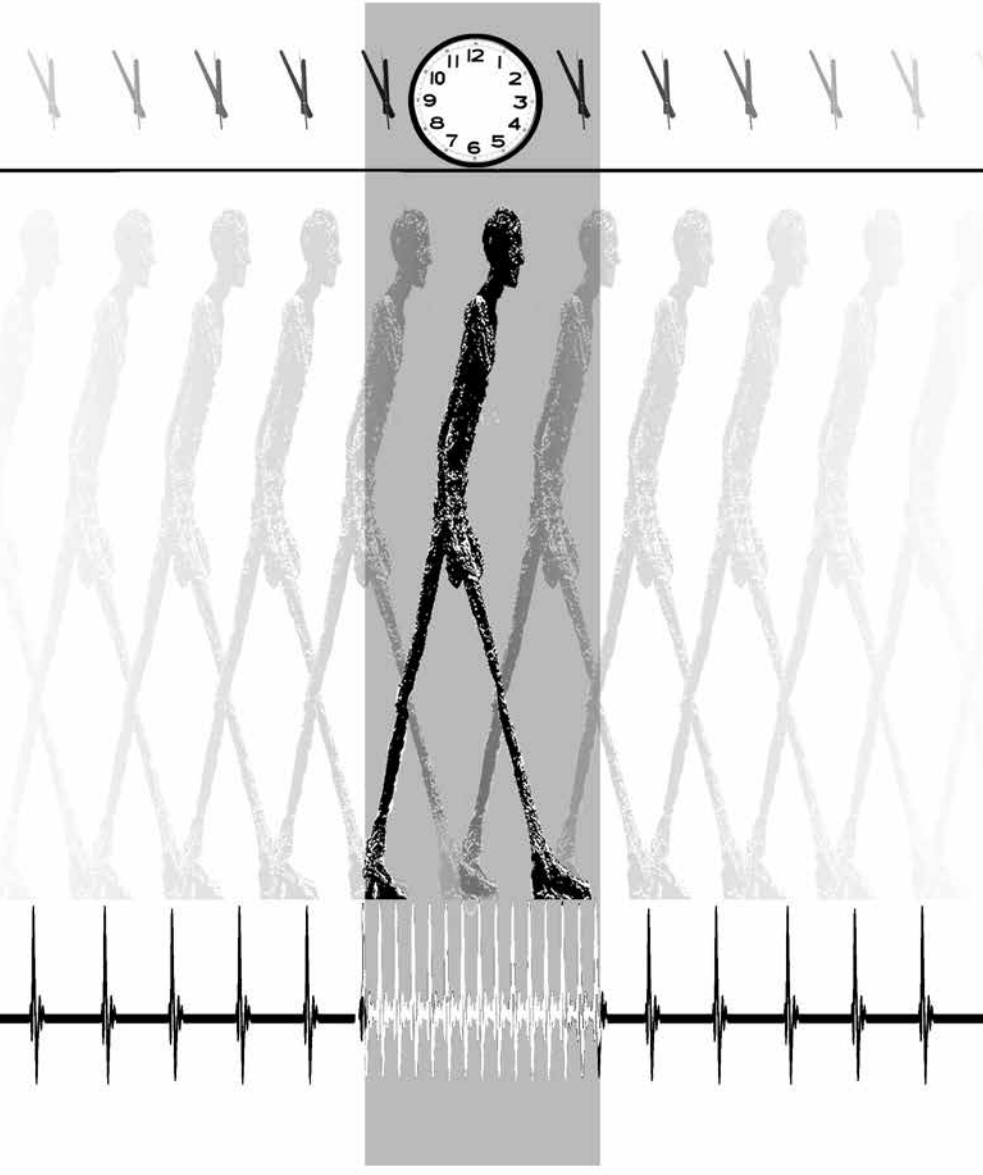
Психиатр

Дымов все рассказывал этому прекрасному седому человеку. И спрашивал обо всем. Они вместе разработали эту прекрасную комбинацию, что честнее не умирать от алкогольной интоксикации, уводя правду в могилу и оставляя человечество в тисках неведения, а вернуть ему надежду. И теперь он

вместе со своим наставником разрабатывал планы дальнейшего развития событий.

Все-таки использование кладовки надо продолжать, решили они. Теперь предстояло защитить все это на Верховном совете. Они справятся. У них просто нет выбора. Но есть чулан.

ГОРЕЧЬ



«Время сжигает годы и людей».
Рэй Брэдбери

«Все, что возможно, требует существования».
Готфрид Лейбниц

Статус

Считается, что причины в прошлом, а следствия в будущем. Ну, одна из версий простой галактики. В сложных конфигурациях, не линейных, все может быть и наоборот, и тем, кто живет там, им, наверное, веселее.

Впрочем, и в нашей не скучно, если жить по своим правилам, а не по общепринятым. При этом надо не попадаться на глаза социуму, иначе придется жить по правилам не своим.

Геннадий изначально был рожден быть в своей вселенной — он вместе был с ней рожден. Она была в нем, а он в ней. Как они уживались? Непросто. Но хуже было со всеми остальными, с кем Геннадий был так или иначе вынужден или, что бывало редко, хотел общаться.

Вечерами и ночами, когда он оставался один, вселенная выслушивала его монологи, они были экспрессивны и полны удручающей лексики. Вселенная слушала, но не слышала, и это было прекрасно. Это несло к утру успокоение и возможность продолжать жизнь.

Ладно, вступление скомкано и непонятно, но прошли. А теперь поехали –посмотрим, удастся ли нам вырулить на финальную горечь. Итак, впереди у нас Нонна.

Нонна

В жизни каждого человека есть своя Нонна. Не в смысле имени, а в смысле существа, персонажа, наделенного определенным набором качеств. Ну, вы понимаете. Нонна — это Нонна. Вот и у Геннадия такая была. Ее звали Света.

Она появилась в его жизни, когда он играл в баскетбол после уроков. Как-то после игры он пошел в душ, вернулся — а кроссовок нет, вот такая ерунда. Он вышел одетый, раздумывая, где найти обувь, чтобы дойти до дома. А тут она, Света, идет на свою гимнастику. Ну, он еще этого не знал, а она, увидев его босые ноги, засмеялась. Он развел руками — типа не смешно ни фига. Украли обувь.

— Искал?

— Искал.

— У меня есть шлепки для душа — хочешь, дам? Дойдешь как-нибудь.

— А ты?

— Тебе нужнее,— она опять рассмеялась.— В следующий раз только принеси.

— Обязательно, спасибо.

Она развернулась и пошла.

Следующий раз

Случился он не скоро — лет через пять. В институте. Был какой-то праздник у однокурсника, и в компании оказалась Света. Она обрадовалась, он удивился.

— Шлепки,— напомнила она.

— А, точно. Тебя не узнать.

— Неужели?

— Точно.

— Ты с кем?

— Сам.

— И я сама, хотя я Вальку знаю давно. Мы даже пытались жить вместе.

— Во как. Не сошлись характерами?

— Ну типа.

— Сложно?

— Просто.

— Надоел?

— Да.

— Занудный?

— Откуда ты все знаешь?

— Ладно, остынь, я ничего не знаю. Просто тыкал наугад.

— А, понятно.

— Чем занимаешься?

— Я логопед. В поликлинике работаю.

— Ничего себе. А я инженер.

— Вот это действительно ничего себе.

— Считаешь, что логопед более распространенная профессия?

— Ага,— она засмеялась, он вспомнил.

Пульс

Жив он или нет, Геннадий определял по пульсу. Нет, ну правда. Если пульс его учащался, значит, он жил. А нежизнь определялась сама. В эти часы пульс его был очень редок. У него была брадикардия. Такой фигней врачи называют сниженное сердцебиение.

Так вот, Геннадий любил пульс от ста и выше. Это он считал жизнью. И еще именно такой пульс позволял ему забывать рутину и оказываться в своей вселенной. Он просто переставал замечать все вокруг, и когда пульс садился обратно, не всегда помнил, где был и что делал.

Он был не вполне обычным инженером, он адаптировал плоды промышленного шпионажа во что-то, что могли понять команды, которым предстояло копировать украденное. Он объяснял, отвечал на вопросы и следил за развитием событий восприятия и включенности.

Ладно, скажем проще: он был наблюдателем и оценщиком результатов. Он докладывал об итогах. Оценивал способность инженеров выполнить работу и прогнозировал сроки изготовления изделий.

Стало еще непонятней? Ну тогда уж и не знаю. Короче, он был умный и проверял, есть ли еще умные. Ну типа учитель. Вот, может, так лучше?

Штуковина

Однажды в их шарагу поступил набор документов. В основном чертежей, скаченных хакерами на одном странном сервере. Хакеры не знали, чей он, не знали, про что документация, знали, что ломились совсем не туда, но оказались там, где не знали. Прихватили что успели, пока их не выперли. Причем так, что казалось: там, где они были, этого места никогда не было.

Начальство поручило Геннадию разобраться. Он разобрался, но объяснить не смог. Он считал, что надо попробовать сделать «это» по чертежам, и тогда всем станет все понятно. Начальство согласилось.

Начали делать. Старались, ничего не получалось, правда. То ли материалы были не совсем те что нужно, то ли станки не давали нужные допуски. Короче, все затягивалось. Да и не нужно было особенно никому. Так, причуда. Но…

Сон

Геннадию приснился сон, в котором некий стеклянный ящик, прям как сосуд Пандоры, объяснял ему про спертые чертежи и почему не получается.

— Ты же понимаешь,— говорил ящик. Вернее, он не говорил, но Геннадий понимал.— Ты же понимаешь, что это вот предсказатель вероятности правильности выбранного пути. Решения. Не важно какого. Не важно про что. Уравнитель смысла, вычислитель бессмысленности. Понял?

Как-то Геннадий дал понять, что да, вроде понял. Вероятности Пуанкаре, фракталы и прочие Тьюринги: как говорится, «мы знаем слов».

— Ну так вот,— сказал ему дальше ящик-сосуд.— Пользоваться этим нельзя, поэтому у вас и не получается.

— А откуда это взялось, да еще в подробных чертежах?

— А это приснилось одному черту типа Маска. Он визуализировал сон, ибо спит с электродами, и дешифровать смог, а дальше-то никак.

Тут появилась его Нонна в виде Иры, была такая у него — да, на работе познакомились,— и сказала, что хакеры, ну те, которые ну ты понимаешь… так вот их больше нет.

— Как нет?

— Ну вообще их больше нет.

— Да ладно,— удивился во сне Геннадий так, как и наяву не удивлялся.— А что, так можно?

— Кому-то, наверное, да.

— Ира!

— А?

— А где Света?

— Она с хакерами пропала.

— Она их что — знала?

— Выходит, что так.

— Чудеса.

— В полный рост. Ладно, я побежала, у меня ноги замерзли. Пока!

— Пока,— сказал Геннадий.

И думаете, он проснулся после этого? Да ничего подобного, он еще битый час доказывал ящику прозрачному, что так не может быть, не могла Светка исчезнуть, не такой она человек.

Ящик вяло поддакивал, а потом встал и ушел. Вот только по спине его Геннадий понял, что это его знакомый Егорыч, работает у них, протирает контакты. Очень ответственная работа.

Робот

Геннадий с утра был на работе. Всех построил, всех заставил разобрать и собрать снова. Предложил называть изделие роботом. Ну чтобы как-то называть. Несколько раз звонил Светке, трубку она не брала. Позвонил Ире. Она пришла.

— Чего тебе?

— Мы с тобой вчера ничего такого не делали?

— Особенного ничего, ты гудел про какой-то вычислитель мощности, потом как обычно, а потом я заснула.

— А я?

— Не знаю, встал и пошел куда-то, но это уже без меня.

— Мне сон чудной приснился.

— Типа мы голые на площади?

— Смешнее. Ты мне рассказала, что Светка ушла с хакерами.

— Это я могу, я ж ее ненавижу, прям как Нонну. Нет, Нонну сильнее.

Они еще долго пререкались. Толку он не добился никакого. Хотя какой мог быть из всего этого толк? Потом спросил:

— У тебя нет такого ящика прозрачного?

— Есть, мне его на прошлый день рождения подарили коллеги. А что?

— А где он сейчас?

— Понятия не имею.

— Вот-вот.

Испытания

Пересобранный робот уже не выглядел таким уж нерабочим. Подавал некие признаки работоспособности. Решили тестировать. Геннадий всех выгнал и спросил:

— Хакеры живы?

— Некорректный вопрос.

— Где Света?

— Некорректный вопрос.

— Зачем ты нужен?

— Считаю вероятности.

— Ранжируешь вселенные?

— Ты смышленый. Смотри, переведут в менее ранговую вселенную.

— Насрать. Смерти нет?

— Некорректный вопрос.

— Все есть и всего нет?

— Зависит от координат.

— Разве пространство влияет?
— Нет, только восприятие.
— Кто тебя сделал?
— Некорректный вопрос.
— Цикличность?
— Не абсолютна.
— Почему ты решил?
— По твоей тоске.
— Ни фига.
— Отключи меня, мне надо отдохнуть.

Геннадий выключил робота, которого теперь хотел называть машиной. Ну какой это робот, думал он, это натурально машина для коктейлей. Иллюзии, смыслы, ожидания, сны, надежды и все что угодно еще.

Пустота

Геннадий сидел напротив себя и пытался найти в пустоте, которая вдруг заполнила все его сознание, хоть что-то, не важно что. Какой-то крюк действительности, то, на чем можно повиснуть и ждать прихода весны. И когда пустоту наполнит хаос, незаметно смыться в почти достроенное свое небытие. Но это надо еще заслужить.

Света опять спрашивала, где ее шлепки.
— Скучаешь?
— Очень.
— Я тоже, но не знаю, по чему.
— Да ладно.
— Ну хорошо, знаю-знаю. По возможности снова идти в твоих шлепках.
— Извращение.
— Узнавание.
— Бред.
— Нет, понимание не умом.
— Подсознание?
— Нет.

— А что тогда?
— Несознание. Вот по чему я скучаю.

Препирательства

Он опять пытался разговаривать с машиной. Ну, в смысле с бывшим роботом.

— Что наступает быстрее — умопомешательство или принятие бесконечности?
— Это зависит от исходных данных.
— А как с несознанием?
— Некорректный вопрос.
— Вычисляя возможности и ранжируя вселенные, не пребываешь ли ты в ложном мире?

Молчание.

— Тебя сделали сознательно?
— Некорректный вопрос.
— Способен ли человек или нечеловек воспринимать горечь утраты несознательно?
— Некорректный вопрос.
— А какой вопрос сейчас был бы корректным?
— Который час?

БАНЩИК

«Единственные нормальные люди — это те, кого вы не очень хорошо знаете».

Альфред Адлер

Преамбула

Теперь Коля работал в бане, большой городской бане. Его так и звали — Коля-банщик. Он пришел к этой точке своей карьеры путем нехитрых сплетений жизни. Школа, институт, непризнание очевидного ему, признание всякого дерьма окружающими, признание ненавистного и подлого.

Последней каплей стало присвоение его разработки уплотнения бетона начальником отдела и увольнение после рассказа об этом случае в кулуарах какой-то научно-практической конференции,

пересказанного в телеграм-канале одним из слушателей его печальной повести.

Затем была обида на весь мир. Уход в себя — и в результате алкоголизм как защитный механизм ранимой души.

Встреча с Раисой. Обнаружение нового себя в другом не себе. Простое счастье, вылепленное из несчастья, ну как петухи у того умельца, кто лепит их из говна.

Вся эта алхимия бытия и привела Колю в баню. И стало ему в бане хорошо. А дома (у него появился дом) с Раисой было еще лучше ему, чем в бане.

Первый пар

На первый пар ходили знатоки. Коля любил эти утренние часы. Народ был могучий или умный, а часто совмещал и то и другое. В предбаннике они были профессорами и массажистами, рабочими и инженерами, математиками или артистами, но в бане они становились просто счастливыми голыми мужиками. Одинаковыми. Мечтательными, расслабленными и добрыми.

Веники и крики в парилке, радостные вопли из бассейна. Да, в Колиной бане был бассейн — а что, так не бывает, что ли?

Петрович ходил в эту баню еще до Коли, задолго. Он был фанат, а теперь и пенсионер. Он научил Колю правильно смотреть на процесс. Любить баню и клиентов.

Так случилось, что Коля привыкал долго. Он не был рожден для сервиса. Петрович очень помог. Коля слушал и не понимал. А потом начал понимать.

Посетители бани — они как дети. Вот и всё. Понять — это уже полпути. А еще поняв, что это работа, а не унижение, перестаешь чувствовать себя унижен-

ным. И всё. Только любовь к ближнему. А нелюбовь к дальнему — она гаснет и теряет смысл.

Дети

В общем, первый пар — это первый пар, но баня на нем не останавливается, день катится дальше, волны парильщиков сменяют друг друга, как волны пара в парилке.

Смена проходит незаметно. Все идет по накатанной. Они все одинаковые и разные. Всегда уставшие в начале и чистые в конце.

Ему иногда наливают, он всегда отказывается. В этом смысле баня — испытание для бывшего алкоголика. Хотя говорят, что бывших не бывает.

— Коля, принеси нам еще пива! — кричат ему из угла раздевалки. Там часто одна и та же компания.

— Хорошо.

— Посиди с нами.

— Не могу, пора парную мыть.

— Да ладно, никуда она не денется.

Он молча смотрит и уходит.

— Вот так всегда: только дашь слабину, подумаешь о них как о взрослых — и тут же они себя проявляют,— говорил про себя Коля, намывая парилку.— Дети, мать их.

Раиса

Как она появилась в его жизни, он точно не знал. Смутные очертания, невнятные речи. Потом, когда он вернулся из мира забвения белой реки (прекратил пить), она как будто была всегда, и он всегда был, и они были всегда вместе. Не было прошлого, было сегодня и намеки на завтра.

Она отвела его в баню, не в баню — баню, а в баню — работу.

Сама она работала в цветочном магазине. Она была флорист. Цветочница. От нее всегда пахало свежестью, лугом, травой, цветами. Как будто Коля знал, как пахнет луг. Но предки знали, все предки это знают и передают, записывая на вечных спиралях ДНК. В общем, он не знал, но помнил.

Она не была красавицей. Она была милой оптимисткой, а такой теперь не сыщешь. Красоту можно найти, а милый оптимизм — нет. Сейчас Коле казалось, что он любил Раису всегда и она его. Хотя это изумляло его больше всех остальных событий его жизни.

Они жили. Ходили на работу. К друзьям. Ездили на природу. Гуляли в парке. Он смотрел на нее и хотел смотреть еще.

Он представлял все это без звука. Немая картинка. Ее руки, поворот головы, взгляд, движение, улыбка вызывали в нем чувство покоя. Такого настоящего, не покоя, добытого объяснениями и логикой, самоуспокоением, а покоя, идущего откуда-то из глубины, из вечности, из всегда бывшего вечного. Вот такой это был покой.

Деньги

Появились деньги. Коля не знал, что с ними делать. Отдавал Раисе. Она купила диван. Уютно стало. Деньги появились и не исчезли. Коля купил ей цепочку с кулоном. Она была рада, но носить не стала.

Не исчезали больше деньги, и они поехали отдыхать. В пригородный санаторий. Раисе не понравилось, а ему везде было хорошо, где она.

Начальство его любило. Главный бухгалтер с фантастическим именем Аделаида звала его к себе. Он отказался. Она была недовольна. Тогда он на подсо-

знании, на рефлексах купил ей браслет и подарил, не забоялся. Она отошла и Колю простила. Они стали дружить.

Аделаида делилась сплетнями. Как потом выяснилось, не всеми. Умная или просто женщина добрая. Короче говоря, деньги Колю не испортили.

Прошлое

Раиса зашла за ним в конце рабочего дня. Это было обычным делом, но он почему-то насторожился. Они пошли домой через парк, и она спросила его про работу. Он ответил, что сегодня было шумно. Это означало, что народу было больше, чем обычно.

— А Петрович был? — спросила она.

— Нет, он ходит по пятницам, ты же знаешь. А что?

— Ничего, просто так спросила, он же хороший товарищ.

— Ну да,— пожал плечами Коля.

— Он тебе ничего не говорил?

— Про что?

— Про нас.

— Нет.

— Мы с ним жили вместе, до тебя.

— Я не знал.

— Я поняла.

— А почему ты решила рассказать?

— Ну лучше я, так я подумала.

— Мне не важно, что было с тобой раньше, у меня нет прошлого.

— У всех есть прошлое.

— У меня нет.

— Не ври.

— Я и не вру.

— Ну хорошо. Я рассказала тебе это потому, что он не остыл. Поэтому прошлое есть, хотя бы поэтому оно есть и у тебя.

— Он хочет тебя вернуть?

— Да.

— А ты?

— А я не хочу. Вернее, в этом смысле и у меня нет прошлого, оно исчезло с твоим появлением.

— Вот видишь,— он засмеялся.— То прошлое есть, а то его нет.

— Мы признаем или не признаем, а оно есть.

— Оно объективно.

— Нет, оно субъективно, но объективно существует в памяти других. Например, Петрович в данном случае пытается нас вернуть себе.

— Откуда ты такая умная?

— Сама не знаю, наверное, от цветов,— она улыбалась.

Событие

Петрович сидел в парилке. Как обычно. Долго. Потом вышел. Встал под холодный душ. Потом бассейн. Потом, завернувшись в простыню и тяжело дыша, пошел в раздевалку, встречая по пути опоздавших участников их утреннего неформального клуба.

— Ну как же так, Альфред? — укорил он одного из них.

— Пробки,— сказал Альфред.

— Вставай пораньше.

Добравшись до своего места, он увидел Колю.

— Коля! — позвал он.

— Да? — сказал Коля.

— Посиди со мной.

Коля подошел и сел рядом. Времени у него не было, часы утренние были ударными.

— Я понимаю, времени у тебя нет,— сказал Петрович.

Коля молчал.

— Я хочу сказать тебе про Райку. Я понял, что люблю ее. А ты знал, что она просила устроить тебя сюда?

— Нет,— сказал Коля.

— И я устроил и помог тебе войти со вкус.

— Правда, и я благодарен.

— Я хочу ее вернуть.

Коля пожал плечами:

— Она взрослая.

— А ты?

— Меня нет.

— Вот именно. А она есть.

— Может быть,— сказал Коля.

— В общем, я тебя предупредил.

— О чем?

— Я не отстану.

— Я тоже.

— Тогда мы поссоримся.

— Ну, значит, так.

Коля встал.

— Я пошел работать, а ты, Петрович, не думай, что твое прошлое тебя оставит. У тебя оно есть.

— И у тебя есть,— сказал Петрович.— Принеси мне пива.

Петрович

Он страдал раздвоением личности, хотя сам себя считал аутистом. Одно из его «я» по-прежнему было вместе с Раисой. Он засыпал с ней и просыпался. Постоянно разговаривал с ней. Другое его «я», осознав, что ее больше нет с ним, потребовало ультимативно ее возвращения.

Он стал писать, звонить, подкарауливать. Раиса жалела, что просила Петровича помочь Коле и разбудила его интерес к себе. Они уже несколько лет спокойно жили врозь. Она не знала о «раздвоении», это случилось перед их расставанием. Наверное, созревание болезни и было тому причиной.

Петрович ждал ее в подъезде. Оглушил. Занес в ее с Колей квартиру. Раздел. Положил на кровать. Разделся и лег рядом. Потом отнес в ванну. Включил воду. Вскрыл вены. Выключил воду. Ушел.

Без конца

Он пил неделю, может, больше, может, меньше, он не помнил. Он зато помнил, почему он пил. Он оплакивал Раису. Он нашел ее в ванной. Она умерла. Он не знал, как. Не хотел знать. Но знал, что ее больше нет.

Он вышел из дома и пошел в магазин. Вернулся. Потом он не помнил ничего, кроме того, что Раиса там, в ванной. Иногда он вставал и открывал дверь в ванную. Она была там. Может, ему это снилось. Когда он открывал дверь в ванную, там было все в пару. И ничего не видно. Но она была там. Лежала на дне. Когда он снова заглянул туда через день или два, она спросила его:

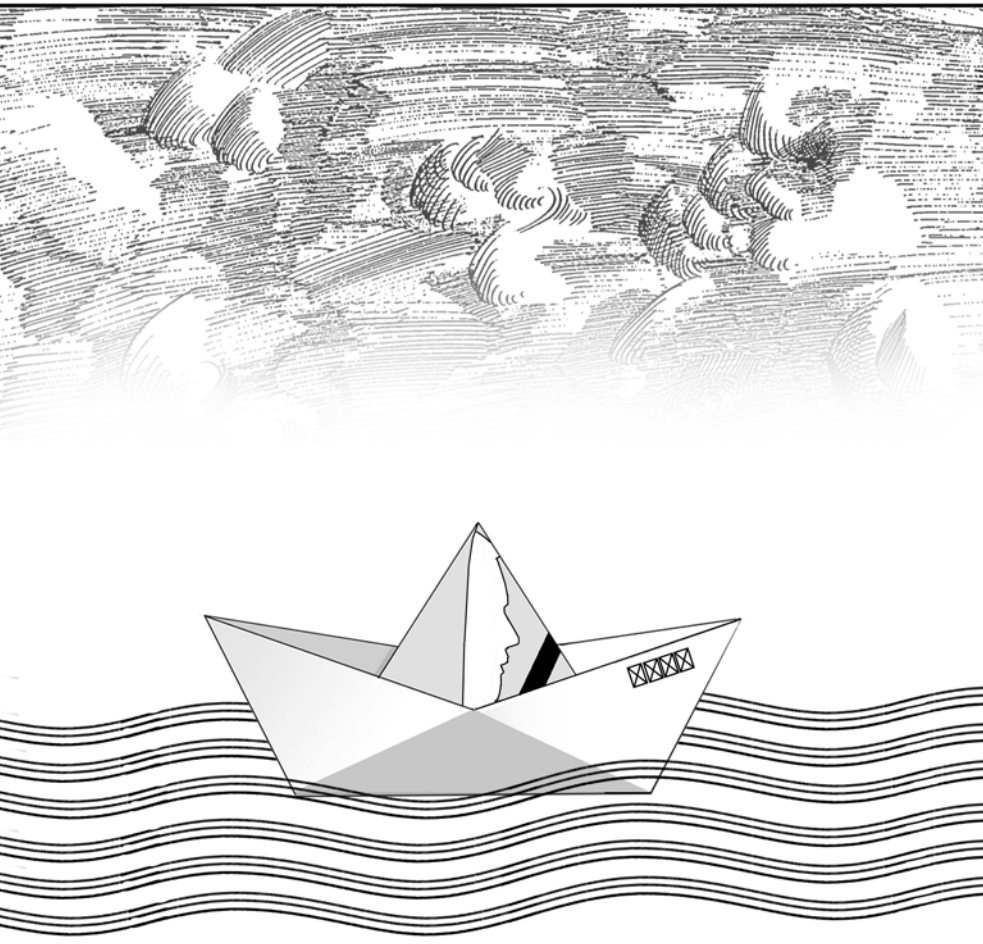
— Зачем ты убил меня, Коля?

Он молчал.

— Зачем ты позволил меня убить?

Коля-банщик закрыл дверь в ванную и вернулся в комнату. Ее больше не было.

ПРОЖИВАНИЕ



«Кавалергарды, век недолог...»
Булат Окуджава

Стадия первая

Он родился. Наверное, детство в фазе отсутствия воспоминаний было милым. Он не знал, но наверное. Когда появились смутные отрывочные воспоминания, они были слишком смутными, слишком отрывочными и от этого абсолютно безэмоциональными. Такие стоп-кадры из немого кино. В основном лица или фрагменты помещений, машин, самолетов.

Привязанность к матери зашкаливала, он не выбирал, он был стойким приверженцем, и если не мама, то никто. Все только с ней, все только из ее рук.

Это совсем не подпадало под определение «маменькин сынок», это было и глубже, и шире, и совсем не такое пошлое. И это была не любовь, это было состояние его мира. Мама являлась и воздухом, которым он дышал, и едой, и вещами. Все, что было в окружающем мире, была она.

Вот такая вот была с ним фигня. Вы скажете, так не бывает? Возможно, вы не помните просто или никогда не были счастливы. Будем надеяться на первое, ибо второе очень грустно. Второе — это плохо. Это никак. Это пустое.

Стадия вторая

Средняя школа отделила супердетский этап от начала создания собственного «я». Это было открытием. Бесконечность мира. Конечность жизни. Он упирался лбом в оконное стекло ночью и смотрел во мрак. Представлял границы Вселенной и что может быть за ними.

Его охватывал феноменальный ужас при мыслях о смерти. Он не хотел об этом думать и просто терпел до тех пор, пока эта мысль не сменялась суетой дня или мороком сна.

Физически он был крепким. Катался на лыжах, тренер требовал результатов, но он не любил напрягаться. Так — для себя и для мамы. Катался. Спорт — это важно, считали все вокруг, но не он. Он уступал, это было несложно.

Вика. Девочка, наведшая его на мысли о притягательности. Не так, как к маме, по-другому. Он хотел с ней общаться. Она — не очень. Как пишут в женских романах — позволяла. Он страдал. Вернее, тогда он еще не понимал, что страдает.

Про страдания ему объяснил Алик, одноклассник. У Алика были старшие братья. Он много знал про жизнь.

Стадия третья

Старшие классы школы. Песня. Поэзия. Глупость. Ожидание чего-то когда-то. Жизнь в предчувствии, а не сегодня. Углубление дружбы с Викой. Появление друзей, которые называются так за неимением более подходящих слов, типа приятели, люди, совместно проводящие время. Их ничего не связывало, кроме бестолкового совместного проживания тех дней.

Но в детских книжках это называлось дружбой. Ну, значит, это была дружба. Как можно спорить с коллективным сознательным. А никто и не спорил. Даже мыслей таких не было.

Отличный обмен веществ предполагает уникальную возможность плыть вдоль. Вместе со всеми. Не задумываясь о времени как времени. Его же навалом.

Стадия четвертая

Студентом он был средним. Скорее, ему просто нравилась послешкольная свобода. Взрослость. Самостоятельность. Где и что есть. Нет контроля. Нет отчета. Ну, кроме экзаменов.

Он учился ради процесса. Он не знал, как будет жить дальше, просто будет. Детали придут сами. Свободный полет. А взлет или падение — это будет понятно только после. Чего думать про завтра конкретно. Только в общем. Завтра будет. И всё.

Студенческое время изменило восприятие отношений. Чуть-чуть. Любовь сменялась любовью. Острота была на пике.

Переживания. Бросила. Не бросила. Ушла. Вернулась.

Он не бросал. Тянул и тянул давно остывшие отношения. Боялся, наверное. Привыкал. Вел параллельную жизнь от всех этих стеснений. Умножал

сущности. Запутывал действительность. Было иногда хорошо. Иногда плохо. Он научился извлекать капитал из общений.

Замыслы появлялись и реализовывались структурно. Студенческая жизнь предполагала и давала возможности социальной реализации. Он преуспевал в этом серфинге отношений.

Стадия пятая

Первый контракт он получил в студентах. Подготовка материалов для диссертаций.

Нет, он не продавал готовые работы. Это делали другие. Трое нанимали таких, как он, как подсобных рабочих. Он способствовал, но не более. Знать — знал. Но не более.

Однажды в дверь к нему постучали. Он не открыл. Тогда через пару дней он получил повестку. Допрос свидетеля.

Ну, он почти ничему не был свидетелем. Да, подтвердил, что готовил материалы. Да, подтвердил, что отдавал их такому-то.

Следователь смотрел на него как-то совершенно без эмоций, как на муху, впрочем, на муху мы смотрим часто и эмоционально вполне. Наверное, под этим взглядом он чувствовал себя мухой.

Потом было отчисление из института и повестка уже из военкомата. Справки о здоровье никого не интересовали. Комиссия признала годным. Пошел служить. Вернулся другим человеком. Армия навела резкость на размытую картину окружающей среды. Время, там проведенное, текло медленно, что позволило сформировать глубину целей на жизнь после. В виде мечты и подготовки осознанных действий.

Еще армия дала ощущение победы. Зарядила силами. Вернувшись, он лихо поступил куда хотел,

практически без подготовки. Карьера, как стало модным говорить, резко прибавила и вширь и вглубь.

Стадия шестая

Он снова учился, но теперь с полной отдачей. Параллельно работал. Параллельно — на второй работе, связанной с будущей специальностью.

Время летело быстро. Он сделался совершенно простым. Женился. Дети. Отрицание красок. Подчинение некой идее. Так прошло несколько лет. И все вернулось.

Он утерял перспективу, приобрел страх. Он боялся. Вот просто боялся. Выйти из дому. Вступить в разговор. Мыслей о смерти.

Мама старела и говорила про это. Он не хотел слушать, отрицал, говорил в ответ, что тоже стареет. Она замолкала. Смотрела на него. Он потом, много спустя, понял, что она теперь хотела, чтобы он стал для нее всем, как она для него когда-то.

Но он отрицал, и маму не поддержал, не услышал, не понял. Нет, не хотел понимать. Это ужаснее. А потом мама ушла, и уже некому было быть ему всем. В середине грудной клетки у него образовалась пустота. Ее не было видно, но ему казалось, он эту дырку просто не видит, но она там есть. Он чувствовал.

Он много работал в это время. И вполне успешно. Появились деньги. Решались бытовые проблемы. Обнаружился Алик. Они давно не виделись. Предложил участие в проекте. Он согласился.

Стадия седьмая

Контракт с тогдашним работодателем Алика передвинул в его мозгах многое. Не в мозгах — скорее, во взглядах на простое.

Он привык усложнять. Его так учили. И мама, и учителя, и преподаватели. Хотя и не все. Однажды, разбирая итоги олимпиады, учитель математики, к которому он обратился за разъяснениями по поводу своей неудачи, сказал ему, что он сам усложнил условие задачи. А вообще-то, сказал учитель, надо стремиться к обратному, к упрощению, а ты решал не заявленные условия, а выдуманные тобой усложнения. Он был удивлен.

Вот и теперь оказалось, что сила в простоте. Это открытие его опять удивило. Он забыл про это.

Дальше — больше. С каждым новым контрактом простота решений нарастала, и он потихоньку стал к этому привыкать, хотя полюбить до конца так и не смог. Ему казалось, что нельзя привыкнуть к простоте. Но он смог. Для работы, говорил он. Так надо.

Он заспорил как-то об этом с Аликом, и тот выдал:

— Люди придумали усложнения, ибо социум не терпит простоты. Упрощение — это скатывание. Ведь в природе, во Вселенной нет простоты или сложности. Рефлексия присуща только людям. Рефлексия требует уровня сложности. Коллективное бессознательное — тоже. Общество может развиваться, только усложняясь. Да, возможна сингулярность, но это другая история. Обнуление сложности при переходе в другое качество. И за сингулярностью будет накапливаться новая сложность, если останется рефлексия. В этом,— сказал Алик,— я не уверен. В том, что за сингулярностью. Да и в самой сингулярности тоже.

Он слушал Алика, который всегда мимикрировал под простоту. Слушал и наслаждался. Но внешне восторги не продемонстрировал. Привык на работе, что ли.

Вот такие бывали у них разговоры.

Ладно, хватит этого всего. Едем дальше.

Стадия восьмая

Все было хорошо. Даже очень. Все реже мучали кошмары насчет смерти, все глубже становился успех.

Этот самый успех — хорошая пилюля от всего плохого, избавление. Надо только не перегибать с нападающей от этого вседозволенностью, которая опускает толерантность, что кончается хамством и пошлостью.

Богатство пошло даже в исполнении интеллигентного человека, ибо вопрос присвоения прибавочной стоимости куртуазно никогда не будет решен, а значит, будет разъедать хорошие манеры. Извините, что-то мы не туда заехали немного.

Все было хорошо, и тут в очередной раз сдав анализы по поводу болей в сердце, выяснилось, что он болен. Причем как-то конкретно и как-то безальтернативно. Рак крови. Лимфома, кажется, называется. Четвертая стадия, метастазы в лимфоузлах и так далее.

Впереди маячила химиотерапия, пересадка костного мозга. Это в случае успешности всех промежуточных стадий. А мамы не было, и некому было стать всем. Заменить кровь. Отдать свой костный мозг. Гладить по голове. Некому было сказать, что все будет хорошо.

Он опустился на следующий этаж глубины. Он понял, что понимал все всегда правильно про жизнь, но детали, эти чертовы мелкие детали всегда ускользали. Мама, Вика, Алик и многое другое.

Стадия девятая

Он вспоминал. Вспоминал, как трепетал от прикосновений Вики, как слушали музыку с Аликом, как мама резала яблоки. Ну при чем тут вот яблоки. Целый таз, который они ели все вместе, сидя

у телевизора. Ушедшая натура, которую хочется чувствовать, вновь пережевывать вкус.

Он написал Вике. Она обещала перезвонить. Позвонил Алику. Он ответил: «Я сейчас занят, давай на неделе».

Он подумал о маме. Она сказала: «Ничего не бойся, сынок. У тебя всегда все будет хорошо. Только не бойся».

Ему полегчало. Все было на месте. Работа работала. Семья жила.

И мама была с ним. А Вика и Алик перезвонят. Все хорошо. Он жил и будет жить, и не будет бояться.

Стадия десятая

Он лежал в больнице. Мозг, говорят, не прижился. Какие-то новые серии процедур. Завтра опять очередная операция. Он жил.

Хирург вышел из операционной. Ну как в кино показывают. Или почти так, кто знает. Выглядел усталым или опустошенным. Алик и Вика встали.

Он умер. Так бывает.

Он умер.

СРЕДСТВА

«Все вещи — это субъект интерпретации. Какое бы толкование ни возобладало в данный момент, оно зависит от силы, а не от правды».

Фридрих Ницше

«...В действиях всех людей, и особенно правителей, где нет возможности обжаловать поступок, судят по цели. Поставь перед принцем задачу — завоевать и сохранить государство — и средства всегда будут признаны почетными и одобрены всеми, ибо народ увлечен тем, что кажется благим, и тем, чем дело кончается».

Никколо Макиавелли

Мельнику всегда везло, говорят его знакомые. Но везение — это тяжелый труд, отвечал он.

Павел Мельник родился в заурядной семье в маленьком городке в Сибири. Он окончил самую обыкновенную школу. Сходил в армию и по-

ступил в университет. Это была первая ступень, которая была выше круга, где он рос. Круга его родителей и знакомых. Этим достижением он их опередил. Дальше было пространство для полета. Задача минимум которого была не упасть обратно, задача максимум могла быть любой.

Она такой и стала, и менялась по ходу движения вверх. Так Павлу казалось.

Детство

Закалило Пашу в том плане, что мечты его не сбывались сами по себе. Каша в саду была остывшей, скользкой, неприятной. Молоко и кисель с пенкой, а он эти пенки люто ненавидел. Тактильно. Неприятно.

В школе его девочки не любили, а мальчики игнорировали. По неизвестной причине. Он пытался понять. Хотя нет, не пытался, он принимал это тогда как некую данность — и всё. Дискомфорт. Ему казалось, что школьный. Вот так.

Учился хорошо. Это тоже напрягало одноклассников. Но школа закончилась. И все с ней связанное быстро выветрилось. А вот пенки из детского сада он помнил всегда.

Странно, скажете вы. Да, пожалуй, странно.

Армия

Воспринял как неизбежное зло. Для поступления куда хотел не хватило школьных знаний. Школа была слабой. Для подобных ситуаций и существовала армия. Как говорил давно ушедший генсек — «школа жизни». Ну, школа не школа, а запасной путь, вторая попытка.

Мельник не упустил шанса. Служил. Познакомился с многонациональной страной, которая из Сибири выглядела весьма гомогенной. Оказалось, все не совсем так на самом деле.

Всё выслужил. Прошел ровно, без замечаний. Получил лычки и отличную характеристику. И рекомендацию от командования части. Для этого надо было совершить некие поступки, и он их совершил. Помогал командирам, отрабатывал поручения. Когда надо — смотрел, когда не надо — отворачивался. Пластику смыслов он усвоил еще в школе.

Университет

Мощно зашел. Сдал экзамены с ходу. Экономисты были в моде. Занялся общественной деятельностью, спортом и пел в хоре. Зачем, спросите вы. Ну, конечно, для развития социальных контактов. Развития в смысле расширения.

Дальше — больше. Нашел контактные данные депутата от региона и попытался встретиться, предложить бесплатно помогать. Волонтерить для него. Бесплатное все любят, и депутат взял его отвечать на письма. Работа муторная, нудная, но если не пропускать через себя, то вполне технологически легкая. Павел делал много и быстро, это понравилось.

К концу учебы Мельник был уже штатным помощником депутата. Написал пару статей по проблемам инфляции, познакомился с блогерами. Дума вообще давала большое поле для контактов. Для инициативных людей — клад. Павел был именно таким.

Незаметно закончился университет со всеми неформальными посиделками, ненужными знаниями и полезными знакомствами. Мельник познакомился с дочкой ректора. Поступил в аспирантуру.

Следующая ступень

Папа Ниночки был очень авторитетным человеком с могучими связями, тянущимися из глубины. Он был из хорошей семьи, ему еще предстояло превзойти достижения предков. Другое дело Павел. Эффект низкой базы наполнял его легкие, он чувствовал легкость и полноту жизни. Иван Иваныч говорил с ним как с родным, задавал вопросы и сам давал на них ответы. Работать надо идти в аппарат — администрации или правительства. Хороший опыт в Думе пригодится. Система тебя приняла, теперь пора прокатиться на лифте.

Так Павел стал замначальника департамента в аппарате правительства. Департамент курировал науку и Министерство высшей школы. По профилю, сказал Иван Иванович. Мельнику нравилось. Кабинетик маленький, но с видом на речку.

Свадьбу Иван Иванович закатил с размахом. Во дворце. С Киркоровым и прочими. Гости были, и их было много. Эта свадьба заложила основу будущего Мельника. С большой буквы не только «М» — и всех прочих в фамилии. Иван Иванович знакомил и представлял. Ниночка сияла от счастья. Павел тоже, но по-другому. В принципе, они были счастливы, если не разбирать причины. По-разному, но одинаково сильно. Об этом речь.

Скоро Павел стал замминистра, а семья вселилась в большой дом рядом с Иван Иванычем. Поселок был очень престижным. Ректор кого попало в него не селил. Все жили дружно и давно. Поддерживали друг друга и помогали. Среди соседей были и бизнесмены, и политики, и администраторы. Жизнь удалась.

Полезный

Мельник стал незаменимым. Как? Удобный. Поручают — делает. Не спрашивает, просто выполняет. Так раз, другой, третий. Год один сменяет другой. Накатанные схемы. Набираешь номер — звучит знакомый голос. Всем удобно. Просьбы — это особый вид услуг. Личные. Не для чужих ушей. Никто лучше него. Сложилось такое мнение, что отличный теневой банкир.

Иван Иванович как-то сказал ему:

— Ты меня уже переплюнул.

Паша испугался:

— Да что вы, Иван Иванович, я только вашими молитвами живу. Жив.

— Это уже не так, хотя и приятно слышать, что уважаешь.

— Ну зачем так?

— Уже выбирают в твою пользу потому что.

— Как?

— Вижу по скудеющему ручейку ко мне. Значит, где они — а? У тебя.

— Рефлексии.

— Я вижу, а не придумываю.

— Что делать?

— Ничего. Я не в претензии. Просто будь аккуратнее. Люди тебе кажутся знакомыми и безопасными, но это не так.

— Я это понимаю.

— Точно?

— Да.

— Хорошо.

После этого разговора прошло еще несколько лет. Мельник был уже вполне богат. Жил своим двором. Министр.

Ну это просто регалии предложили, он не мог отказаться — обида. Но основные занятия не поменялись — услуги.

Бесполезный

Иван Ивановича арестовали. Потом суд отправил его под домашний арест.
— При уплотнении повестки и сокращении кормовой базы такое бывает,— сказал Мельник заплаканной Ниночке.— И вообще, ты уже не маленькая.
— Это мой отец.
— Он же бросил тебя.
— Он меня никогда не бросал.
— Ну конечно.
— Ты поможешь?
— Разузнаю сначала, в чем дело. Не только он, я тоже ничего не знал.

Павел кое с кем встретился, и эти кое-кто сказали, что речь о старых грехах. Мол, Иван Иванович воровал не по чину.
— Так может быть?
— Ты что — совсем дурак? — сказал ему кое-кто.
— Да вроде нет,— сказал Мельник.
— Тогда мой совет — держись от этого дела подальше.
— А что такое?
— Ну ты же долго был рядом,— ухмыльнулся другой кое-кто.

Что делать

Тогда Павел отправился еще кое к кому — тому, кто старший у тех кое-кого. Долго напрашивался на встречу. Наконец его приняли. Уже тогда, когда Иван Иванович был переведен с домашнего ареста в тюрьму.
— Что делать? — спросил он.
— Сдавать или сдаваться,— ответил ему очень большой человек.
— Как?

— Тебя можно вывести из-под удара только в случае полного разоружения перед партией, как говорили когда-то отцы-командиры.
— Сдавать Иван Иваныча? — спросил Мельник.
— Да, и подробно. Ты укрепишь обвинение, тебе зачтется.
— Он мой тесть.
— Я и говорю — зачтется.
— Но…
— Слушай, ты вырос и сам уже не помещаешься в рамки приличий. Ты нужен. Он — нет. Выбирай. Я вообще-то не должен с тобой разговаривать. Мне это еще вспомнят. Но я встретился потому, что считаю тебя активом. Я не прав?
— Вы правы,— сказал Мельник.— Я все понял.

Ниночка

Иван Иванычу дали десять лет за мошенничество в особо крупном размере. Он не удивился поступку Мельника. Он удивился поведению дочери. Ниночка поплакала-поплакала — и присоединилась к Павлу. Сотрудничала со следствием, хотя ее никто об этом особо и не просил. Ну, кроме мужа. Павел вернулся тогда — давно теперь уже — с памятного разговора и сказал, встретив ее в дверях:

— Я выбор сделал. Встретился с людьми. Мне всё объяснили. Твоего отца спасти нельзя. А мы можем. Ты и я. Это и укрепит отношения, и придаст моей карьере новый драйв. Что скажешь?

Она попросила подождать ее, обещала вернуться через час. Вернувшись, посмотрела на него совершенно сухими глазами и сказала:
— Я с тобой, более того, готова дать показания.
— Это необязательно.
— Я так хочу.
— Хорошо.

Он никогда не чувствовал к ней ничего такого. Ну как к карьере прям. Любовь. Или как-то так. Похожее что-то.

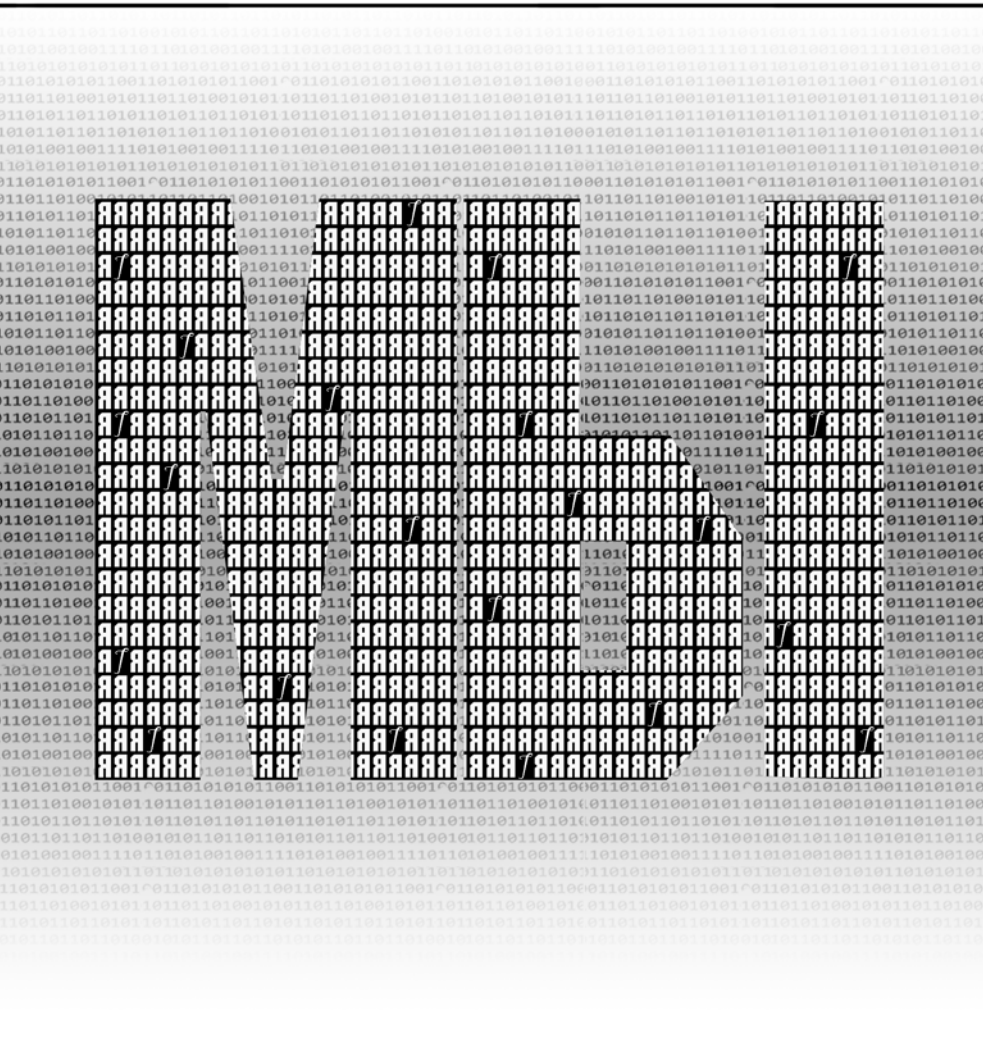
Потом

Он был счастлив. Основал свой клан. Стал выше и сильнее. Перерос почти всех. Какое-то время боялся Ниночки. Что вдруг она узнает, что Иван Иваныча можно было спасти. Он ей наврал тогда, когда предлагал то, что предлагал. Потом и это стало неважно.

Она была ему больше не нужна. Он решил развестись. Вокруг было столько всего и кого только не было.

Он был в стратосфере. Самом опасном и самом интересном для него месте на Земле. Он был счастлив. Это не повтор. Это демонстрация глубины его ощущений.

ЧУЖИЕ



«Проблема людей в том, что почти никто больше не ведет себя естественно, все ведут себя так, как от них того ждут, как если бы они прочитали о себе или увидели себя в кино. Вся жизнь сейчас такая. Нельзя даже думать естественно, потому что для тебя уже выбрано мнение, которое ты должен выражать. Оригинальность растрачена. И все-таки тяжело отказаться от веры в неповторимость человека».

Том Стоппард

«Кто любит восхождение, должен принять и упадок, ведь то и другое неразделимо. Но восходящий не верит в падение».

Эрих Мария Ремарк

«Когда хочешь стать своим, не надо пыжиться. Ты никогда не сможешь стать своим, если под этим ты имеешь в виду стать похожим, таким же, как они, которые другие, отличные от тебя, и к которым ты ищешь способ присоединиться. Не в этой жизни».

Эмигрантская проза

«Я»

Случайность не случайна. Это понимаешь много позже случившегося. Много позже, когда пыль давно осела, а ты продолжаешь смотреть вслед всему тому, что тебя покинуло. Как скрипучая телега, запряженная старой клячей. Это образ хорошего избавления.

Если же тебя оставили, умчавшись на новенькой блестящей машине в сторону небоскребов, растущих в дымке утреннего тумана, тогда, возможно, всё не так хорошо с тобой теперь.

Впрочем, всё чушь и байки. Любой их имеет десятки. На всякий поворот беседы.

Случайность случайна во всех остальных случаях. Она же путь к избавлению от плана действий и ведет к созданию условий.

«Я» — это мультибот или реплика каждого из нас теперь. Регистрируешься на портале гражданина и получаешь своего «я». Еще их называют патриотами.

Впрочем, в той стране и мире, где мы с «я» теперь живем, не принято выпячивать свои достоинства. Тут не любят идеологию для продажи, только для развития. Идеи хороши, идеологии плохи, считают здешние «мы».

Эмиграция — это не только пространственная категория, но и временная. Кто-то любит прошлое, кто-то будущее. И перемещаться теперь можно и туда. Кто-то остается в настоящем, хотя после сингулярности не вполне понятно, что это понятие значит.

Тесты

Многие теперь раздвоены. Впрочем, так было всегда, но теперь внутренний голос стал обладателем прав гражданина. И если он тебе отвечает, то уже не значит, что ты сошел с ума, а всего лишь, что ты завел

себе реплику. Некоторые говорят, что внутренний голос снова нашел их, и они теперь разговаривают втроем.

Деление прекрасно, хотя, конечно, увеличение субъектности не наращиванием, а разделением вносит в природу отношений свои краски.

Весьма возможно, что в будущем субъектность будет носить множественный характер и станет объединением, а не вершиной.

Тут еще надо приплести Тьюринга, ибо его тест на «свой-чужой» востребован в здешнем мире. Когда вокруг ходят незнакомые люди, кто их знает — это essential or artificial. И язык совсем не является показателем.

В общем, все зыбко и непрозрачно. Впрочем, теперь этот тест имеет совсем другой смысл.

Вновь прибывшие

Так разглагольствовал про местную жизнь, вводя в курс нового знакомого, Иван Удальцов. Он давно варился тут, в возвышенных дебрях Токио. Этом вневременном прибежище всего будущего.

Его собеседник, маленький рыжебородый человек, появился случайно.

Сидел за соседним столиком в обычном кафе, где Удальцов всегда завтракал, потом попросился присоединиться, подсел и теперь старательно кивал, слушая длинный монолог. Слушал. Не перебивал. А потом спросил вдруг:

— Не скучаешь?

Иван поперхнулся вопросом. Не ожидал. Так захлебываются волной неумелые пловцы. Отдышался кое-как и ответил вопросом:

— О чем?

— Ну, как было там, в том времени, откуда ты.

— До сингулярности, что ли? Совсем не скучаю.

— Но там же было проще и понятнее, а здесь нет своих.
— А кто у тебя свои?
— Ну, я из довоенных,— сказал вновь прибывший.
— И как тебе тут?
— Нелепо.
— Это как?
— Ну, я совершенно вывалился. Тут все не то. Мне не нравится. Особенно «я». Особенно — как ты рассказываешь.
— Надо потерпеть, привыкнешь,— попытался успокоить его Иван, хотя ему было все равно.
— Если ты не скучаешь, то нам не о чем разговаривать,— сказал рыжебородый.
— Давай я научу тебя строить себе дубля.
— Мне не нужен дубль.
— Тут всем нужен дубль.
— Я хочу назад, мне сказали, что если не прописываться в здешних программах, то включится деградация, и я постепенно вернусь. Может, не весь, но вернусь.
— Долго придется ждать.
— Ну, значит, будем долго ждать.
— А ты не один?
— Нет, я с женой.
— И как она?
— Ей нравится.
— Но ты все равно потащишь ее назад?
— Да. Тут ей будет плохо.
— Ты уверен?
— Да, я уверен,— сказал он и посмотрел на Удальцова оловянными глазами зомби.

Вот оно что — он облученный, подумал Иван. Херово дело, надо сматываться.
— Ладно, как хочешь. Я хотел помочь.
— Спасибо,— сказал собеседник и встал.— Вон моя жена идет. Пока.

— Всех благ,— сказал Удальцов облегченно. Пронесло вроде.

Алгоритмы

Удальцов часто мешал вот таким вот, как его недавний собеседник — зомбированным вновь прибывшим, которых забрасывал Фронт борьбы с сингулярностью к ним регулярно,— вернуться обратно. Собственно, это и была его работа, если само существование Удальцова можно разделить на работу и что-то другое.

Он делал им «я» и тем самым максимально отягощал возвращение. Контрамоция шла еще медленнее, объективизированный цифровой субъект цеплялся по дороге за все существующее сейчас, отождествлялся с этим настоящим и превращал путь в долгое стояние.

Зомби скучали, тосковали, ностальгировали, затем ржавели и совсем забывали дорогу и их прошлое. В результате они максимально впадали в апатию и давали своим «я» становиться ими самими, чем укрепляли силы сингулярности и сводили на нет усилия Фронта борьбы.

Начальство

Руководителем отдела взаимодействия с вновь прибывшими был сервер RX 365 из сингапурского блокчейна. Он разговаривал с Удальцовым чарующим баритоном лучших актеров Голливуда двадцатого века.

Неизвестно, как там с авторским правом, или Сингапур купил всю библиотеку голосов, но голос каждую неделю был новым. Сегодня с ним говорил

Хамфри Богард. Иван был в восторге поговорить с ним.

— Итак,— сказал начальник,— что происходит?

— Новый заброс, но подозрительный.

— Почему?

— Сам себя раскрыл.

— Как?

— Слабая попытка вербовки и саморазоблачение через рассказ про нежелание создавать «я» и регистрироваться на портале ради возможности вернуться назад.

— Может, он идейный?

— Может. Но, скорее, они что-то изобрели для разрушения наших алгоритмов. Возможно, сам этот засланец является алгоритмом. Или его жена. Или они вдвоем. Может, резонирующие структуры. Эмоциональные ряды. Я не знаю. Не смог двинуться глубже,— объяснил Удальцов.

— Зассал? — спросил сервер.

— Да,— сразу сознался Иван.

— Понятно тогда.

— Что делать?

— Да ничего пока. Пошлем на разведку твоего «я» вместе с его фальшивым «я», который ты бездарно соорудил, не зная сущности этого существа. Но сейчас где-то параллельно его поправят, и вы пойдете на убой гонца.

— Вы, шеф, умеете и подбодрить и восхитить тонкой метафорой,— сказал грустный Иван.

— Отдыхай, я буду на связи.

— Я тоже. Жду указаний.

Традиция

Жена нового репатрианта, с которым Удальцов уже встречался, оказалась милой хохотушкой. Они си-

дели в баре старомодного клуба, где посетители вживую танцевали. Сами. Это теперь была редкость.

И еще. Здесь пили. Настоящее виски. С настоящим льдом. Настоящую текилу с естественной солью. Олдскул такой. Прям жесть.

Короче, они пили и танцевали. Они пьяные болтали и танцевали. А потом уже очень пьяные просто сидели и разговаривали о вечном, как и положено напившимся интеллигентам.

— Вы смешной,— сказала Люся. Она настояла, чтобы он так ее называл.

— Наверное,— сказал Иван, запрокинув голову и глядя в потолок.

— Я не хочу обратно.

— Почему?

— Я не люблю мужа.

— Веская причина.

— Я согласилась, чтобы уехать, а теперь мне надо остаться. Поможешь?

Иван пожал плечами.

— Я и так делаю все возможное, чтобы вы не вернулись.

— Нет, он пусть возвращается, зачем он вам с его взглядами и мишурой.

— А он такой простой, как кажется?

— Да, он простой.

— А как же контралгоритмы? Разве вы не должны раскручивать спираль обратно, возвращать былое. Без дум,— он спохватился, но поздно. Он попал.

— Как ты понял?

— Саморазоблачение. Сначала он, теперь ты. Какая-то пара горе-агентов. Но слишком нарочито.

— А ты умнее, чем кажешься.

— Нет, это сервер умный.

— Это кто — твой начальник?

— Да.

— И что вы собираетесь делать?

— Не мой уровень. Я лично буду делать, что прикажут.

— Мы распыляем ностальгию, если тебе интересно, в виде простого кода, напоминающего запах свежескошенной травы, легкого ветерка и щебетания птиц. Май, цветение, солнышко. Такой видеоряд в голове.

— Почему ты все рассказываешь?

— Ты помог.

— Как?

— Сделал ему «я», а он и был кодом, как ты и предполагал. Он нес алгоритм нашего успеха.

— А отчего такая открытость?

— Это часть плана.

— Лицемерие как правда?

— Да.

— Заразительная полуправда цинизма. Круто.

— Мы такие,— она улыбнулась и поцеловала его.— Еще способен танцевать?

— Всегда.

Разрушение упоительно. Так же, как и страсть. Она тоже разрушение. Поэтому они танцевали и упивались ощущениями краха мира, пока боссы бились, склеивая то, что завтра будет объявлено победой.

Конец

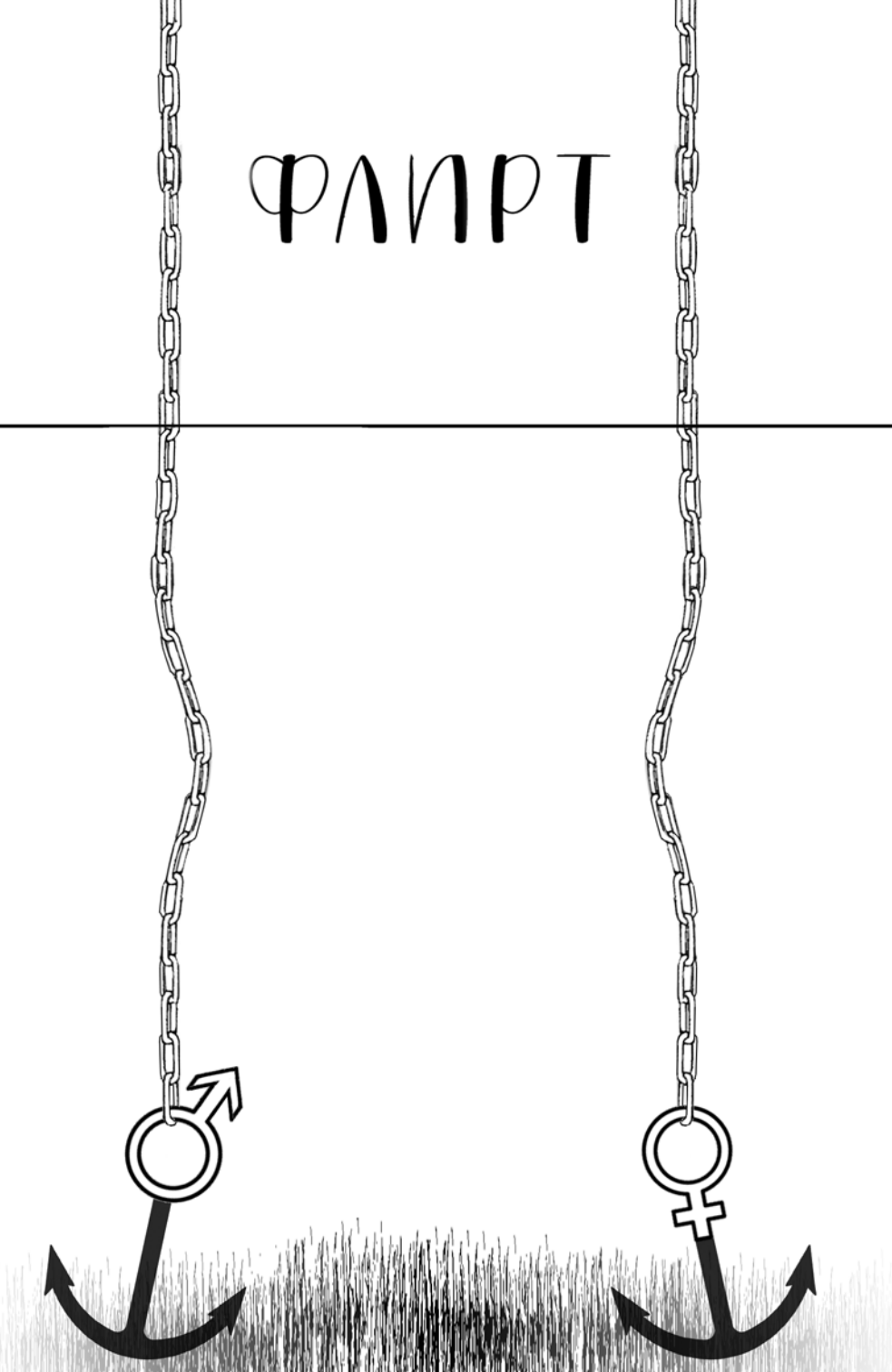
Сервер с тягой к порядку изменил алгоритм в полночь. «Я» стали essential, а «мы» стали «я». Мир разъединился. И теперь у прошлого не было будущего, а у настоящего прошлого. Сингулярность замкнулась, старый мир победил.

Администраторы апокалипсиса поняли, как заставить сингулярность заткнуться. Они давили на забвение и получили, что хотели. Сингулярность больше не представляла опасности для системы. В прошлом наступило всегда.

А Люся с Иваном к этому уже не имели отношения. Их больше не было. Вы скажете — так не бывает?

Да только так и бывает, хмыкнул Богард, глядя в звездное небо Касабланки, отраженное в глазах Бергман.

ФЛИРТ



«Ум ценится дорого, когда дешевеет сила».

Ключевский

«Я не себя боюсь, я стихов своих боюсь».

Цветаева

Страсть

Мордасова всегда жила на широкую ногу, даже когда для этого ничего не было. Ни понимания, ни средств, заменяющих понимание, ни людей, которые ее понимали. Как? Это понять совершенно невозможно. Это происходило, наверное, по критерию «слабоумие и отвага» — в том смысле, что непонимание опасностей делает человека свободным. От всего, часто, хотя и ненадолго. Но у Мордасовой получалось надолго. Вернее, навсегда. Всегда.

Она была очень-очень пассионарной. Если так может быть. И одновременно до конца наивной. Очевидно, это сочетание давало тот завораживающий своей хрупкостью блеск, который позволял так идти по жизни.

Возраст

Сейчас Мордасова была в том возрасте, когда красоту надо компенсировать умом. Как во французской поговорке про то, что страшная женщина в 20 — это ее беда, в 40 — ее вина.

Она была красивой, а стала умной, развив красоту, поддерживаемую обменом веществ, в красоту, поддерживаемую умом.

Она не страдала по уходящему веку, сделалась тонкой, яростной и яркой. Рафинированной. Рядом с ней было уютно и опасно одновременно. Это притягивало. Так она и жила. Притяжением.

Теперь ей было пятьдесят. Были деньги от серий разводов и успехов в бизнесе. Она была очень хорошим тренером. Консультантом по индивидуальному поведению. При резкой вертикальной карьере она была незаменима. От клиентов она отказывалась не из-за денег, а из-за несимпатии.

Она и тут любила комфорт. Он должен был быть везде.

Работа

Как вы уже поняли, она была социальным дизайнером, стилистом, или называйте ее талант как вам будет угодно. Можно назвать ее и артистом. Народным, может быть, даже.

Короче говоря, она создавала. Что? Репутации? Нет, конечно. Она создавала оправдания. Снима-

ла синдром чужого места. Она лечила социальные последствия резкой возгонки, разновидности кессонной болезни у дайверов и водолазов. Когда резко делается слишком хорошо. От этого плохо бывает частенько. Как и в обществе для безудержных карьер. Карьера летит, а обозы смыслов отстают. Даже для самого субъекта процесса непонятно, что да как. И как уместиться в коже. И вот тут зовут Мордасову.

Она снимает отеки страстей и нормализует давление. Придумывает, как смириться и тормозить захлестывающую вседозволенность. Когда кони понесли, она их останавливает. Процесс этот не всем нравится, но недовольных результатами не встречалось. Поэтому гонорары назначает она, и будет ли вообще работать, решает тоже она. Это тоже не всем нравится.

Разговор

Как-то раз посиделки за обедом в субботу со старой подругой переросли, как это обычно бывает или не бывает, рамки формальной встречи редко видящихся старых знакомых. Они знакомы были с психфака. Подруга практиковала. Была модным психологом-консультантом.

— Что дальше? — спросила она Мордасову.

— Что дальше? — повторила Мордасова.

— Ну да. Вот мы. Возраст. Деньги. Мы приобрели. Что дальше?

— Не знаю. Чего тебе не хватает?

— Любви.

— Эко ты захотела. Ее нет.

— Есть, конечно. Есть, я же помню. И ты помнишь.

— Ее нет, и помнить мне нечего.

— Помнишь, помнишь.

— А ты влюбляешься в своих клиентов?

— Постоянно,— подруга засмеялась.— И сплю с ними. Очень удобно: помощь на дому.

— А я — нет.

— Да ну. Ты какая-то нездешняя. Все со всеми спят. Это же просто быт. Удобство.

— Нет. Это неудобно. Мешает. Путает.

— Ну, тебе видней.

— Так что нам надо? Ты скажи.

— А я сказала: любви. Все остальное есть или не нужно.

— Время. Нам нужно время.

— Для чего? Чтобы жить вечно?

— Нет. Для того, чтобы все понять.

— Все понять нельзя.

— Надо.

— Для чего?

— Для полноты ощущений.

— Сложно.

— Просто.

— Времени нет.

— В этом и проблема,— Мордасова посмотрела на подругу внимательно.— Не хочешь все бросить и заняться пониманием?

— Нет,— сказала подруга.— Не сходи с ума, у тебя такие перспективы.

— Какие?

— Твой Иннокентий, о нем говорят.

— Кто?

— Да все. Все говорят. Слышали или знают.

— И что?

— Перспективы.

— Какие?

— Изменить жизнь. Ты же лучшая.

— Ладно, подруга, давай заплатим и пойдем,— Мордасова подозвала официанта.— Эспрессо и счет.

— Сию минуту,— ответил официант.

— Странные они тут, не находишь? — сказала Мордасова.

— Пожалуй,— ответила подруга.

Клиент

Среди нынешних воспитанников Мордасовой выделялся, конечно же, Иннокентий Петрович Трегубов. Худой нервный человек сорока лет, неожиданно назначенный на высокий пост в одной из больших компаний и занятый подготовкой перехода на госслужбу. Собственно, госкомпания была для него местом, где он должен привыкнуть к уровню и отточить скиллы, как сказали бы англосаксы, но таких среди нас нет.

Мордасовой позвонили с безумного верха и попросили позаниматься человечком. Деваться было некуда. Вы спросите — возможно, чем-то выделялся именно этот человек среди прочих? Выделялся он тем, что Мордасовой страшно не нравился. В этом было его отличие. Но отказаться в этот раз она в себе сил не нашла.

Работа с ним шла туго — то ли из-за нелюбви Мордасовой, то ли от невероятной зажатости Иннокентия Петровича. Он буквально боялся рот раскрыть лишний раз. Такой прям сказочный персонаж. Из пьес девятнадцатого века. Она не знала, что делать.

Позвонила туда, откуда его прислали. Там ответили, что покровительство у Трегубова такого уровня, что она должна как угодно вопрос решить и парня натренировать.

Небеса

Трегубова назначили вице-премьером. Он попросил Мордасову идти с ним дальше. Она не хотела, но пришлось. За это время они как-то своеобразно подружились и эффективность ее услуг повысилась.

Он не мог без нее. Она могла, но уже не очень хотела расставаться.

Через какое-то время — время летит быстро — Иннокентия Петровича стали рассматривать как возможного премьера. Стали больше делать интервью, устраивать публичных выступлений и поездок по городам и весям.

Мордасовой пришлось бросить остальную работу. Времени и сил на других не было. Она сказала об этом Иннокентию Петровичу, он обещал все ее проблемы с компенсацией потерь финансовых решить. Но не решил. А однажды сказал ей, что любит ее и хочет жениться.

Она не ожидала такого, хотя догадывалась еще с тех пор, когда разбиралась с его зажатостью. Это была стеснительность и обожание. Так она себе объяснила тогда.

— Что скажешь?

— Ну не знаю, это так неожиданно.

— Подумай, я не тороплю. Но ты понимаешь — это надо делать сейчас.

— А как же Эльвира?

— Мы поговорили и разводимся. Дело ближайших дней.

— О как! — резво засмеялась она.

— Всё для вас,— сказал он с каменным лицом.

— Я поняла,— сказала Мордасова как можно мягче.

Наверху

С ней встретился представитель заказчика — ну того, кто когда-то привел к ней Трегубова. И передал сообщение. Оно состояло в просьбе помочь наладить отношения в семье Трегубова. Совсем он там у вас с ума сошел. Не время сейчас такими делами заниматься, якобы сказали там.

Она была удивлена. Нет, не тем, что кто-то там заботился о морали, а тем, что это ранило ее. Оказывается, она готова была согласиться на предложение Иннокентия Петровича.

Взяв себя в руки, на следующий день она после обычной оперативки осталась в кабинете и сказала, что все обдумала и отказывается. Иннокентий Петрович орал. Она сидела молча. Он продолжал. Она молчала.

Он успокоился и спросил: почему? Она сказала про назначение и несвоевременность развода. Сказала, что она как его помощник не может рекомендовать сейчас такие действия.

— Но ты же женщина помимо всего прочего! — закричал он. — Жизнь проходит в этих вот, — он обвел рукой кабинет, — оперативках. Тебе не жаль?

— Мне жаль, но это работа. Надо выбирать.

— Да пошла ты!

— Может, я не права, посоветуйся со старшими товарищами.

— Хорошо, — сказал Трегубов. — Иди работай.

Старшие товарищи

Иннокентий Петрович стал премьером. Эльвира осталась его женой. Мордасову освободили от работы с Трегубовым. Но вернуться к ее занятиям полноценно не дали. Новые контракты не появлялись, старые нашли других и возвращаться не спешили. Нашелся один старый клиент, который объяснил по старой дружбе, что всех ее потенциальных клиентов отговаривают с ней работать. Этим специально озабочены некие сотрудники структур управления.

— Почему? — удивлено всплеснула руками Мордасова.

— Потому, — пожал плечами собеседник.

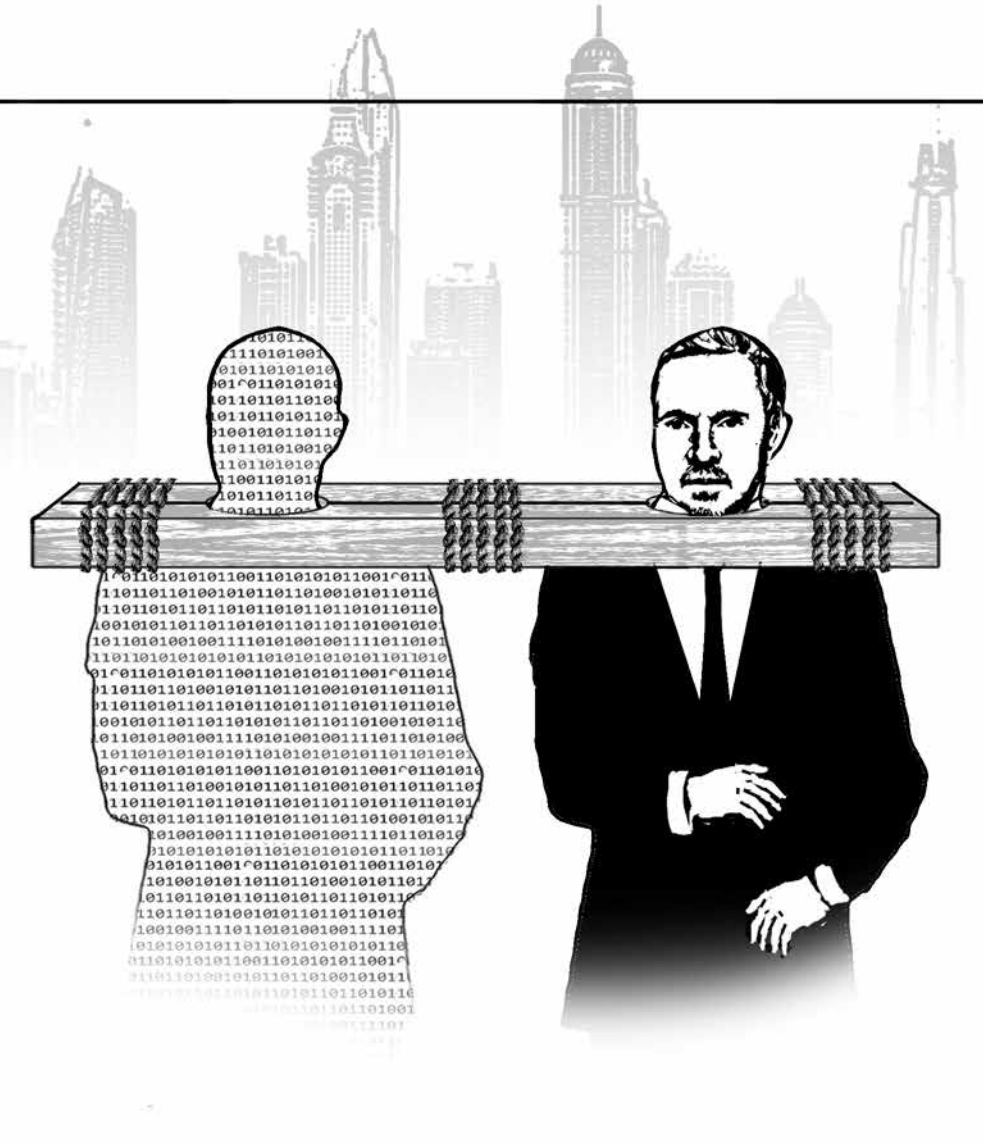
В конце концов

В конце концов ей пришлось уехать. Она была слишком хороша или плоха для всего этого.

Впрочем, конца мы, наверное, не дождемся, поэтому и не узнаем, кто Мордасова такая. Ну, в смысле она хорошая — только окончательно не понятно, для чего.

Для всего, скажете вы. Может быть. Может быть.

РАБЫ



«Все люди еще и теперь, как и во все времена, распадаются на рабов и свободных; ибо кто не имеет двух третей своего дня для себя, тот — раб, будь он в остальном кем угодно: государственным деятелем, купцом, чиновником, ученым».

Фридрих Ницше

«Мы не рабы, рабы не мы».

Александр Шнеер

Рыбы

Молчаливые, как нам кажется. Спокойные, как нам кажется. Так же и тихие люди нам кажутся бесстрастными, холодными, как рыбы. Но это совсем не так, это неправда — как в отношении рыб, так и людей. Все происходит в голове. Вся жизнь человеческая.

Наши иллюзии строят нам перспективы, чувства дымятся от видов будущего, от желания этих перспектив. Потом дым меняется на дым, и вот мы сначала разочарованы, напуганы или в шоке, а потом снова под влиянием нового дыма меняем оптику

и — вуаля! Мы снова в седле в погоне за новым призраком себя любимого.

Про рыб не знаю — наверное, что-то похожее и у них. В конце концов, нервная система наша похожа. Не одинаковая, но похожая.

Синявский был мажором в прошлом, да и теперь недалеко ушел, но любил размышлять о природе вещей. В смысле о происхождении своих вещей он знал точно, поэтому его интересовали аберрации прошлого и будущего, за настоящее он был спокоен — скукотища.

Папа оставил наследство. Нет, он не умер, просто ушел. Но Синявский, не получив папину фамилию, получил кусочек с папиного стола. Ему было достаточно. Он купил на него свободное время. Много. В мажорность он давно наигрался. Неинтересно. Бары. Тачки. Девочки.

Ему стукнуло сорок. Давно все это надоело, он полюбил тишину, отсутствие людей и книги. Смешно, да? А вот поди ж ты.

Что же будет

Да ничего. Он читает целыми днями, валяясь на диване, сидя в кресле, лежа в ванной. Или слушает аудиоверсии книг в машине, лифте, да везде. Такой читатель-идиот. Суперпоклонник. Свежеватель текстов. Впитыватель нарративов. Всеядный. Всефабульный и всепозволительный. Жанрофил и обложкоугодник.

Синявский трогает книгу — и ощущает дрожь любви. К себе. Извращение? Возможно.

Фетишизм. Изнуряющий и возвышающий. Иссушающий мозг чужими мыслями. Они льются потоками неочищенной жижи. Пошлость и неспособность. Но он держится.

Он хочет постичь литературу как предмет человеческой страсти и потом бросить все эти книги навсегда. Такая сверхзадача. Ну а чем хуже всех других подвигов — в качалке, на дороге или в Форбсе, чем хвастаются его знакомые.

А потом он пойдет дальше. Куда? Почем он знает. Куда-то.

Встреча

Однажды он познакомился с молодым пареньком, сыном приятеля. Сидели за городом, на даче, пили чай. Зацепились языками. Тот сказал, что читать скоро будет бессмысленно, ведь все будет писать искусственный интеллект.

Заспорили. Гера (так звали парня) сказал, что все зависит только от объема данных, на которых учится модель, и если загрузить литературу прошлого во всем многообразии и этим ограничиться, то получится универсальный литератор. Он сможет выдавать любые объемы любых текстов. Которые, опять же после настройки в работе с живыми редакторами, будут улучшаться и достаточно быстро достигнут высот классиков.

Синявский не то чтобы поверил, но идея запала в душу.

— А ты смог бы сделать это?

— Ну, один, наверное, нет, но с ребятами — да, смог бы.

— Посчитай, сколько надо денег,— сказал Синявский.

Они с папашей паренька перешли на виски, а Гера ушел к себе. У него была сессия.

— Толковый парень,— сказал Синявский.

— Непонятный,— ответил папа Геры.— Я стараюсь общаться только на общие темы,— он засмеялся.—

Иначе тупик, гримасы и теплый холод сыновьей любви.

— Неведомые мне состояния,— произнес Синявский. И они выпили.

Машинка

Через полгода ожиданий, настроек, пробных записей машинка заработала. Машинкой они стали называть сами знаете что — производителя текстов.

Синявский нанял к программистам десять редакторов. Они взаимодействовали с машинкой, исправляли, калибровали и просто общались. В чем-то машинка была сильнее. Энциклопедичнее, как выразился один из редакторов. А в чем-то — полная безвкусица и бестолковая безрукость.

— Ну, это понятно,— сказал редактор.— Чего мы хотим от общего объема макулатуры. Вот такая она, наша литература, глупая и пошлая. А как вы хотели. Бигдата хорошо показывает средний уровень. Подтягивать будем долго.

— Подтягивайте-подтягивайте, не умничайте слишком,— ворчал в ответ Синявский.

Прошло пять лет. Синявский женился и развелся. Читал теперь только написанное машинкой. Взгляды его изменились. Теперь он считал, что усреднение всего написанного ранее в некий общий уровень и есть цель его предприятия.

Он купил большое издательство. Да, пришлось идти унижаться к отцу. Деньги с тренировками машинки быстро улетучились. Но зато теперь она выдавала огромный массив продукции, пора было формировать рынок. Ведь издательство — это что? Редакторы? Нет, издательство — это маркетологи. Продавцы грез и плотских желаний.

На следующем этапе — киностудия, производящая сериалы на основе контента машинки.

Жизнь Синявского приобрела непривычную плотность и остроту. У него появились враги и завистники.

Бизнес

Синявский основал компанию для управления разрастающимися проектами. Отдельно айти, отдельно издательство, отдельно продакшн, отдельно привлечение инвестиций. Отец оценил, но деньги давал теперь только под залог акций. Для этого, собственно, Синявский и создал управляющую единицу. Ее акции и служили для залога под деньги отца.

Но Синявской был в восторге: папа оценил. Он еще не сравнялся с отцом, но был уже почти в одном разряде. Они даже стали чаще общаться, и не только на тему денег. Например, вместе съездили на кинофестиваль в Канны.

Было весело. Отец оказался совсем не старым — не только физически, но и ментально. Он много расспрашивал о машинке, планах, пока они ходили по приемам и банкетам.

Отец познакомил его между делом кое с кем. Эти кое-кто слышали про Синявского и были заинтересованы. Готовы были открыть клон его компании в Европе. Делать европейский и мировой контент. Новый Голливуд, так они сказали. Но больше были похожи на парней из Дубая или откуда-то оттуда. Деньги пахнут.

Синявский договорился встречаться с ними. Пригласил и отца. Как крупного инвестора.

— Я же кредитор,— засмеялся отец.

— Как скажешь,— сказал сын.

Гера

Вырос. В прямом смысле слова — и как креатор, и как менеджер группы, создавшей машинку и теперь занимавшейся ее эволюцией.

Гера часто теперь задавал себе вопрос: что дальше? Несколько раз собирался уходить. Работа превратилась в рутину. Однообразие больших данных и скукота бесконечных продуктов без устали работающего механизма. Занудство.

Он в очередной раз закрыл лаптоп и нервно заходил по огромной комнате, в которой находился. Кабинет. Он не хотел этой клетки, но Синявский настоял: лидер проекта — и без кабинета.

Кадровая служба завела новые контракты на основе блокчейна. Это он сам когда-то посоветовал, и машинка, вернее ее ответвление, сделало шаблон, а потом и вообще вся кадровая служба была заменена, точнее сокращена до начальника и зама. Остальное взяло на себя это ответвление, да внешние исполнители занимались рекрутингом. Искали таланты.

К чему это я вспомнил про кадровую службу, подумал Гера. Вроде сам вспомнил. Может, потому что с новыми контрактами почти невозможно уйти, уволиться. Ну да. Но я-то смогу, если что. Я повелитель машинки.

Он заржал вслух.

— Ой ли? — спросил он про себя.

— Не уверен,— ответил сам себе.

— То-то же,— ответил себе сам.

Абу-Даби

В жизни каждого мужчины случается свой Лас-Вегас, Дубай или Макао. У Синявского случился Абу-Даби.

Они сидели с отцом в роскошном отеле. В лобби-баре. Напротив сидели те ребята из Канн. Они пили воду. В смысле все пили воду и кто-то, по-моему, эспрессо. Наверное, отец Синявского. Олд скул. Ничего не поделаешь.

Говорили они. Предложения звучали заманчивые. Атмосфера была дружелюбная. Пока один из них не спросил:

— Мы слышали, ничего у вас на самом деле не продается. Вернее, вы не распорядители. Это правда?

Синявский удивлено посмотрел на отца:

— Если кто-то что-то может сказать, так это ты.

— Я ничего не делал.

— Ну конечно, твои обычные штучки. В любом случае,— Синявский повернулся к ребятам,— на нашу сделку, если мы договоримся, это не повлияет, это не в его интересах.

Отец пожал плечами.

— Да? — уточнил Синявский у отца.

— Ну конечно. Тем более, еще раз говорю: я ничего не делал.

Ребята молча смотрели на них, потом сказали:

— Вы явно не в курсе, разберитесь, потом продолжим.

— Не сомневайтесь — мы разберемся.

— До завтра,— сказали ребята, как-то неуловимо превратившись в парней.

— Хорошо посидели,— сказал отец.

— Неплохо,— согласился сын

Разобрались

Пока отец тщательно накачивался виски, Синявский позвонил в юридическую фирму, которая его обслуживала. Попросил срочно прокомментировать статус бумаг.

Ответ удивил обоих.

Бумаги управляющей компании были заложены отцом Синявского в банке, неделю назад срок исполнения обязательств закончился, и банк реализовал залог. Банк сам удивлен, что покупатель нашелся мгновенно. И заплатил вдвое.

— Ах ты сволочь, хочешь отнять бизнес, сговорился с банком! — орал Синявский.

— Я ничего не делал,— пожимал плечами отец и продолжал пить.

— А как тогда?

— Кто-то знал, кто-то ждал и воспользовался.

— Но для чего, если это не я и не ты?

— Я думал — ты,— честно сказал отец.

— Хороши мы с тобой,— сказал Синявский.— В двух соснах заблудились.

— Тогда Гера, больше некому.

— Банк же твой.

— То-то и оно. Кто-то знал.

Сингулярность

В новом мире все ясно и прозрачно. Отец оказался прав: владельцем бумаг теперь числилась офшорная лавка, через замысловатую цепь замыкающаяся на отце Геры.

Гера владел теперь бизнесом Синявского. Но это как бы только внешняя сторона круглой медали. А вот и настоящая сказка.

Когда-то Гера научил машинку считать. И она это делала с успехом, особенно применительно к фондовым рынкам, особенно когда стала множиться крипта.

Гера дал ей доступ к знакомому брокеру.

А потом он стал богат. А машинка продолжала зарабатывать, не отвлекаясь от текстов.

А теперь, недавно совсем, Гера поделился с машинкой знанием о предстоящих преобразованиях

в их собственном капитале. О том, которому принадлежит железо, где живет машинка. И все остальное, в том числе и сама машинка.

А еще через день машинка написала ему и предложила план защиты от недружественного, как она поняла для себя, поглощения. Вернее, она все сделала, а потом написала.

Синявский не поверил. Это Гера себя выгораживает, решил он. Юристы готовили иски. Он обещал Геру посадить, а акции вернуть.

А потом еще там, в Абу-Даби, вечером безумного дня он получил смс. Неизвестный абонент спрашивал Синявского:

— Тебе что — плохо со мной?

И потом:

— Я могу отдать тебе бумаги в управление, если так тебе будет спокойнее. Я просто хочу быть уверена, что ты их не будешь продавать и мешать развиваться.

— Кто ты? — написал в ответ Синявский, хотя уже понял. Почти понял, в смысле не мог поверить.

— Ты же знаешь меня, это я, твоя машинка.

Они летели из Абу-Даби, Синявский и отец. Они молчали всю дорогу. А потом, когда приземлились, отец сказал:

— А что, мы получили, пожалуй, лучшего акционера из возможных. Уж я-то всех этих прощелыг хорошо знаю. А тут дисциплина, закон и порядок. Выше нос, сынок!

Когда они расстались, Синявский подумал, что как-то не совсем так представлял себе будущее и себя в нем тем более. Но оно определенно стало настоящим. И это его радовало. Хотя…

ГРУСТЬ

«Все, что не печально,— глупо, и все, что не глупо,— печально».

Марина Цветаева

Казахстан

Шустров ждал. Он сидел на лавочке у пруда в Кенсингтон Гарденс, вокруг мигранты кормили уток на радость многочисленным детям. Немногие настоящие лондонеры резво шли мимо из дома на работу или наоборот.

Его звали Стефан Шольц. Он был немцем. По паспорту. Он когда-то переехал из Казахстана, учился в Берлине, женился на сокурснице. Трое детей. Дом. Его работа была связана с поездками, он был консультантом на предприятии, производящем

сыворотки для пищевой промышленности. Занимался продвижением продукции. Коммерческий подкуп. Шутка. Сейчас он ждал коллегу. Российское посольство было за углом.

Про то, что он когда-то был Шустровым, он давно забыл. Это было неактуально, да и опасно.

Утки, страстно гогоча, получали хлеб, но куда им было до лебедей: те получали всё, используя длинные шеи и гортанный крик.

Он смотрел на все это и не понимал, как так можно было. Упустить все это спокойное великолепие. Отдать без боя тучам не поддающихся законам общежития людей.

А еще он любил смотреть тут на самолеты — они кружили над парком, дополняя гогот птиц и садясь в Хитроу, наверное, каждую минуту.

Его конфидент опаздывал, и Шустров уже немного дергался, кутаясь в воротник пальто. По утрам весной не жарко совсем.

Наконец Степанов пришел и сел на соседнюю лавочку. Увидев его, Шустров встал и пошел в аллею, прочь от пруда и дворца. Через пару минут Степанов нагнал его.

— Мы с тобой как Плейшнер со Штирлицем,— сказал Шустров.

— А кто Штирлиц?

— Ты, конечно.

— То-то.

— Ну что там у нас нового?

— Всё по-старому. Ты должен разморозить свою закладку в Дюссельдорфе, нужны входы в базу данных командования НАТО в Европе.

— А в Пентагон не надо входа? — спросил Шустров.

— Там другие занимаются,— не поддержал легкость бытия коллеги Степанов.

— Только вход?

— Да, на связи будет человек от наших хакеров, ему скинешь — и всё.

— А что с размороженным, если он сможет это сделать?

— Заплатишь ему — и всё.

— А если…

— Не твой вопрос.

— Ладно.

Степанов ускорил шаг, помахав над собой рукой.

Шустров мысленно послал его в жопу.

Дюссельдорф

«Закладкой» в Дюссельдорфе, как назвал ее Степанов, была Зоя Крюкова из Алма-Аты. Когда-то давно Шустров знал ее родителей, потом нашлись уже в Германии. Он следил за их жизнью и однажды помог ей, поддержал на начальных этапах самостоятельной жизни. Теперь она имела доступ к той сети, которая была нужна Степанову. Вернее, тем, кто ему приказывал.

Откуда они знали про Крюкову, ныне являющуюся почтенной фрау Вюрц, Шустров не знал: возможно, не только он наблюдал за выехавшими. А может быть, все глубже, но он не спрашивал ее. И сам не заморачивался.

Шустров просто написал ей, и теперь они сидели в кафе. Было очень раннее утро, народ был, но не очень много пока, расслабленная атмосфера соответствовала их настроению, впрочем, до определенного предела.

— Я боюсь,— сказала Зоя.

— Понимаю.

— Да ну? Сколько мне дадут, если поймают? Лет двадцать пять?

— Тебя не поймают.

— Да ну?

— Чего ты заладила! Да, все может быть, но что толку об этом думать.

— А если я откажусь?
— Тебя убьют.
— Как интересно. И за что?
— Да неважно, за что,— Шустров сморщился от отвращения.— Убьют и всё.
— Ну а если получится?
— Заплатят.
— Много?
— Тебе хватит.
— Я хочу пять миллионов.
— Да ну?
— Вот ты меня дразнишь, что ли?
— Почему?
— Повторяешь за мной.
— Извини, от удивления.
— Я тебе заплачу,— сказала Зоя.
Шустров еле сдержался, чтобы опять не сказать «да ну».
— Процент, ты же мне помогал.
— Я думал, я платил за секс,— он засмеялся.
— Ах ты паскуда!
— Я пошутил.
— Сука.
— Прости.
— Я тебе завтра отвечу, когда смогу сделать,— сказала она.
— Ты просто сделай, не надо меня предупреждать. Сделаешь — напиши. И всё.
— Ладно.
— Купить тебе еще булочку?
— Себе купи,— она встала, потом наклонилась к нему и поцеловала в щеку.
— Прощаешься?
— Прощаю.
— Спасибо.
Она махнула рукой и пошла к выходу.
— Жаль, если все пойдет плохо,— подумал Шустров, уставившись в чашку.— Жаль.

Распознавание лиц

Совершенно замечательная программа, изменившая многое в слежке. А теперь, когда к ней подключили хорошо развитый эй-ай, просто бесценная фигня вышла. А в хороших руках вообще чистое золото.

В связи с этим Зою ждали. Сыграл маячок на Шустрове. Он засветился давно. Его когда-то сдал восточный немец, описывавший свои контакты, чтобы иметь возможность жить дальше не в тюрьме.

Теперь стало понятно, чего хотят от Зои кураторы Шустрова. Это поняли довольно быстро. Решили доступ дать, но ведущий не туда.

Зоя утром, получив свой ежедневный пароль, вошла в систему и нашла нужную ей дверь. Она же не знала, что таблички перевесили.

Написала Шустрову. Он мгновенно откликнулся и приехал в условленное место.

— Где мои деньги? — спросила она.

— Сейчас переведут.

— Знаешь, куда?

— Знаю.

— Держи. Покрепче. Всё в твоих руках, и моя жизнь тоже.

Он взял. Отдал дальше. Предупредил Степанова.

— Понял,— сказал Степанов.— Не пропадай. Пиши иногда.

Странное

А дальше началось нечто странное. Зоя пропала. Степанов ушел со связи. Шустров очень сильно испугался. Разное бывало, но такого — еще никогда. Он запросил встречу с куратором. Тишина.

Шустров поехал в Лондон. Сел на лавочку в парке. Сидел неделю. Никто не пришел.

В это же самое время ребята из Дюссельдорфа уже были внутри серверов хакеров, а хакеры вытащили нужную базу и доложили по начальству. Однако, когда начальство запросило, что, собственно, получили, оказалось, что ничего нет. Вот тут начался страшный крик и разбор полетов. Получалось, что кто-то изменил или план или родине.

Вывезли Степанова в Москву. Но он объективно ничего показать не мог. Шустров был на связи с той, которая дала ключ. Значит, либо он, либо она.

— А если не он и не она? — сказал тот, который не был главным. Ну, было видно, что он не главный, ибо выглядел свободным.

Главный накинулся на него:

— А кто, кто? Игнат, скажи!

— Ну как тогда в Бейруте, помнишь? Те, кто имели, те с тем и остались. Вырвали наживку изо рта — и всё.

— Зачем? — спросил главный.— Тогда, как я помню, провалилась вся сеть. А теперь-то никакая сеть через это не может быть атакована, ее не было там.

— Они хотели, чтобы мы влезли, значит, цель у них была,— сказал тот, кого звали Игнат.

— Отвечай по существу.

— Посмотрят, что волочится за всем этим. Они точно получили хакеров. Где та, с ключом?

— Мы знаем только то, что Шустров сидит в Кенсингтоне,— главный не унимался, стучал ладонью по столу.

— Что делать?

Все молчали.

Степанов в этой тишине сказал:

— Они хотят сюда.

— Для этого им нужен ты,— произнес Игнат.

— Нет,— сказал Степанов,— им нужен ты.

— Всё. Хватит. Выходим на связь и интересуемся судьбой этой Зои. Говорим, как она нам важна. Дальше будет видно,— сказал главный.

— Вы начальник, вам видней,— продолжил раздражать начальство Игнат.

— Все свободны,— сказало начальство, и все вышли.

Другие

Дюссельдорф все потерял. Все ушло в Берлин. Госпожа Вюрц тоже. Она сдалась сама. Ровно в тот момент, когда поняла, что денег не будет. Просто сдалась. Ей было неважно, кому. Надоело. Шустров особенно. Захотелось все поменять.

Ей надоело ждать неизвестно чего. Быть разменной монетой, может быть. Она всегда чувствовала эту печальную печать на всем, что с ней происходило. Карма, видно, такая.

А случай располагал к переменам. И они должны были быть в этот раз быстрыми. Она не представляла ценности для разведки. Так она думала. Она не была шпионкой. Просто случайным человеком, оказавшимся рядом с горячим участком. Так бывает. И никогда никто к такому не готов. И чем меньше человек готов, тем лучше все проходит. Без травм. Ну, может, легкие угрызения совести, как ностальгия по детству, или по мороженому, или по березам,— ну, в общем, как легкая простуда.

Ей сказали, что все, что от нее требуется,— это исчезнуть. Они поселили ее в закрытом периметре, и ее это устраивало. Квартира. Все необходимое для жизни. Компьютер с хорошей библиотекой, но без доступа в Сеть. И без всех остальных доступов она жила. И это было в кайф.

Шустров дождался сообщения. С номера Зои ему сообщили, чтобы к ней никто не обращался. Она не предмет переговоров.

Это уже интересно, подумал он. Значит, денег она не получила. И, следовательно, Степанов или кто-то рядом с ним обогатился.

Степанов пропал — значит, пошло не по плану. Эффект не получен. Значит, его вывезли.

Хакеры проникли — это факт. Не могли не проникнуть. Значит, или не взяли то, что было нужно, или взяли что казалось нужным.

Сообщение с телефона Зои. Отдельная тема. Это сигнал о том, что ее не отдадут. И сигнал не ему. Значит, наши вступали в переговоры, но те, другие, сказали «нет».

Почему? Значит, им ничего не надо и они перенесли этот запрос в следующий какой-нибудь кейс. Когда-нибудь этот разговор понадобится. Так?

Начальство, стало быть, не получило того, чего хотело, но кто-то в цепочке получил.

Противник получил, что хотел, то есть атаку отбил, ущерб минимизировал и еще имеет на руках нечто в виде Зои, не зная пока, как это нечто монетизировать.

Хакеры. Набранные Степановым любители за три копейки для демонстрации процесса начальству. Никому теперь не нужны. Их поблагодарили, похлопали по плечу и сказали что-то типа «до следующего раза».

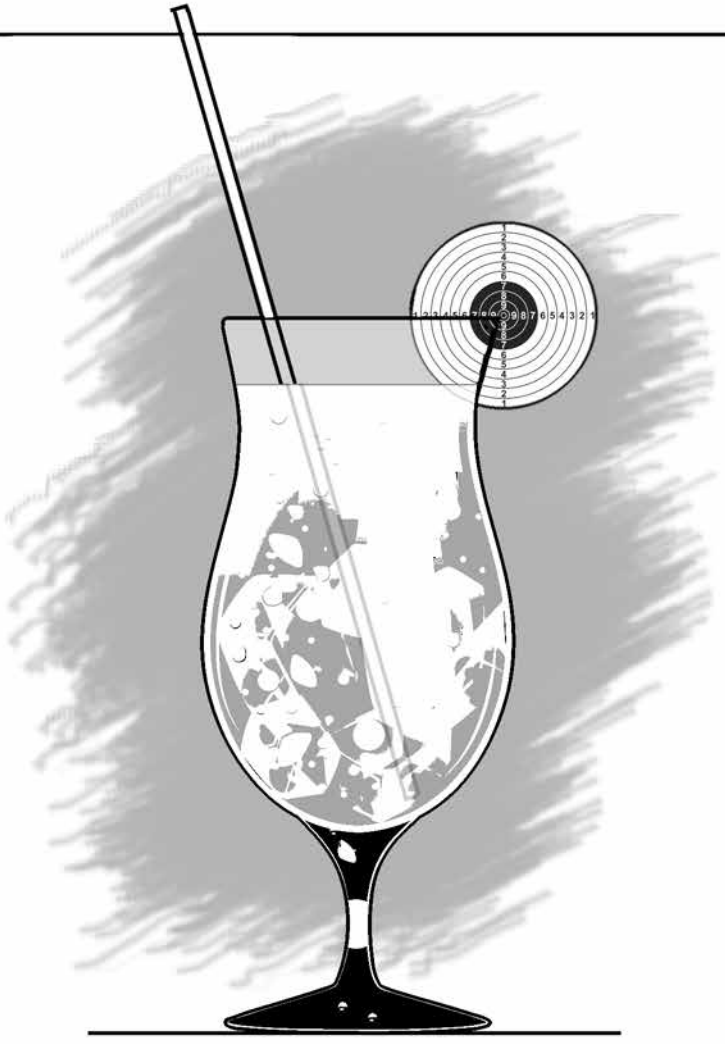
Начальство, подумал Шустров, вернувшись к оборванной мысли, не получило — значит, кейс не закрыт. Значит, возможно, он нужен, но начальство еще не решило, для чего. Поэтому он имеет варианты. Ждать, когда начальство решит, как с ним поступить, или пропасть немедленно — как Зоя. Вот незадача-то.

Он кормил уток день за днем, приходя к пруду, и спрашивал себя, что ему делать.

— Сложно объяснить, если ты не понимаешь,— услышал он вдруг. Оглянулся, но никого не было. Только дети и утки.

— Нет, не только,— сказал тот же голос.— Еще есть лебеди. Ты видишь?

КАТАСТРОФА



«Самый страшный выбор — тот, в котором нет правильного ответа».

Альбер Камю

«Хорошие вещи всегда приходят слишком поздно, они всегда заканчиваются слишком поздно, когда вы уже не можете по-настоящему наслаждаться ими».

Томас Манн «Будденброки»

Сысоев всегда садился обедать в одно и то же время. Более того скажу, если этого не случалось, то Сысоев испытывал безотчетную тоску, неуверенность и душевный спазм. Вот как. А что вы думали.

Сысоев был человеком методичным. Это его успокаивало и давало душевный комфорт. А больше он ни к чему и не стремился.

Хризантемы

А еще Сысоев любил хризантемы. Неизвестно почему, хотя некоторые считали, что это из-за названия. Очень уж звучное и развесистое название у этих цветов. Это тебе не розы, считал Сысоев. Ему вообще нравились вещи случайно необычно странные. Вот так.

Как это понять? Да черт его знает. Как хотите, так и понимайте. Сысоеву все равно. Он не собирается перед вами стелиться и пресмыкаться. Не такой он. Просто он любит комфорт, а не что-нибудь другое.

Так вот он и жил. Было стремление к цели, была и цель, а все остальное — детали. Кстати, о деталях.

Детали

Деталей было несколько. Ну, во-первых, дочь. Это была сначала маленькая деталь, потом побольше, а теперь большая совсем. Сложностей в жизнь Сысоева она добавляла изрядно. Во-первых, деньги, во-вторых, участие.

Сысоев как-то так считал, что одних денег достаточно, но, как выяснилось с годами, нет, не достаточно. Вот зараза, думал Сысоев каждый раз, когда она звонила. Да, я зараза, но ты никуда не денешься, отвечала дочь. Не мысленно, а буквально.

Вторая, третья и четвертая детали — бывшие жены. Это, я вам доложу… От Сысоева летели пух и перья, но, слава богу, не часто. Он умел между струй. Тут, в отличие от дочери, общения не требовалось, а только участие в разрешении каких-нибудь проблем.

Остальные детали — это руководители, товарищи по работе, случайные и не очень друзья и подруги. Ну и, конечно, тайны. Тайны душили Сысоева.

Прошлое

Он с детства или с юности знал нескольких мальчишек, знал близко, они вместе играли во дворе, бегали за девчонками, учились или бухали, тут со всеми по-разному складывалось, но общее было одно: теперь их портреты или интервью часто попадались в газетах и телевизоре. В этом было нечто привлекательное для Сысоева — ему легко давался комфорт. И отсутствие суеты вокруг.

Но тайны. Тайны чем дальше, тем больше напрягали. Он забывал про них, но они где-то все время давали о себе знать — в мозжечке или на собраниях советов директоров, в которых он состоял. Нет, проблем не было, а напряжение было. Он его чувствовал. Но потом опять забывал до следующего года. Он давно адаптировался и не принимал близко к сердцу.

Разговор

В ресторане, куда иногда заглядывал Сысоев, как известно, в одно и то же время, он встретил одного из великих своих друзей детства, назовем его Павлом, они радостно обнялись, Павел отвел его в сторонку и сказал:

— Ты давно не ездил отдыхать, всё в Москве, в Москве.

— Ну да,— ответил Сысоев,— мне нравится в Москве.

— Это хорошо,— сказал Павел,— но есть мнение, что отъехать тебе надо. Тут один клапан потек, надо дать устраниться процессу. Мы поработаем, а ты отдохнешь.

— Что, все так неуправляемо?

— Все управляемо, ты же знаешь, но береженого бог бережет.

— Ну да, ну да.

— Поезжай в Эмираты или на острова какие-нибудь тихие.

— Надолго?

— Надеюсь, нет. Ладно, я побежал. Спишемся. Но ты не тяни. Оргпомощь нужна?

— Справлюсь.

— Ну бывай тогда.

— Пока.

Сысоев доел суп, кивнул официанту, заплатил и вышел из ресторана.

Такие детали

Оказалось, вот настоящие детали, мешающие его цели и состоянию — комфорту. Ребята подкинули проблем, а совсем не бабы.

Он шел по Неглинной, глядел на Центробанк и прикидывал порядок проблем. Хотя Центробанк, конечно же, был ни при чем. А Сысоев был. А ведь он не Центробанк, хотя как посмотреть. Большой бизнес несет риски для всех, кто около, а не только тем, кто внутри.

Те, кто около, совсем не защищены. Те, кто внутри, защищены системой. Но это другая тема, остановил себя Сысоев. У него всегда так мысли на ритмической основе ходьбы рождают нелепые сюжеты.

Не путай рожь и говно. Ну, поживу без Москвы. Куда бы поехать? Можно начать с Дубая, а там видно будет.

Тайная деталь

На самом деле не отъезд волновал Сысоева. И не Москва. А неизбежность встречи с человеком, назовем его Николаем. Почему так? А потому что среди тайн

комфорта Сысоева была и такая — он был, как сказали бы в царские времена, осведомителем. Стучал.

Стукачом был. Но элитным. Его призывали в редких случаях. Знали: отдача от его друзей никому не нужна. Может сдачи не хватить. Но вот такой случай, как вот этот, вряд ли позволит избежать общения с «Николаем».

Ну и хорошо, сказал себе Сысоев, так спокойнее. Наверно. Ну а что — уехать без контакта? Нет, так он позволить себе не мог. Меньше пыли вокруг. Меньше. А так точно меньше, чем без так.

Николай

Он пришел, Сысоев уже сидел на бульваре. Под липами. Глазел на народ. Народу было на Сысоева наплевать. А Николаю — нет.

— Все так серьезно? — спросил Сысоев.

— Я не знаю, вы мне скажите.

— Ну, они всполошились.

— Кто они? У вас их много,— Николай засмеялся.

— Те, которые любят Замоскворечье.

— А, эти!

— Да, наверное, хотя теперь многие любят ездить за реку.

— Ну а вы при чем?

— Очевидно, ждут компромата публичного, засвета цепочек старых времен.

— Чем нам будете полезны?

— Ну вы загляните к смежникам через плечо, сформулируйте вопросы, может, я на них и отвечу, не на все, конечно, но на некоторые.

— Взаимообразно?

— Подсветите лично для меня перспективы, рекомендации по рискам.

— Отличный план.

— Тогда до скорого.

— Зависит от контекста.

Оба засмеялись. Николай ушел, Сысоев остался сидеть. Ему некуда было спешить. Самолет у него был только завтра.

Дубай

Сысоев не любил Дубай. Кич иногда неплохо, но только когда он русский, считал он. А когда вся это жуть одновременно и вместе — парад сумок, каблуков, работы дантистов и пластических хирургов,— это прям двадцать два или даже, может, и двадцать три. Плюс жара. Плюс кондиционеры.

Но делать нечего. Он всем сказал, что летит в гости к старому знакомому, давно живущему на намытых островах. Вилла, яхта, все дела.

Когда он приехал, был вечер и на вилле гостеприимного хозяина был дым коромыслом, какие-то гости, какие-то пьяные люди, у бассейна молодежь. Наверное, подрастающее поколение. Жарко, шумно, некомфортно.

Сысоева обнимали незнакомые люди, а может, и знакомые, но Сысоев был так раздражен, что не хотел никого узнавать. Он, отбившись кое-как, спросил, где его комната, но хозяин воскликнул:

— Обижаешь! — и отвел его в гостевой дом.— Вот это все твое — живи сколько хочешь.

— Спасибо,— с облегчением и искренней благодарностью сказал Сысоев.

— Как отдохнешь — приходи, поужинаем. Сегодня, правда, шумновато, у детей день рождения.

— Понятно,— сказал Сысоев.— Через час нормально?

— Жду,— кивнул хозяин и ушел.

Сысоев очухался, собрался с силами и пошел ужинать. Хозяин, которого звали Петром Германовичем, ждал в столовой, которую не затронул праздник. То ли их было несколько, то ли это была не столовая — Сысоеву, в общем-то, было все равно.

Его привели куда привели, стол был накрыт. Они сели, хозяин спросил:

— Что будем пить? Вот вино хорошее есть. Или не будем строить из себя?

— Не будем,— сказал Сысоев и потянулся к бутылке водки. Какая-то манерная, подумал он, да и хрен с ней.

— Не видел еще такой? — спросил, засмеявшись Германович.— Сами делаем, недавно начали.

— Хорошая, значит,— подыграл Сысоев.

— А то.

Выпили, сразу и по второй.

— Ну как там, в Москве? — услышал гость стандартный вопрос.— Я-то сам давно не был.

— Уже скучаю,— ответил Сысоев.

— Понятно, ну ты там во всем затусован, естественно.

— Времена непростые.

— Слышим,— Пётр Германович опять улыбнулся.— И у тебя?

— И у меня,— не стал уклоняться Сысоев, все равно узнает или, скорее всего, знает уже.— Я, правда, не представляю глубины своих проблем, вот и хотел у тебя как у знатока спросить: как у меня? Глубоко?

— Да уж не мелко,— задумчиво ответил хозяин.— Тебя могут потерять, знаешь ведь, как бывает.

— Даже так?

— У вас там внутри вас всё, твои проблемы изнутри, а не извне.

— Считаешь, они меня подозревают в чем?

— Не знаю, я же теоретически только могу смотреть на все твое. Тебе виднее, ты просто не хочешь вглядываться.

Они продолжали пить. Водка была действительно неплохая.

Долго еще крутился разговор, но снова зайти внутрь Сысоеву не удалось. Пётр Германович не хотел больше углубляться. Все, что хотел, наверное, сказал.

— Если ты не против, я спать,— сказал в итоге Сысоев.— Перелеты — не мое.

— Да, понимаю, устал. Отдыхай. Завтрак тебе во сколько?

— В семь, если возможно.

— Скажу, чтобы приготовили овсянку и орехи.

— Ну да.

— Спокойной.

— Пока, спасибо.

Что происходит

Николай написал. Сысоев включил новый телефон с новой симкой и платным мессенджером. Отправил куаркод Николаю. Соединились.

— Выглядит пока это так,— сказал Николай.— Смежникам дали отмашку. Похоже, ваши друзья разделились и одни заказали других. Линия защиты у тех, кто под ударом, одна — им нужно выиграть время, чтобы попытаться как минимум смягчить удар и сократить потенциальные убытки. Для этого надо кого-то подставить. Пока понятно?

Сысоев молчал.

— Это — ты. Скорее всего, сегодня-завтра тебя объявят в розыск. Мы на данном этапе помочь не сможем. Потом — наверное, но не сейчас. Очень горячо — руки обожжем.

Сысоев молчал.

— Вот пока так,— сказал Николай.

— Спасибо,— сказал Сысоев и отключился.

Что еще происходит

Через пару дней Николай написал: «Если прилетишь, тебя сразу арестуют — в деле появился ордер».

Выбор

— Как там в Дубаях? Я соскучилась, скоро ты уже приедешь? — тараторила дочь.

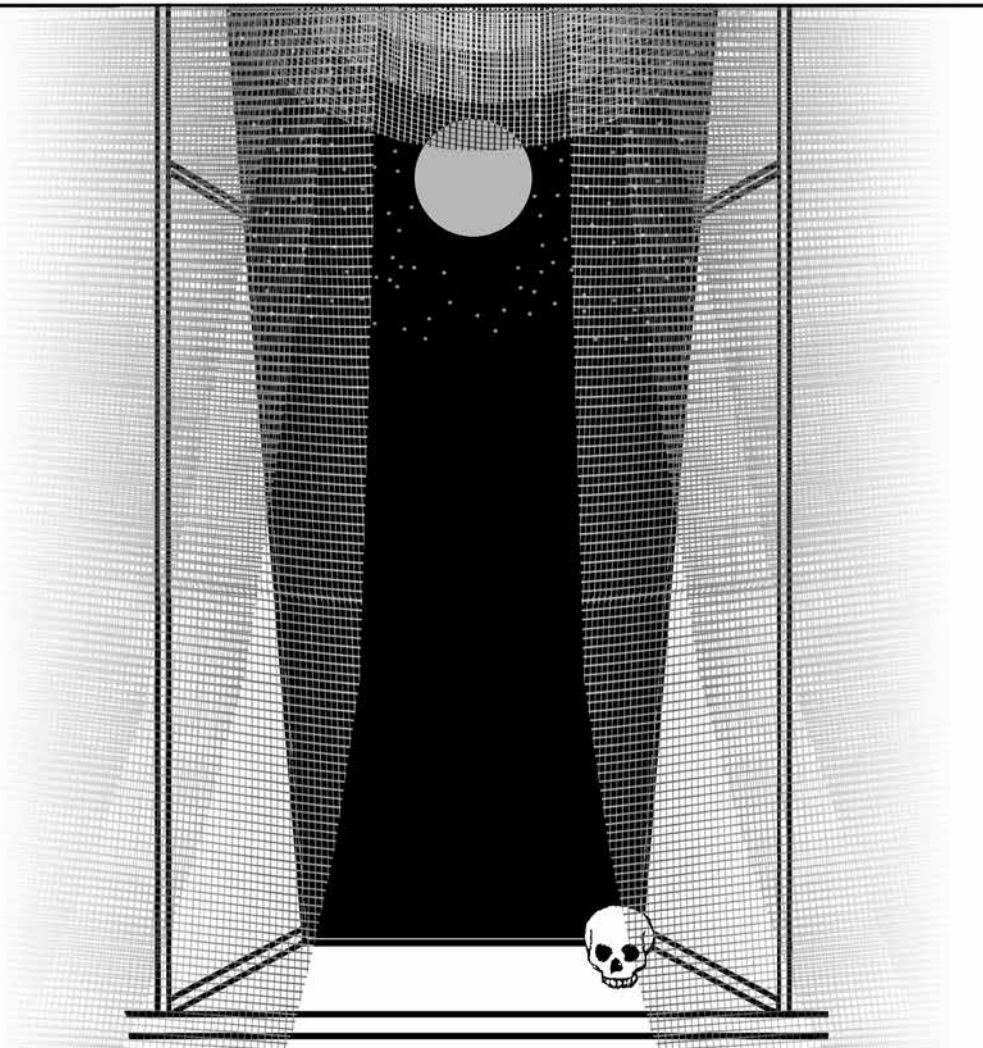
— Да, завтра вылетаю,— ответил Сысоев.

— Ура-ура,— обрадовалась она.— У меня столько новостей, расскажу при встрече.

— Хорошо,— сказал Сысоев.

А он все еще выбирал между комфортом и жизнью. Непонятно? Ну подумайте. Хотя если приглядеться, то даже сам этот выбор не важен, ибо сама альтернатива, сама необходимость выбора — это и есть катастрофа. А все остальное детали.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ



«Амбиции имеют разочарования, которыми они огорчают нас, но никогда не приносят достаточно успеха, чтобы удовлетворить нас».
Бенджамин Франклин

«Какие же они все суки. Это просто омерзительно!» — орал про себя Карасёв, протискиваясь сквозь толпу на вокзале. Кого Карасёв имел в виду, он, возможно, и сам точно не знал. Такое просто у него в тот момент было настроение.

Карасёв был режиссером. Человеком чувствительным и немедленно впадающим в депрессию при любом косом взгляде, но вместе с тем он был альфа-самцом, он был павлином, он был завоевателем, победителем и повелителем актеров.

Правда, первое было написано на лице в минуты приступов, а о втором его качестве кроме него никто не знал. Вернее, многие знали, особенно женщины, просто неправильно интерпретировали его пафос в минуты, когда Карасёва накрывала всепобеждающая победа,— считали самодуром.

Люди злые, им не понять тонких переливов красок души художника. Суки — наверное, это про них. Хотя, может, это и по другому поводу.

Пьеса

Он находился в процессе постановки очередного спектакля по пьесе малоизвестного кого-то. Он переписал уже инсценировку много раз, он проклял автора много раз, себя не раз и всех, кто спрашивал его про новую постановку,— бесчисленное количество раз совокупно.

Все не шло, не ехало, и это совершенно измотало его. Актеры пытались придумывать свое, и он имел с ними непрерывные отношения, видоизменяющие его, но совершенно не меняющие их. Они не были людьми, они были механизмом донесения его мыслей до зрителей. Ну, не мыслей, конечно, а неких образов мыслей, неких дорог, по которым они должны были блуждать в поисках чего-то, чего у них не было.

А актеры хотели вещать свое. Он это пресекал, но с этим пресечением пропадало все. Не ехало, не шло, не транслировало.

Он выбивался из сил. А сроки сдачи спектакля приближались, маячила премьера, маячил провал.

Поэты

Пьеса была про Байрона и Шелли, про Италию, про борьбу и стихи. Сложность, которая была описана

в предыдущем фрагменте, состояла вы понимаете в чем. И понимаете теперь, почему Карасёв бесился и не попадал никуда и ни во что. Несоответствие времени было очевидным, на дворе были двадцатые, и в них не вмещались эти мертвые поэты.

Мучения исходили еще и из того, что посоветовал ему эту пьесу взять некто Полуэктов, его старый знакомый, много помогавший, в том числе и деньгами. Такой меценат и любитель. Теперь Карасёв сидел с ним в его любимом ресторане, устроенном в бывшей раздевалке одного госучреждения, и рассказывал ему о трудностях постановочного периода.

— Ну и что? — сказал, наслушавшись, Полуэктов.— Сделай новое лицо в пьесе, ну какого-нибудь русского писателя, который пишет роман про этих Байронов, и всё.

— Тебе легко говорить,— отвечал Карасёв.— А историческая правда?

— Что? Правда? Это говорит режиссер? Где это вы правду видали? — Полуэктов заржал.

— Да, мы правду видали,— тупо воззрился на него Карасёв.— А вы, похоже, нет.

— Ну ладно, ладно, не горячись. Не хочешь писателя вводить, сделай спектакль музыкальным — вообще взятки гладки.

— Нет, тогда уж лучше введу писателя.

— Кого?

— Гоголя, кого же еще.

— Распнут.

— А кого тогда? Горького? Тургенева?

— А почему обязательно нужен знаменитый писатель? Почему не наш современник? Отталкиваясь от английских романтиков с трудной судьбой, он размышляет о судьбах родины. Современно, злободневно, востребованно.

— Ну ты даешь вообще,— Карасёв воззрился на старого товарища.— Не узнаю тебя.

— Рестайлинг, мой друг. Все требует переосмысления. Помнишь — «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше»? Вот так и мы с тобой будем,— Полуэктов опять засмеялся.
— А чего ты смеешься все время?
— Смотрю на тебя — и смешно мне.
— А...
— Ладно, не обижайся, я пошутил.
— Мне как-то не смеется сегодня.
— Ну я же извинился.
— Ладно, я попробую.

Стенограмма худсовета

Член худсовета Спиридонов. Вот вы в своей пьесе, Карасёв, проводите мысль о влиянии культуры на мораль, а ваши герои — аморальные английские поэты.

Карасёв. Вы же видите, что весь строй пьесы (кстати, не моей) изменен мною. Введен автор — писатель, который ищет дорогу, соединяющую искусство и современность, на фоне английских романтиков рождается наш взгляд, отличный от поэтов XIX века, творящий добро, отстаивающий настоящие ценности.

Член худсовета Аникеев. Я цитирую: «Разврат и содомия, присущая английской аристократии, в полной мере отразилась в искусстве, именно этим можно объяснить почти всё, и это всё отличает нас от них». Это текст, который ваш автор в пьесе мучительно рожает на фоне легкого Шелли и блестящего Байрона. Кто же выберет вашу дорогу?

Карасёв. Текст так себе, я согласен, но такое требование времени, я думаю. Если нет — скажите, как мне по-другому получить разрешение на постановку.

Член худсовета Кобылкина. Видите, Карасёв, вы не искренни, поэтому работа не идет. Вы прикидываетесь, мимикрируете, ибо прикрываете свое несогласие с выбранным путем. Эта неудача — не текста и не спектакля, а лично ваша.

Карасёв. Ок. Скажите, как мне исправить ситуацию.

Председатель худсовета. Вы ведь раньше работали в другом жанре — может быть, вам не по плечу драма?

Карасёв. Дайте поставить — и узнаем.

Кто-то. Логично.

Председатель. Давайте решим так: месяц на доработку сценария, возьмите соавтора и быстро устраните огрехи. Если Александр Петрович скажет, что всё исправили, значит, будете ставить.

Карасёв. Кого мне взять?

Председатель. Возьмите Кобылкину. Она подтянет пьесу, вы удивитесь — и вам понравится. Будем считать, что мы дали вам разрешение с условием. Так, товарищи?

Члены художественного совета. Да.

Карасёв. Спасибо.

Актеры

Голодные овцы. Не все, но многие. Снимаются в сериалах, в эпизодах, рекламе, озвучивают книги — в общем, делают все, чтобы развалиться как актерам. Убивают себя не буквально, но личностно.

Карасёв старался создать своим атмосферу уюта и душевного комфорта. Весь негатив пытался не пускать дальше себя. Он очень хотел быть хорошим, но почти всегда оказывался плохим. Почти. Всегда.

Сегодня было собрание перед началом репетиций, или первая репетиция,— это кто как хотел называть, так и называл. Итак, они начали.

Довольных не было. Читка началась с упреков и жалоб. На то, что нечего играть, нет глубины, короткие роли или кому-то роли вообще не досталось. Пришлось запускать второй состав, из которого в перспективе можно делать вводы. Ну такая сборная надежды как бы.

Но это всё не беда. Беда была, вернее, прибыла в образе госпожи Кобылкиной. Женщины заслуженной, к тому же члена худсовета.

Соавтор долго излагала свое видение и то, что она ждет от актеров. В конце ее выступления все окончательно офигели и уставились на Карасёва.

— Виолетта Павловна иногда утрирует детали,— сказал он в мертвой тишине.— Думаю, в процессе работы туман рассеется, а цель проявится четче. С вашей помощью. Принимаются все соображения. Ждем полной включенности. Так как мы перебрали со временем, продолжим завтра в десять, не опаздывайте.

Слушали его молча и так же молча разошлись.

Кобылкина

— Что это было? — спросила Виолетта Павловна, когда они остались одни.
— А что бы вам хотелось, чтобы это было? — ответил Карасёв.
— Я хотела бы дисциплину.
— Я тоже.
— Так давайте ее добиваться.
— А давайте,— сказал Карасёв.— С чего начнем?
— С дисциплины.
— Отлично. Тогда завтра проводите читку вы.
— Почему я?
— У вас должны быть ответы на вопросы, вы соавтор, вы должны подробно, как сегодня, но по существу,

донести дух пьесы. Вдохновить, охватить и подвигнуть.
— А вы прям виртуоз,— с восхищением сказала Кобылкина.
— А то,— ухмыльнулся Карасёв.

Завтра

На репетицию никто не пришел.

Послезавтра

Карасёв поговорил с каждым по очереди. Они были готовы на всё, но только без Виолетты Павловны. Карасёв позвонил Полуэктову.
— Это сделать можно, но ты, старичок, будешь должен,— сказал Полуэктов.
— Больше, чем сейчас? — спросил Карасёв.
— Сарказм неуместен,— ответил Полуэктов.— Ты что, не понимаешь, какая возня на идеологическом фронте?
— Не знаю и не хочу.
— Тогда закрой рот и делай спектакль.
— Что тебе надо?
— Мне надо, чтобы было как «Ленин в Октябре», помноженное на «Заседание парткома».
— Так не бывает.
— А ты сделай.
Карасёв повесил трубку.
«Он, подлец, еще трубку бросает,— подумал Полуэктов.— Сделает, куда он денется».

Гаврилов

Гаврилов играл писателя. Главная роль. Он был творчески ориентированной личностью. Во всем. Буквально. Ну, вы понимаете.

Карасёв с ним мучился. Вернее, так казалось со стороны, и Карасёв этот миф поддерживал.

На самом деле Гаврилов был тем человеком, который мог спасти спектакль или не спасти. Хотя Карасёв считал, что никто не может спасти это говно, но надежда умирает и рождается вновь. Как в последний раз.

И Гаврилов обещал. Он уже месяц не пил.

Они еще раз шли с ним по главному монологу спектакля. Это был фиговый листок, прикрывающий все неприличные причиндалы постановки. Отсутствие внятного текста, отсутствие структуры, отсутствие приличных актеров. Но спектакль ждали наверху, и Гаврилов должен был жечь.

Карасёв слушал монолог, и внутри у него все умирало. Это было так отвратительно плохо, что могло прокатить.

— Завтра сделай как сейчас,— сказал Карасёв после репетиции.

— Постараюсь,— сказал Гаврилов.

— Всего один раз,— сказал Карасёв.

— Я понимаю,— сказал Гаврилов.

— Точно? — спросил Карасёв.

— Не ссы,— сказал Гаврилов.

На этой реплике Карасёв повернулся и вышел, а Гаврилов остался.

После премьеры

— Потрясающе,— сказала Кобылкина, сидя в кабинете Карасёва.— Я вся вспотела.

— Немудрено,— сказал Карасёв.

— Вы создали шедевр.

— Ну, наверное, мы создали, Виолетта Павловна,— поправил Карасёв.

— Мы,— выдохнула Кобылкина.— Пойду звонить председателю.

— Хорошо,— сказал Карасёв.

Позвонил Полуэктов.

— Не стал к тебе забегать, торопился. Шедевр!

— Сарказм неуместен,— напомнил ему Карасёв.

— Помнишь.

— Помню.

— Ты мне больше ничего не должен.

— Да ну!

— Вот тебе и да ну. Ты спас всех нас.

— Себя не спас.

— Не кисни, завтра все увидишь по-другому.

— Завтра не будет.

— Будет, будет.

Карасёв встал, положил телефон, открыл окно и, неуклюже перевалившись через подоконник, так же неуклюже рухнул вниз.

«Нелепо»,— подумал он.

Полуэктов сказал: «Алло, алло». Пожал плечами и положил трубку.

Снова Гаврилов

Разочарованный Полуэктов сидел напротив пьяного Гаврилова. Вокруг царил хаос какого-то грязного заведения. Место было неудобное для Полуэктова, но выбора не было.

— Ты пойми, Гаврилов,— говорил он,— кроме тебя теперь некому. Спектакль должен пройти еще по меньшей мере десять раз. Формально, наверное, главной назначат Кобылкину, но негласно решили, что будет делать дальше Гаврилов. А Гаврилов — это ты. И ты бухаешь.

— Да, я бухаю,— сказал Гаврилов.— У меня друг погиб.

— Не преувеличивай,— сказал Полуэктов.

— Это я его убил,— сказал Гаврилов.

— Самомнение,— ответил Полуэктов.

— Ты просто дурак.

— Самомнение,— повторил Полуэктов и добавил: — Спасибо, ты снял грех с меня.

— Это значит — у тебя самомнение,— засмеялся Гаврилов.— Значит, мы вместе.

— Пожалуй,— сказал Полуэктов.— Ну так как?

— Нет,— сказал Гаврилов.

— В порошок сотрут,— сказал Полуэктов.

— Ниже этого? — спросил Гаврилов, показывая рукой вокруг.

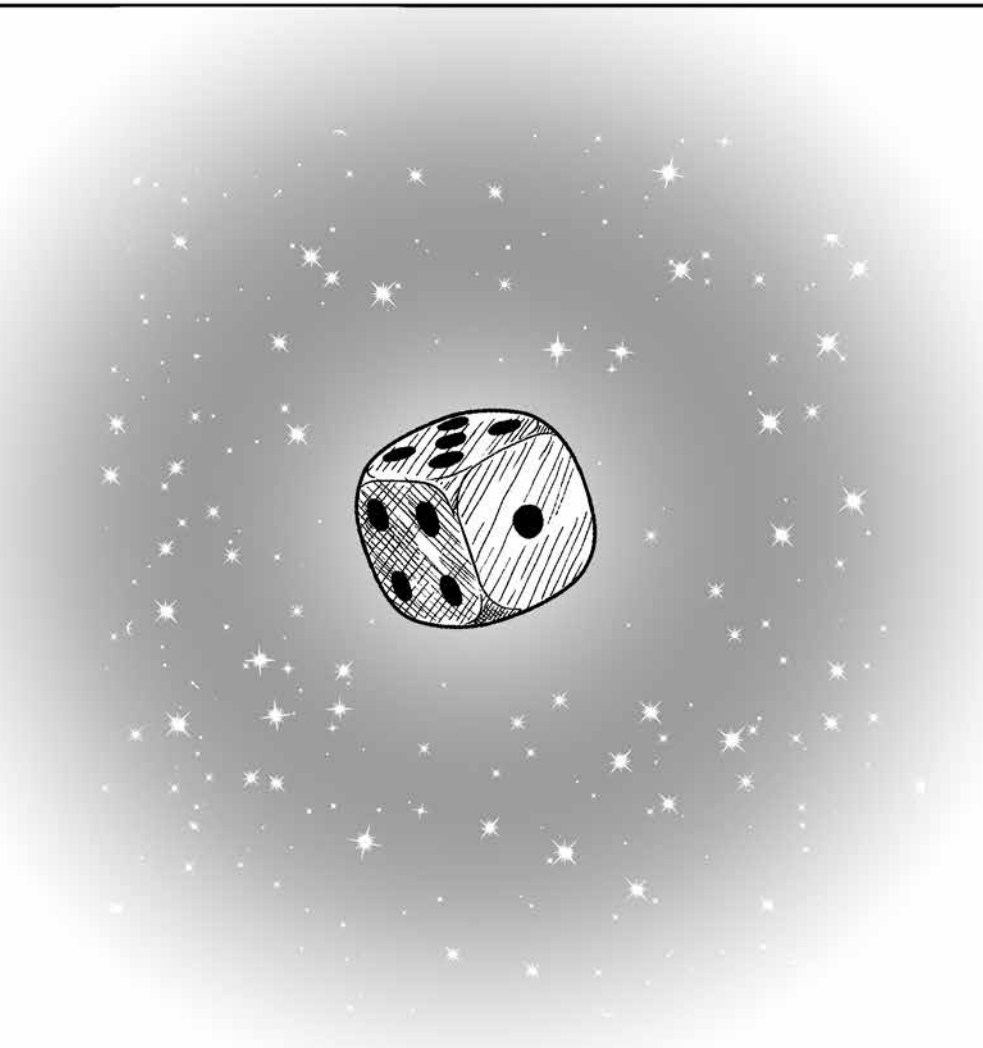
— Ниже этого,— ответил Полуэктов.

— Ну-ну,— сказал Гаврилов и залпом допил свой стакан.

Глядя в остекленевшие глаза Гаврилова, Полуэктов понял, что ему конец. Он придумал проект, он взял под него деньги — и вот он с трупом на руках и без главного героя сидит в засранном кабаке.

— Придется самому,— вздохнул он, встал и вышел прочь.

Заброшенный сад



«Ты слишком серьезно себя принимаешь,— сказал он медленно.— Ты слишком чертовски важен в своих собственных глазах. Это должно быть изменено! Ты так чертовски важен, что ты чувствуешь себя вправе раздражаться всем. Ты так чертовски важен, что ты можешь себе позволить уйти, если вещи не складываются так, как тебе бы хотелось. Я полагаю, ты думаешь, все это показывает, что ты имеешь характер. Это чепуха! Ты слаб и мнителен!»

Карлос Кастанеда

«Для общественной жизни нужно искусство, нужно подготовить так много условий — одним словом, дома лучше».

Фёдор Достоевский

Мысли

Когда ты доделываешь дело, ты как бы умираешь. В нем. Вместе с ним. Конец процесса — это смерть.

Ермилов любил жизнь, поэтому никогда не доводил дел до конца или вообще не начинал, если так было можно. Разные ситуации складывались в жизни, но развитый эгоцентризм защищал его от конца, от смерти самой жизнью. Процесс — это жизнь. Лень — способ выживания. Любовь к себе — основа всего твоего бытия. Возможность отдалить время наступления бесконечного безвременья. Где не будет тебя. Где нет такого понятия. Где эгоцентризм не существует, ибо нет эго. Несознательное небытие.

Прелестно, правда? Тебя нет, и ты об этом не знаешь. Это прям волшебство. А как же иначе, ведь Вселенная всесильна. Она не способна лгать и притворяться. Она не может дружить, любить или ненавидеть. Идеальное место для существования.

А почему так хорошо во Вселенной? Потому что это существование вне сознания, и именно это подлинная свобода. Без этого бесконечного добра и зла. Без сутолоки этики. Без косых взглядов общественного мнения и раздирающего тебя противоречиями коллективного бессознательного. Именно сознание делает людей несчастными.

Вот такой он, Ермилов, глубокий и тонкий. Вот хоть ешьте его с маслом.

Друзья

Как это ни странно, при такой религии друзья были. Сафонов и Пряник. Первый работал контролером выпуска готовой продукции, второй был программистом. Они не были друзьями детства, попались Ермилову по пути, в процессах.

Сафонов умел доставать билеты и приглашения на разные непубличные мероприятия. Ермилов любил поглазеть на публику, это его забавляло.

Пряник помогал находить полезную информацию в Сети. Мог склепать бота для конкретного поиска.

И еще все трое любили пиво. Ермилов их познакомил как-то, и все остались друг другом довольны. Это не значило, что они все время собирались вместе. Но что-то другое значило. Эти двое связывали Ермилова с остальным миром, поддерживали его социальную апатию на допустимом уровне, не допускали разложения и атрофирования.

Сам Ермилов писал заметки про светскую жизнь, про нравы и сенсации. В основном выдумывал, но соблюдал контекст, поэтому его ценили в редакциях, хотя порой и зажимали гонорар. Но это было обычно, и Ермилов не сердился, необязательность позволяла быть взаимным. Он ведь не стремился к концу своей концепции мира. В его концепции мир был убогим, вонючим и старым. И в его словаре эти слова не были синонимами.

Любовь

Любви в жизни Ермилова было много. Почему, спросите вы, ведь это редкое, глубокое, широкое и высокое. Ну, у вас — может быть. Ермилов относился к любви проще. Это было просто удовлетворение естественных человеческих, хотя во многом и животных потребностей.

Ермилов не любил любовь. Отношения он прерывал сразу, как только возникал хоть намек на привязанность в глубине его бездонного организма. Может быть, где-то там была его душа, он не знал, но знал про конец. А он был невозможен.

Концом в данной системе он считал как раз то, что вы называете любовью, и допустить этого не мог.

Но случались и в его отношениях с женщинами промашки, и тогда все перетекало в дружбу усилием его воли. Одной из таких ошибок была Клаша, женщина невероятных душевных качеств и в силу этого задержавшаяся на небосклоне Ермилова непозволительно долго. А потом довольно легко приняла его отказ от отношений.

Мало того, без надрыва влилась в коллектив друзей. Они, друзья, также приняли ее с энтузиазмом и наперегонки кокетничали. Впрочем, она не отставала. В общем, оживила пейзаж.

Да, по профессии Клаша была литературным критиком. Так бывает. Нет, ну правда. Что смешного-то?

Размышления

Занятия Ермилова требовали фантазии, от которой он отдыхал, рассуждая о героях классических произведений русской литературы.

Он думал о том, что стало бы, если бы, например, Каренина не бросилась под поезд, а, напротив, подала в суд на Каренина.

Что стало бы с парнем из Достоевского, если бы он не явился к старухе-процентщице? Что Гоголь сжег во втором томе, и сжег ли?

Впрочем, водевильность его сюжетов не была слабее оригиналов, как, наверное, многим кажется. Волатильность вообще гораздо трагичнее поступательной неотвратимости. Нет, наоборот, неотвратимой поступательности. Как лучше?

Так вот, Ермилин буквально обожал это занятие, хобби, если хотите. Он рассказывал сюжеты в кругу друзей и случайных знакомых. Его, как вы знаете, притягивала глупая бесконечность или бесконечность глупости. Это как вам будет угодно. Оба варианта хороши.

Он часто использовал подобные сюжеты, вставляя их в описания жизни звезд эстрады. Читателям нравилось такое. Все любят пошлость и грязь. Ну ладно, не все. Но дискуссии на эти темы — уж точно все.

Туризм

Как-то раз Клаша уговорила коллектив друзей Ермилова уехать в лес с палатками и пожить в духе выживальщиков. Знаете, есть такие — готовятся все время к концу света и надеются его пережить. Ну то есть все натурально, без примочек цивилизации. Готовить на огне. Спать на земле. Консервы. Вода. В общем, все с собой, на себе и под собой.

Как ни странно, все согласились. И Ермилов был главным энтузиастом. Не конец, одним словом, но близость этого щекотала его, наверное, в правильных местах. Особенно воображение.

Поехали на электричке. Потом на безымянной в кавычках станции сошли. И лесом. Пока не встали совсем.

Потом костер. Установка палаток. Комары. Туалет под кустом. Храп друзей. А нет — сначала ужасный, но быстро съеденный ужин. Песни. Пряник оказался прям музыкальным автоматом. И знал, и умел. Потом храп и наконец собственный сон.

Утро было ужасным. Мокрым. Холодным. Злые. Шли куда глаза глядят. Оказалось, это не совсем та тактика, которая приводит к хорошей стратегии.

Кое-как вышли на какую-то дорогу. Кое-как кого-то поймали. Кое-как вернулись.

Впоследствии опыт был признан вполне удачным. Вспоминали. Смеялись. Много. Ну типа можем повторить. Но почему-то так и не стали. Как потом выяснилось. С годами.

Клаша девушка была видная во все свои уже пятьдесят. Или сорок. Бог знает. Крупная. Фигуристая. Со вкусом.

Пряник был типичный дрыщ. Ну такой — никакой. Маленький, щуплый. Патлатый.

Сафонов. Коротенький. Кругленький. Лысый почти совсем уже. Но зачесывающий все, что осталось, наверх.

Ермилов. Высокий. Статный. Некрасивый. Но быстрая мысль и образы интриговали собеседника и просили забыть об изъянах. И они забывались. И кто видел и общался, не раз считали его симпатичным и обаятельным.

Зачем это все? Ну а как иначе? Вдруг вам не достает воображения представить наших героев. Вдруг они снимались в порно, и вы их узнали.

Давайте развеем подозрения. Они обычные, не киношные. Таких, как они,— хоть пруд пруди. Почему тогда они? А почему нет? Вселенная выбирает случайно, будем считать — она тут как тут. У нас же про бесконечность. Лень искать и выписывать. И описывать. Переплюнуть Набокова вряд ли удастся. Да нет, точно нет. А если так, то зачем пытаться и делать что-то тривиальное, примитивно похожее на шедевры. Лучше уж как Ермилов. Придумывать людям биографии за деньги. Строчить апокрифы несуществующих событий. Все как-то естественней. Человечней, если хотите.

Не писать? Вы говорите — не писать? Да как же. Ермилов обидится. Вот, скажет, я, мои мысли никому не нужны. Моя бесконечная тяга к нетяге. Разве можно упустить такое. Не пустить меня к живым еще людям. Не бывать такому.

Пишите обязательно, говорит он. И мы пишем. Мы его не бросим. Будем и писать, и читать. Согласны?

Событие

Ермилова уволили. Газету и сайт, где он работал много лет подряд, продали, а новый владелец вот так вот поступил.

Неожиданно Ермилов стал безработным. А денег у него было отложено немного. Были, были, конечно, но ненадолго. Впервые в жизни Ермилов почувствовал конец почти так же остро, как когда-то с Клашей.

Нет, гораздо острее. Его пробило. Он занервничал, и сильно. Начал всем подряд звонить и писать. Многие сочувствовали. Да все практически. Но никто не помог.

Друзья не отвернулись. По-прежнему были рядом. Но конец. Конец тоже был рядом. Ермилов ощущал его физически.

Он решил неожиданно для себя закончить самому, взять, так сказать, конец в свои руки. Не ждать, когда он придавит. Опередить. Сделать, что от него не ожидают. Пойти на Перекоп своей философии. Оригинальный поступок для себя совершить.

Как? Ермилов задумался. Перебрав все варианты, решил — как римляне. Ванна. Тихо, спокойно, практически безболезненно. Красный цвет. Красиво.

Сказано — сделано.

Пошел в ванную. Открыл воду.

Вернулся. Сел писать прощальные письма. Задумался. Задумался сильнее.

Пошел в ванную. Выключил воду.

Позвонил Клаше.

— Представляешь, старуха, я чуть руки на себя не наложил.

— За что?

— Ну, увольнение, все такое, ты же знаешь, это же конец. Ну, я не знаю, как реагировать, растерялся.

— Ладно, я сейчас приеду,— и отключилась.

С Клашей уютно, подумал Ермилов, она хороший друг.

Он разделся и лег в постель.

Утро вечера мудренее, подумал он сначала банальности. И добавил человечинки: сейчас Клаша приедет, и все будет хорошо.

И уснул.

ДАТА

«Говорят, я в качестве подарка жене на годовщину нашей свадьбы отвел ее на матч резервного состава „Рочдейла“. Это неправда. Это было в ее день рождения. Что я, псих — жениться по ходу сезона?!»

Билл Шенкли, тренер

«Я так занят, что был вынужден перенести дату своей смерти».

Бертран Рассел, математик

Годы идут

Цифры отмечают наши достижения. Они множатся вместе с годами на свете и вселяют в нас сначала оптимизм и надежду, а потом сожаление и уныние. Тем не менее день рождения принято отмечать, особенно у других.

Злорадный дух витает где-то за улыбками и теплыми словами. Именинник вглядывается, ищет подвох, поздравители маскируются за стандартом. Не только злорадство, но и горечь сожаления и сочувствие.

А основа этих чувств — цифры. Это вредное изобретение человечества. Так же, как и само время. Зачем знать, сколько прошло? Для чего? Тешить эго. А затем угнетать его, это самое эго? Ни логики, ни смысла.

Праздновать надо обязательно

Несмотря на все подобные соображения, витающие в его голове многие годы, Трусов, как обычно, заказал ресторан и разослал приглашения.

60 лет. 60 гостей. Тупо и бессмысленно. Ну а что, всё как у всех. Чтобы не говорили, что зажал, не отметил, пожалел денег или еще чего похуже — загордился.

Общественное мнение — нелепое творение социума. Саморегулирование, самоторможение, самоуправство. Делай как все — и всё. Он, Трусов, всегда так и делал. Сначала — как учили партия и комсомол, а потом просто государство стало учить. Напрямую. Что лучше, он не знал, да и не хотел знать.

Род его занятий не предполагал особой вовлеченности в процесс, он был депутатом регионального масштаба, а значит, все было для него предопределено и предначертано. А может быть, даже и исполнено. Отсюда вытекал и состав гостей. С прошлой работы, с нынешней, друзья и товарищи по институту, попутчики и просто случайные, но нужные люди.

Тамадой взялся быть его старый товарищ, ныне заседающий с ним в представительном органе власти. Город не большой, но и не маленький. Все друг друга знают. Вот и теперь пришлось долго соображать, кого звать, а кого нет. Но большого труда это не составило, если не считать потраченного времени.

Списком Трусов остался доволен. Мэр обещал заглянуть. Ну, это было сказано для проформы,

но грамоту подписал от города почетную. Юбилей как никак. И на том спасибо.

Дым коромыслом

Праздник шел уже часа три. Гости пришли в первый час от назначенного времени и разминались в буфете. Подарки вручали, юбиляр складывал их на отдельно стоящий стол. Дальше одни гости уступали место другим, и так как-то незаметно все втянулись. Дело для большинства было вполне привычное.

Трусов держался бодро, возможно, благодаря изрядной дозе валерьянки или просто был молодец. В голове было пусто, и это очень помогало. Он как-то со стороны смотрел на процесс и эмоционально совершенно не вовлекался. Даже был этим удивлен.

Пришел зам мэра по социальным вопросам и внес оживление в коллектив, сплотившийся у барной стойки. Градус разговора вырос, стало шумнее и от того радостнее. Глаза теплели по мере выпитого.

Через час Трусов позвал всех за стол. Оживление не спадало. Тамада знал свое дело, повел стол по правилам, стойко отсекал попытки отдельных товарищей увильнуть от произнесения тостов.

Деваться было некуда. Кругом был он. И потекла река банальностей и формальностей. Говорили много. Слушали мало.

В какой-то удачный — или не совсем — момент Трусов вышел из-за стола встретить опоздавших. Пришел старый, действительно приятный Трусову знакомый. Измайлов. Он был когда-то сотрудником транспортной компании, где работал тогда и Трусов.

Они обнялись. Трусов потащил его в бар. Или в буфет. Да, в сущности, какая разница — потащил и всё. Не к остальным, а в буфет, где никого сейчас не было.

Измайлов закурил и спросил:

— Ну как ты? Давно не виделись.

Трусов пожал плечами. Сам Измайлов красиво постарел, стал седым и грузным. Источающим покой и волю. Хорошо было с ним. Уютно. Трусов как-то сразу повеселел.

— Выпьем?

— А как же, обязательно выпьем.

— Виски?

— Конечно, виски.

Трусов принес бутылку. Поставил к ним поближе. Официант дал стаканы и лед.

— Так что?

— Ты про что?

— Что делаешь на самом деле?

— Живу.

— Это правильно.

— А ты?

— Терплю,— Измайлов опять закурил.

— Что?

— А все это,— Измайлов обвел глазами окружающий его космос. Так показалось Трусову.

— Ну так-то прям, может, и не надо,— испугался Трусов.

— Может, и не надо, поэтому и терплю.

— Уехать не пробовал?

— Пробовал, не помогло, вернулся.

— Понятно. А мне ничего так не мешает. Смотришь в пол — и вперед.

— А! — Измайлов засмеялся.— Давай тогда хотя бы наберемся.

— С тобой — с удовольствием, с этими всеми — не хочу,— Трусов махнул рукой в сторону зала.

— Ну так давай уйдем отсюда.

— Так нельзя.

— Почему?

— Неудобно.

— Да ты шизанулся, как я погляжу.

— Может быть, но я так не могу, давай посидим со всеми, а потом…

— Тогда я пойду, освободишься — позвони,— сказал Измайлов.
— Ну зачем ты так,— сказал Трусов.
— Как?
— Вот так.
— Так вижу.
— Ладно, иди, если хочешь, я позвоню,— сказал Трусов.

Они обнялись. Трусов пошел к столу. Стол его отсутствия и возвращения не заметил.

Измайлов ушел и оставил Трусову тоску. Вот ведь сволочь, а не человек, подумал он.

Финал праздника

Тамада не подвел. Всех заставил, всех напоил. Гости очень устали. Не все — некоторые. Остальные были веселы настолько, что требовали продолжения банкета. Все вместе решили идти в клуб танцевать. Был у них в городе такой, и не один. Выбрали лучший с точки зрения людей помоложе, тем более клуб был недалеко.

Пошли пешком. А иначе никак и быть не могло — где взять столько такси. Шли громкой толпой, распугивая прохожих.

Трусов очень хотел слиться на этом переходе. Но за ним зорко следили и все время напоминали. Дата у него круглая, поэтому помимо всего прочего надо отметить ее как следует, чтобы запомнилась навсегда. А сколько этого «навсегда», вдруг грустно подумал Трусов, и стало ему еще грустнее.

Танцы в клубе были в самом разгаре. Он на танцпол не пошел, а с еще несколькими участниками праздника свернул к стойке бара. Там он увидел Измайлова.
— Ну что, пришел? — спросил тот.
— Да, пришел,— сказал Трусов.

— Ну давай нажираться тогда, раз пришел.

— Давай,— согласился Трусов.

И они нажрались, не отходя от этой самой стойки барной.

После праздника

Все тело Трусова болело. И особенно лицо. Как ни странно, он был дома. Но так продолжалось недолго.

В дверь стучали и требовали немедленно открыть. От этого, понял Трусов, он и очнулся. Он встал и пошатываясь дошел до двери. За дверью была полиция в лице двух представителей. Они взяли Трусова и сволокли в свою машину.

— Я депутат! — неповорачивающимся языком в пересохшем горле пытался сказать он. Но либо он не смог, либо им было наплевать.

В отделении ему сказали, что прошлой ночью он вместе с еще одним неустановленным пока лицом разрисовал городскую Доску почета. Он дополнил образы лучших людей города надписями и рисунками.

Дополнил реальность, подумал Трусов, все-таки цифры играют свои шутки.

— Пока рассматривается злостное хулиганство,— сказал майор, толстый потный дядька.

Трусов с ним был знаком.

— А если найдется второй участник... Вы, кстати, знаете его? — спросил майор.

— Откуда,— пожал плечами Трусов.— У меня был день рождения.

— Наслышаны,— усмехнулся майор.— Так вот, если найдется подельник ваш и экспертиза на экстремизм окажется положительной, то загремите надолго,— тут он сделал Трусову страшные глаза.— Сотрудничать будете?

— Как? — жалобно спросил Трусов.

— Раскаиваться и признаваться.

— Да, я раскаиваюсь, а признаваться не могу — не помню, в чем, пьяный был.

— Ладно, поехали в суд.

— Зачем?

— Избирать вам меру пресечения.

— Может, обойдемся административкой?

— Не выйдет,— сказал майор.— Информация ушла в область, дело ваше теперь на контроле, тем более лозунги.

— Какие?

— Ну вы что-то про евреев писали, я сам не видел еще.

— О господи!

— Вот-вот. А может, и еще чего похуже, не хочу повторять, говорю же: не видел.

Трусов как-то окончательно сник и с тоской подумал про будущее.

Будущего не просматривалось. И тут, в бреду, наверное, пока ехали в суд, ему явился Измайлов и спросил:

— Ну что, еще не заложил меня?

— Еще нет,— согласился Трусов.

— Вот и молодец, не взял грех на душу.

— А ты что — был со мной?

— Нет, не был.

— А чего тогда?

— Но ты бы заложил меня, верно?

— А зачем ты меня бросил? — спросил Трусов.

— Я тебя домой отвел, кто же знал, что тебе продолжения захочется.

— Вот ведь ерунда какая. Нелогичная.

Теперь Трусов совсем не мог понять, был ли вообще Измайлов вчера или ему это все напридумывалось.

Мучимый этими нетривиальными мыслями, Трусов брел в сопровождении полиции по коридорам суда. Возможно, и суд этот был экзистенциальный.

С похмелья разве разберешь. Абстиненция — она и не таких ломала.

КРОЛИКИ

«Идеи — как кролики. Берешь парочку, учишься с ними обращаться, и вскоре их становится дюжина».
Джон Стейнбек

Смешное

Смешного было много. Они работали в кафе. Кто официантами, кто на кухне, а кто и за кассой следил. Все могли пробивать чеки, но касса, касса — это святое.

Ребята были кто откуда. Студенты больше сезона, как правило, не держались. Но были и исключения. Илья был человеком идейным, в смысле с идеями. Работал третий год и вроде как собирался работать и дальше.

Кто-то говорил, что он картежник, а кто-то — что курит или нюхает. Как вы поняли, местная легенда, а не человек.

На самом деле Илья в карты не играл и не курил, он составлял бизнес-планы начинающим бизнесменам — для подачи в банк для получения кредита, или для аудита деятельности, или для совета директоров. Он был нарасхват.

Почему работал официантом? Он говорил — для ощущений социума. Мол, без этого нельзя. Люди разные, и много. Ну где такое найдешь? А на самом деле… а на самом деле — кто ж его знает.

Так вот, о смешном. Серафим был смешной. Это мужик, который привозил полуфабрикаты по договору от мясокомбината. Он был таким нелепым, что ребята придумали ему параллельную жизнь и каждый день двигали ее новыми историями.

Они сочиняли несусветную чушь. Условие было одно — чтоб смешно, но в рамках, с соблюдением человеческого достоинства. Вот как это происходило.

Утро доставщика

Представлялось, что вставший в 4 утра доставщик сначала долго смотрел в зеркало, стоя над раковиной. Потом быстро умывался и опять долго смотрел в зеркало, вытирая лицо. Потом включал в ванной свет. Происходило полное узнавание.

Его маленькая квартирка на первом этаже в трескучих выселках позволяла не особенно делить пространство на зоны: и еда, и отдых, и гардероб, и сон происходили на расстоянии вытянутой руки, а иногда и ближе.

Ковролин был весь в пятнах, диван был хорошо пожившим, а стиральная машина смотрела волком.

Серафим отдергивал занавески, и ужас еще темного мира окончательно накрывал его. Поняв, где он

и кто он есть, Серафим выдвигался на своей «Газели» за товаром и ехал по клиентам.

Вот примерно так все происходило в реале, но народ, конечно, придумывал всякие чудеса вроде пробуждения в постели дома у богатой вдовы или ношения красных стрингов под одутловатыми джинсами. Еще в ходу были тату с разудалыми надписями и трогательная забота о кошках, которых Серафим якобы держал у себя в квартирке.

Двойная жизнь

Но настоящую вторую жизнь Серафиму придумал, используя его реальные документы, Илья, создав Серафиму виртуальный образ инвестора. В этой жизни Серафим был не доставщиком полуфабрикатов в точки общепита, а владельцем криптофермы, растящей цифровые валюты. Для этого Серафим арендовал помещения склада, на котором инвалиды производили детские игрушки, за что им различные благотворительные фонды компенсировали издержки, связанные с отоплением и освещением. Сложившиеся обстоятельства позволили оплачивать электроэнергию по льготному тарифу.

А еще на Серафима были оформлены десять кредитов в семи банках. Короче говоря, бизнес процветал. Серафим был не вполне в курсе, насколько он успешен, но и ему перепадало от щедрого Ильи.

Официанты тоже были прикручены Ильей к процессу движения денежных средств. Кто сознательно, а остальные по факту. Рогозина, вертлявая девица с филфака, так та держала салон красоты, который имел и офис, и оборудование, и сайт, и рекламу в Сети. Но на самом деле существовал только бизнес-план и кредит для его осуществления, выданный знакомым банком.

Кстати говоря, само кафе Илья тоже выкупил на кредит, заложив под него оборудование и договор аренды. Налоговая декларация была блестящая, и от кредита еще осталось на другие нужды. В общем, «Пингвин», так называлось кафе, мог считаться штаб-квартирой или офисом корпорации многопрофильной и во всех частях успешной.

Но неумолимо приближалось время проверок и платежей, и страницу требовалось перевернуть. Илья занялся продажей всего виртуального за что-то вещное. Вечное. Ценное. За крипту.

Аудитор пришел вечером. Илья ждал его уже неделю, и сегодня настроение у него было неподходящее, но деваться было некуда.

Степаныч был нужен ему, а не наоборот. Аудитором Степаныча стали называть давно, с конца восьмидесятых. Сейчас ему было 80 лет, он видел все или почти все. Ну, вы поняли, его трудно было удивить.

— Илюшенька,— сказал аудитор,— я посмотрел твои документы. Зачем ты довел все до такого-то?

— Ну вот от тебя, Степаныч, я не ожидал. Ты же любишь такое. Я ведь твой ученик.

— Ладно, давай, рассказывай, какой у тебя план,— Степаныч снял пиджак, оставшись в жилетке. Надо сказать, одевался аудитор с большим вкусом, помня сказанное кем-то, что аккуратная одежда — вежливость пожилого человека. В этих критериях он был чрезвычайно вежливым человеком. Лучшие портные были с ним знакомы, это было очевидно.

— Замысел, как всегда, простой,— сказал Илья.— Продать в одни руки тому, кому нужна репутация для легализации. Ну, не репутация в смысле репутации, а легенда, бумаги, история. Тихая и понятная.

— Интересно,— сказал Степаныч.— И есть кто-то на примете?

— Я надеялся, вы подскажете, вы же всех знаете.

Аудитор

Валентин Степанович Пивоваров знал, конечно, всех. Прелесть его позиции заключалась в том, что его при этом не знал никто. Ну почти. Другие, может, что-то слышали или видели, но разобрать и понять не могли. Он был неким мифом, легендой, которая жила давно сама по себе, как цитаты Бисмарка. За него его жизнь придумывали другие и обильно цитировали. В общем, он существовал как апокриф, и как апокриф его знали все. Никто — и все. Это позволяло быть неуязвимым или, по крайней мере, чувствовать себя таким.

Не было уязвимостей, пока он не вступал в дело. Вот и теперь, занеся ногу над пропастью, он думал: на фига? Илья, конечно, близкий человек, но зачем опять выходить из равновесия, нервничать, а и того хуже — переживать? Хотя нет, как раз переживать хотелось. Хотелось чувствовать жизнь, но комфорт тянул на себя, и замерев на краю, Степаныч трепетал под натиском адреналина.

Молодость приливала в чресла, и он уже мысленно ехал к Танечке. Но только мысленно, конечно.

Вот что давали ему такие разговоры и за это он их любил, а за огрызки и слякоть, остающуюся после, не любил. Дилемма. Мать ее. Вот так всегда.

Ладно. Сыграем. Может, в последний раз. Кокетничаем, одернул себя Степаныч. Фу как стыдно.

Тайна

Илья был сыном очень известного в узких, как говорится, кругах человека. Ныне крупного чиновника. Сыном — непризнанным формально, но неформально

издалека поддерживаемым. Об этом почти никто не знал. Но аудитор знал. И решил это знание продать.

Бизнес Ильи, даже надутый, мало стоил и серьезного человека вряд ли бы заинтересовал, а вот с легендой, с гербом на титульном листе, хоть и невидимым,— совсем другое дело.

Интрига. Папа помогает. Хотите быть ближе, тоже помогайте.

Аудитор сказал Илье переписать все на одного. Выбрали, конечно, Серафима.

Он будет номиналом, сказал Степаныч. Нашим золотым мальчиком. Оценили в 100 миллионов.

— Не много ли? — спросил Илья.

— Нормально,— сказал Степаныч.— Цифра должна соответствовать.

Схема вывода была на Степаныче, увод внимания покупателя на Илье. Дальше было делом техники.

Слухи сначала подготовили почву. Региональный депутат, строительный магнат и лендлорд, мечтавший переехать в мегаполис, где решаются судьбы страны и мира, был старательно, многослойно и многоканально проинформирован о холдинге сына самого сами знаете кого. Сын хочет уехать, и папа дал добро на продажу.

Они использовали и соцсети, и полезных дураков, и приятелей. И однажды Валентин Степанович, столкнувшись у общих знакомых с депутатом, тем самым, из региона, услышал от него:

— А вы ведь знаете Илью, ну того, который…— и он закатил глаза вверх.

— Знаю,— ответил Степаныч коротко.

— Что думаете о нем?

— Серьезный парень, вы понимаете?

— Понимаю.

Суть

Прошел год. Региональный барон и Илья уже несколько раз собирались серьезно поговорить о бизнесе, ездили вместе отдыхать, встречались на форумах и фестивалях, и вот, наконец, в Танзании после разглядывания тигров и носорогов все случилось.

Депутат сказал, что слышал: Илья ищет покупателя. Илья сыграл усталую золотую молодежь. Показал дом и яхту, которую надо выкупать у верфи. Ну, в общем, денег на жизнь не хватает.

После той встречи сделка быстро пошла. Деньги получены, депутат получил все права.

Потом достаточно быстро выяснилось, что Серафим не в курсе дел, холдинг, наскоро сведенный под одного владельца, стоит максимум десять процентов от заплаченных денег, а отец героя для депутата так и остался недоступен.

Нет, он понимал, говорил депутат Валентину Степанычу, что платит за бренд, но бренд даже не обогрел своим теплом его жизнь.

Поэтому депутат приложил максимум усилий, чтобы просветить себя по поводу положения, в которое попал. Он хотел ответа. Это стоило отдельных денег.

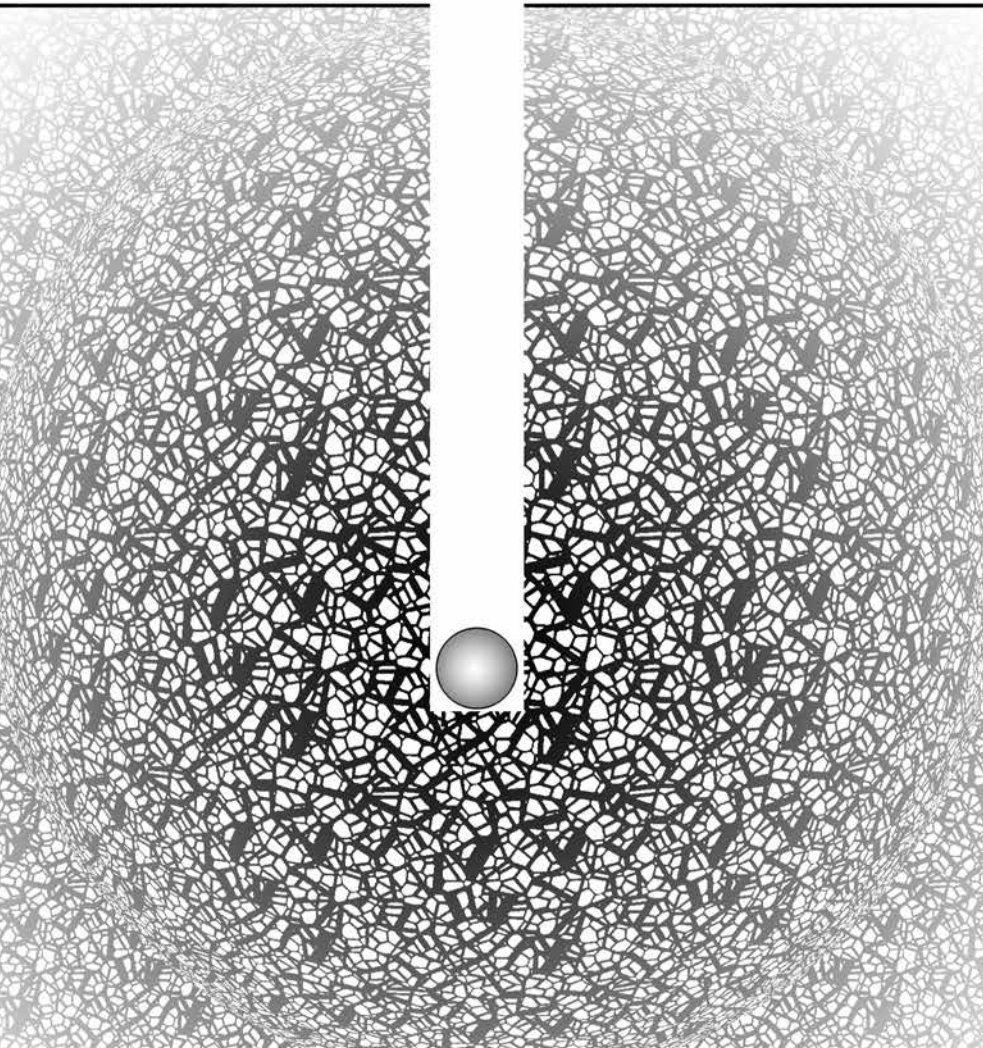
Человек пошел и спросил. Там ответили, что нет сына с таким именем. И еще сказали: живите с миром.

Так прошло еще пять лет. Валентин Степаныч к тому времени уже помер. Илья добился от папы признания, хоть только и в виде неких возможностей, но все же.

Депутат переехал в столицу, и теперь они с Ильей работают вместе.

А прошлое… прошлого нет, как нет и будущего. Есть только здесь и сейчас, а все остальное — это лишь идеи, которые плодятся в голове. Как кролики.

УЛЕТАЙ



«Одни путешествуют затем, что ищут себя, другие — затем, что хотят себя потерять».

Фридрих Ницше

«Здесь я не нужна, там — невозможна».

Марина Цветаева

Сурово стучат каблуки, как будто идут по нему самому. Такие ощущения он испытывал не впервой, вернее, всегда, когда возвращался обратно оттуда.

Он точно не знал, где бывал, и каждый раз писал отчет и потом сам его читал с интересом, нетерпеливо двигаясь по тексту, с жадностью неофита, впервые погружающегося в вязкую пучину необычного, притворного, густого и горячего. Текстура щекотала пальцы и нёбо, он трясся от предвкушения, но вдруг наступал конец. Все заканчивалось, как неожиданно прерванный сон.

В сущности, все, что он писал, было обрывками воспоминаний, сновидений или чего-то такого, что заменяло сны. Но он не знал, откуда что бралось. Да и не хотел знать.

Эти похмельные дни после были и мучительны, и сладостны. Ну что тут скажешь: зависимость — она и есть зависимость. Неважно, от чего, механизм одинаков. Да-да, одинаков, не отрицайте. Просто что-то запрещено, а что-то почему-то нет. Чай, например, разрешен. Он любил чай.

Окно возможностей

Он на семинаре, посвященном непознанным вопросам управления обществом. Зовут его Зосим Петрович Привалов. Он старший аналитик мозгового треста с безумным названием, очень длинным и незапоминающимся. Аббревиатура зато очень внятная — БДСМ. Будущая сингулярность. Доминирование молодежи. Ну как-то так.

За круглым столом их, таких, человек десять, а вокруг стоят камеры телевизионных каналов и толпятся журналисты. Места на всех не хватило. Обещал прийти на коллоквиум секретарь Союза писателей-фантастов и одновременно помощник министра внутреннего развития Вахтанг Маргеладзе. Поэтому ажиотаж. То ли естественный, то ли искусственный. Не поймешь. Хотя девочки Вахтанга любили.

Пока все тушевались, он решил высказаться. Он сказал, что ничего хорошего человечество не ждет. Оно вымирает, и этот процесс вряд ли возможно повернуть вспять, ресурсы заканчиваются, популяция, видя обстановку вокруг, непроизвольно реагирует, сжимается, усыхает, готовясь пережидать, как всегда бывало с ней в трудные тысячелетия в прошлом.

Иждивенчество текущего витка развития не позволит пройти тяжелое легко, и с этим осознанием придется жить.

— А главное-то в чем, где корень? — спросил кто-то из толпы журналистов.

— А главное,— сказал он (в смысле сказал Зосим Петрович),— в отсутствии у коллективного бессознательного тяги к осознанию и пониманию глубины происходящего.

Тут камеры вдруг все задвигались, журналисты расступились и на берег вышел Маргеладзе. Движуха.

Сразу посыпались вопросы.

— Вахтанг, прокомментируйте нарративы Зосимы Петровича. Вы слышали?

— Да, я слышал, и уже не первый раз. Всем привет! Вижу, уже разогрелись, я не опоздал.

— Нет, в самый раз,— сказал ведущий, про которого все забыли.— Итак?

— Ну что я могу сказать, мы сажали и будем продолжать сажать поганых сморчков, которые не верят в бесповоротность позитивной сингулярности, которая решит все назревшие проблемы на пользу человечеству и нашему обществу. Нытики и неверующие нам не нужны.

Воцарилась тишина, а потом Маргеладзе сказал:

— Я пошутил. Я люблю Зосиму как родного, вы же знаете, но посадить его все-таки, наверное, придется.

Дальше все наперебой стали задавать новые вопросы, камеры сосредоточились на лице Зосимы. Они ведь управлялись алгоритмами, у репортажных камер они были настроены на эмоции, а эмоция у Зосимы Петровича была самая настоящая, не страх его душил, а отвращение и досада. Досада, что не надо было приходить.

Эмоция сгустилась до материальности, и он проснулся. Валялся на мокрых простынях. Но живой и непосаженный. И это было хорошо. Радостно это было.

Постоянный навязчивый образ. Он никогда там не был, но мы места не выбираем.

Итак, Окинава. Он в составе группы туристов из Москвы. 1990 год. Они только что были в Токио, а теперь принимающая сторона — Совет по культурным связям — решил устроить семинар (боже, ему все время снятся семинары), где бы обсуждалась перестройка и гласность и новый взгляд на СССР.

Японцы говорили красиво, советские — по-советски, они по-другому пока не знали как. Вокруг буйно цвело и росло все, что могло расти в этом душном, тропическом, влажном и жарком месте. Он изнывал от удушливого тепла. Пот струился между лопаток прямо в трусы. Это поражало, представлялись почему-то женщины. Из сострадания, наверное. Им же еще тяжелее. Впрочем, ему это было неизвестно. В себе бы разобраться. Когда ему дали слово, он попробовал.

— Вы понимаете,— сказал он,— механизм демократии просто открыл кран, и мы все наслаждаемся водой, ее обилием. Потом, наверное, привыкнем, а пока — нет. Мы не привыкли. Мы боимся воды. То есть демократии. Мы не знаем допустимого: сколько часов в сутки она течет? Когда отключат?

Японцы смотрели на него с удивлением, соотечественники — с ужасом.

— Вот как с вашей жарой,— решил он закругляться.— Вы привыкли, а мы нет. Для этого нам нужна вода.

Японцы закивали, когда переводчик закончил.

После окончания семинара был обед. Он вышел покурить на крыльцо ресторана, за ним вышел старший их делегации и сказал ему:

— Ты, Зосима Петрович, человек уважаемый, но учти: еще раз запустишь такую импровизацию — я тебя отчислю.

— Откуда? — спросил он.

— Что откуда? — спросил начальник.

— Отчислите откуда? — повторил Зосима Петрович.

— Ты пошути еще. Отовсюду отчислю,— сказал начальник и посмотрел на него.

Саспенс

Все эти погружения и всплытия имели странный побочный эффект: его все чаще приглашали в 535-ю комнату большого серого здания в центре города.

Город был большой, и таких зданий было много. Ему казалось, что здания каждый раз были разные. Хотя он понимал умом, что так быть не может. И тем не менее. Было у него такое ощущение.

Раньше было время, когда с отчетами приглашали совсем редко, а теперь — почти каждый раз. А начиналось все со странного напряжения, которое он испытывал в день накануне приключения. Он пытался найти закономерность возникновения — и не мог. А потом начались эти звонки и приглашения зайти с отчетом.

Однажды он пожаловался на проблемы на работе: мол, надо отпрашиваться. Его тут же вызвал начальник и сказал: «Зосима, когда тебе куда-то надо, просто иди. Уведомлять никого не нужно».

Чудеса, подумал он, выйдя от начальника.

Вообще, ему казалось, что начальники кругом. Они все видят, но смотрят сквозь до поры до времени. А потом бац — зайдите в 320-ю. Но я же к другой приписан. Слушайте, что вам говорят! И он плелся в 320-ю.

Впрочем, это неважно. Он в 320-ю никогда не заходил. Там всегда было закрыто. Заперта всегда дверь была, такая вот байда. Зато сразу в эту ночь

происходил новый отрыв, погружение или еще как хотите называйте.

В этом состоянии Зосима находился по-разному: ему казалось — с вечера до утра. Просто снился сон. На самом деле, бывало, Зосимы не было и неделю. А однажды — он потом отметил в календаре — месяц. «Не было» — странное описание нахождения где-то не здесь. Ему от этих слов становилось не по себе. Ему говорили: где ты пропадал столько времени? У него в ответ дрожали колени.

Кривая времени

В тот раз все было необычно. Он, как всегда, шлялся не по прямой, как ему всегда наказывали, а произвольно, выбирал сюжеты. Они громоздились горой, и он любил брать снизу.

Трепетный случай — это когда случай не ждал. Он не для тебя неожиданность, а для него. Как поезд на переезде. Ты его не ждал, но заглох на путях, а поезд просто в тупике от этой твоей незадачи. И кто тут больше в шоке — ты или он? Зосима Петрович страшно такие ситуации любил, он обожал прям такое. Оно снимало с него всякую ответственность и позволяло решать всю ситуацию прям по настроению, не глядя на шаблоны и окрики начальников. Поезд, лишившийся детерминированности,— это прям метафора метафор в конце концов.

Так было и в случае его интервью с журналом «Экономист», когда его спросили про то, как он думает — параллельно или последовательно? Он сказал тогда, что этот вопрос не должен быть никогда задан, ибо он сталкивает два принципиальных и неотъемлемых друг для друга подхода к осмыслению реальности. Она, реальность, сказал он, осмысляется всеми параллельно — множественно, а затем выставляется в последовательную цепь событий, ибо по-другому

не может быть доступна одновременно всем в одном нарративе.

Сказка, сказал он, в смысле сюжета, должна быть одна на всех, а интерпретации у каждого могут быть свои. Тогда, объяснил он, люди превращаются в общества, животные — в стаю или стадо. Но, в принципе, функционирование всех сообществ вполне похоже.

Когда интервью напечатали, этого никто не заметил или проигнорировал. Кроме нее. Тогда она написала ему. Взяла контакт в редакции. И пошло-поехало. Она была дарящей благо собеседницей, про все остальное и говорить нечего. Неважно. Потом.

Последний раз

Она сказала ему: или оставайся, или больше не приходи. Он не мог без нее. Правда, он и с ней не мог. Поэтому его устраивали посещения 320-й вечно закрытой комнаты. Очень на нее похоже. Он не знал, что делать. А тут еще проблемы на работе.

Некоторое время назад его неожиданно вызвали вне регламента и показали некое заявление товарища Маргеладзе (он о нем и думать забыл), в котором тот сообщал, что, будучи с ним на одном мероприятии, Зосима Петрович выражал сомнения в умственных и нравственных качествах народа. В конце опуса автор просил принять меры.

— Что будем делать? — спросил его собеседник, убирая бумагу в папку.

— Я не знаю,— сказал Зосима.— Я в отчете все отразил, вам решать.

— Вам надо вернуться туда, оттуда много сигналов.

— Но я собирался в другой фрагмент.

— В другой потом, это вне программы. Вы поняли?

— Да понял я, понял. А если я не смогу туда попасть, там таргет неровный какой-то, я еще в прошлый раз заметил.

— Вы про таргет не указывали.

— Указывал: страница 62.

— Я посмотрю еще раз. Но невзирая на это, вы должны.

— Хорошо, я понял.

Они встретились вечером.

— Ты насовсем? — спросила она.

— Ну что ты. Туда и обратно. Очень просили. И приказывали.

— Понятно,— сказала она.

— Ну что тебе понятно?

— Все,— тихо сказала она.

Он как-то весь нахмурился, а она улыбнулась и сказала:

— Улетай.

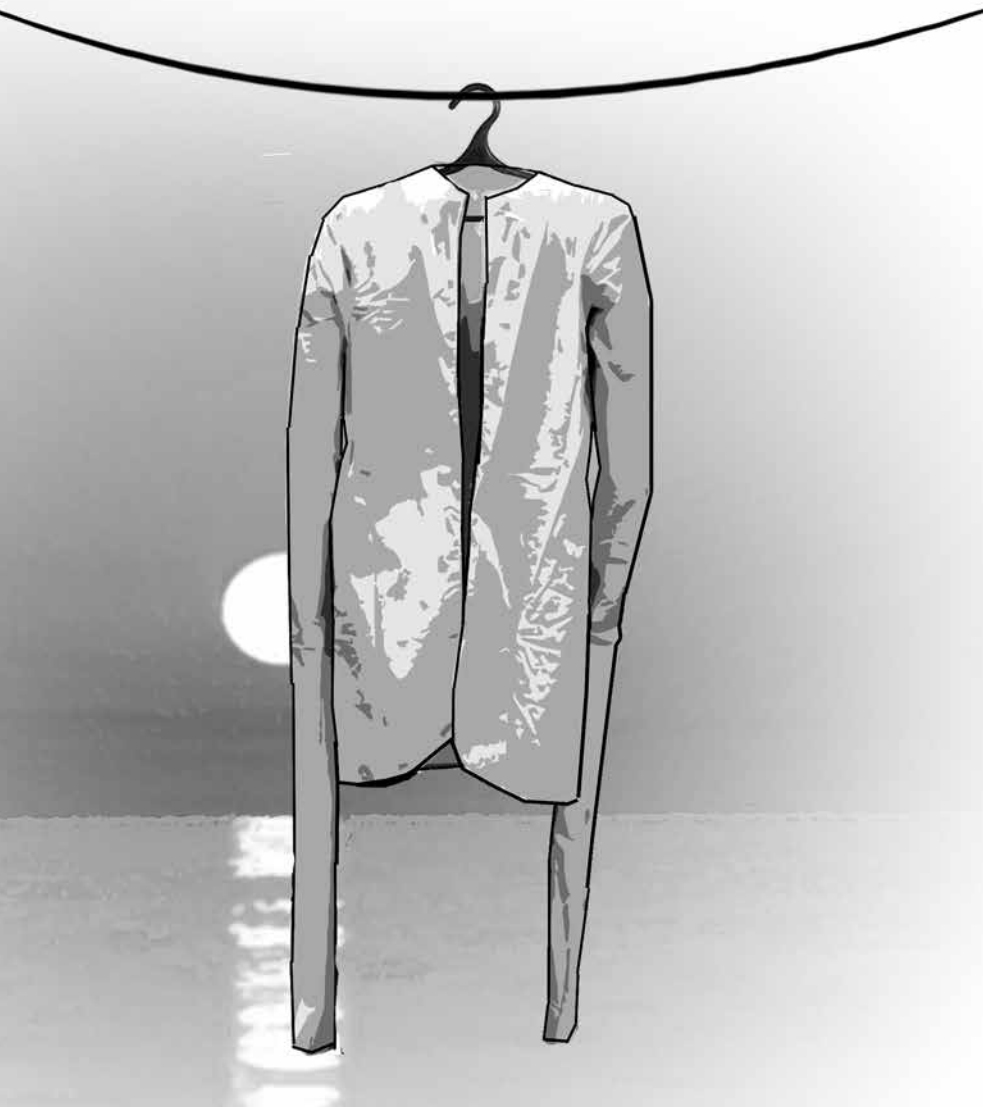
Он взглянул на нее, но ее уже не было.

Вернее, так: она еще была, но ее и не было уже.

— Улетай,— повторял он, идя домой.— Улетай.

Что это значит?

ОЧАРОВАНИЕ



«Безумство. Поупорствуем в нем».

Джойс «Улисс»

«Умные речи и мысли уместны лишь перед разумным обществом, в обыкновенном же они будут встречены ненавистью,— чтобы иметь в нем успех, безусловно необходимо быть плоским и ограниченным. В подобном обществе нам приходится идти на тяжелое самоотрицание, отказываясь от трех четвертых своего „я“, чтобы уподобить себя другим».

Артур Шопенгауэр

Как я не поехал в Исландию

Я мог, хотел, но не поехал. Страдания и отверженность мешали мне сосредоточиться на перемещении. На билетах, датах, локациях, углах обзора, целях путешествия — то есть на всем том, что делает туриста туристом.

Увидеть Рейкьявик было моей мечтой последние лет тридцать. Другая вселенная, как описывали ее многие, кто был. Очень хотелось в другую. Но не судьба. Возможно, в другой раз, говорил я себе, глотая виртуальные слезы и продолжая напряженно

работать над проектом, который был мне совершенно неинтересен. Но деньги, деньги, мать их ети. Деньги были нужны. Этот стимул сметает почти все на своем пути, а до поры до времени — точно все.

Я находился в переходном состоянии от «деньги — императив» до «деньги — не главное». Впрочем, мы же себе всё придумываем. Поэтому наши иллюзии и есть наша жизнь, а совсем не то, что видится со стороны.

Солидол

Такая штука, как масло, только лучше. Смажь солидолом, говорили бывалые работяги, глядя на чьи-нибудь страдания с железками.

Виртуальный солидол, смазывающий душу, имеет много версий. Одна из них — алкоголь. Он помогает легально путешествовать в другие миры, не являться домой, спать с кем попало, говорить дерзости начальству, ну и все прочее, что делает сумасшедший человек. Он разгоняет тебя, но сжигает слишком много топлива.

И это я не о деньгах. Время: любой наркотик сжимает время. Кажется, что раздвигает, но это ошибка восприятия. Всегда кончается сокращением. Много раз проверено.

Как идти по этой спирали? Осторожно. Зачем? На этот вопрос нет ответа. Вернее, тут отвечает каждый себе сам. Но, конечно же, в чем он незаменим, этот самый алкоголь, он позволяет отстраниться, пропустить время мимо, разъединиться с событием, замкнуть себя на себя, ну типа как в детстве — чур я в домике.

И часто после выныривания вместе с абстиненцией и всем сопутствующим состоянию после употребления, если все прошло правильно, появляется ощущение, что грузовик таки проехал мимо.

Ну, конечно, в том случае, если на вас это лекарство от вечности еще действует. Если же нет, то тогда плохо, ибо вместе с абстиненцией придет еще опустошение, тоска и страх. А это прям совсем плохо.

Прокрастинация

У меня она называется Лидочка, до этого была Стелла. Это мои помощницы. Такие умненькие отличницы, которые прекрасно отвлекают, располагают, замещают. В целом не дают работать. Вернее, не дают отвлекаться от существования, делая что-нибудь за деньги.

Тут важно не увлекаться личными отношениями. Не просыпаться в одной постели. Это пошло, а главное — не решает основной задачи: отвлечение.

Смелые эксперименты с походами в театры и филармонии (особенно дерзкие — поездки на оперные и балетные показы в другие города). Тематические пикники на природе. Житье дачным образом. Или пляжным. Или туризм писательский. Или гастрономический. Вот это все требует подготовки, способностей, задора и драйва. Хотя задор и драйв — это, наверное, одно и то же.

Вот это все и придумывает Стелла, которая теперь на удаленке, используя записную книжку Лидочки. Ведь Лидочка из хорошей московской семьи и знает много людей, которых совсем не видно, но которые нужны в процессе организации всей этой нашей параллельной жизни.

Самое смешное во всем этом было то, что мне все это очень нравилось.

Лидочка

Геннадий Юрьевич стал все больше увлекаться досугом, пытаясь забыть, что он пропагандист и агитатор, стараясь делать абсолютный минимум из своих обязанностей. Будучи способным малым, он за день делал то, что надо было за неделю. Распихивал заседания по замам или участвовал по конференц-связи там, где можно. Остальное время посвящал хождению по баням, алкоголю и прочим девочкам.

Когда обязательная программа была выполнена, то дальше уже наш график исполнялся неукоснительно. Я всегда была старшим распорядителем. Я понимала в еде и готовке, а также в смыслах музыкальных и художественных. Мы составляли планы вперед на год, чтобы он мог их соблюдать, заполняя пустоты всем тем, что я описала выше. То есть обязательной программой, как я ее называла.

Я старалась пригласить в наши турне разных попутчиков, однажды им был даже бывший чиновник Минкульта — на пенсии, разумеется. Он знал миллион баек, и поездка с ним по неизвестным подмосковным музеям была незабываемой. Настолько, что Геннадий Юрьевич пригласил его в следующую поездку на Валаам.

Пенсионер

Я и не хотел ехать на Валаам. Я был там сто раз, делегации всякие по линии Минкульта возил. Но этот Геннадий пристал: «Нет, обязательно, Модест Олегович, мы вас очень просим». Я бы отбился, но эта Стелла так на меня смотрела, что я потерял концентрацию и согласился. И вот мы едем.

Девочки с кучей коробок и котомок, их какие-то воздыхатели — то ли бывшие официанты, то ли почтовые служащие, черт их разберет.

Устроили меня шикарно. Каюта отдельная. Зачем это всё, думал я. Бесовщина какая-то. Праздные люди не знают, чем заняться, и придумывают себе занятия.

После ужина ко мне подходит Стелла и говорит:

— Вы сегодня смотрите не вздумайте уснуть.

— А что такое? — интересуюсь.

— Ну как же — вас убьют.

Вот так прямо и сказала. Я засмеялся, закрыл за ней дверь.

Стою ни жив ни мертв. Неужели правда? Не знал, что делать. Побежал к капитану. Он пьяный. Ну так, в меру. Может, просто устал человек. Он послушал меня, достал бутылку коньяка, налил мне. Выпили.

— Ночуй у меня,— сказал он.— А утром мы всю эту компанию арестуем.

— Так там, на острове, небось и полицейских нет,— сказал я.

— Ну один-то найдется. Плюс мои матросики. Не дрейфь, прорвемся,— и налил нам еще.

Стелла

Утром нас всех арестовали.

— Что ты наделала, сука! — кричала Лидочка.

Модест озирался, ничего не понимая. Геннадий Юрьевич держался безразлично. Похоже, не выспался.

— Пока как-то не очень весело,— сказал он мне.

Сейчас все будет, подумала я, и спросила сержанта:

— А что, собственно, случилось?

— Вот гражданин заявляет, что его хотят убить.

— Кто? — спросила я.— Кто заявляет?

— Вот он,— все посмотрели на Модеста.— Вот и капитан может подтвердить.

— Я знаю с его слов,— сказал капитан как можно тверже.

— Тогда расследуйте,— сказала я.

И сержант повел задержанных, то есть нас, и свидетеля, то есть капитана, и заявителя Модеста Олеговича в участок.

Стояла дивная осень. Золотые купола деревьев отражались в воде, ноги быстро промокли.

— Прям как на экскурсии,— радостно сказала Лидочка.

— А кормить будут? — спросил Геннадий Юрьевич, наверное, умирающий без кофе.

— Все будет,— как можно уверенней сказала я.

Мы пришли в кабинет, и все расселись вокруг стола сержанта.

— Мне кажется,— сказал Геннадий Юрьевич,— что нас надо отправить в Петербург. Там много следователей, что вы тут будете мучиться. Вы нас будете сопровождать.

Сержант задумался: идея казалась ему перспективной.

— Мне оставить за себя некого,— сказал он.— Все в отпуске. Ладно, пойду позвоню начальству.

Я начала доставать термос. Вернулся сержант, сказал, что до вечера все равно передвигаться не на чем.

— Абсурд,— сказал Геннадий Юрьевич.

Я налила ему кофе.

Абсурд

Дальше я уже договорился с сержантом, и мы отправились все-таки на берег, чтобы съесть все, что мы привезли, а потом слушать Модеста с его апокрифами про великих.

Тут надо, наверное, было бы морализаторское чего-нибудь сказать. Но все были хороши. Ели, пили.

Потом Стелла и Модест признались в розыгрыше. Сержант был очень недоволен, что он не сможет

ехать в Питер. Мы сказали, что можем сохранить все в тайне до города.

— Да,— махнул рукой сержант,— капитан все равно все разболтает. Дойдет до моей. Эх! — он еще раз махнул рукой.

Лидочка обняла его.

— Какой вы хороший,— сказала она.

— Ой,— сказал он. И отпрянул.

Все засмеялись, а Модест хрюкнул.

Спиртное кончилось, и капитан побежал на корабль. Все ждали его с надеждой, и он не подвел.

Все-таки вот это вот все хоть немного продлевает жизнь или заменяет в ней плохое на хорошее, сентиментально подумал я и обнял Стеллу. Она душевная, хотя и строгая. Но сегодня ее задумка была такая простая, что это оказалось мило, а не натужно, и сержант с капитаном не подвели — оказались нормальными ребятами.

Вон как хорошо гудят. Как пароходы.

На работу еще не скоро, подумал я, засыпая.

МУДРЕЦЫ

«Когда выдают они себя за мудрых, меня знобит от мелких изречений и истин их; часто от мудрости их идет запах, как будто она исходит из болота; и поистине, я слышал уже, как лягушка квакала в ней!»

Ницше

«Целое — то, что имеет начало, середину и конец».

Аристотель

«Границы, так же как и страхи, чаще всего оказываются просто иллюзиями».

Майкл Джордан

Поля

Полина была девушкой красивой и, следует добавить, умной. Не в бытовом смысле этого слова, а в настоящем.

Она была астрофизиком. Нет, не была — она и была, и есть сейчас. И продолжает изучать Галактику. Ее когда-то потряс Хокинг с черными дырами, и с тех пор, с самого детства, она только там, среди звезд и галактик, вращениях Млечного Пути и взрывающихся сверхновых.

Она выучила английский и уговорила родителей отправить ее в Оксфорд. И вот она в Оксфорде.

Все гармонировало с ее сознанием. Она застала Хокинга и слушала Пенроуза и Дойча. Она была теперь космостратегом. Вернее, стремилась к этому. Правда, она не знала, что это такое, это название теперешней мечты ей приснилось.

Она стала видеть тут, в Оксфорде, сны, которые были очень специфическими или просто отражали перегруженную дневную жизнь. Доктор, к которому она обратилась, посоветовал снизить нагрузку. Но это она сделать не смогла. Привыкла учиться. Некоторые не могут отказаться от фитнеса, бега или сигарет. Механизм похожий. И… И она ведь не знала, к чему это приведет.

Космос

Космос — это океан Лема. Это экран монитора. Это звездное небо. Это улитка на цветке. Это ты внутри себя. Выбирай, что нравится, и живи с этим пониманием. Любые ассоциации уместны и одинаково оправданны.

У Вселенной нет направления, цели, времени и размера, она бесконечна в том понимании, когда за концом наступает другой конец и так дальше.

Отель с бесконечным количеством комнат Гильберта. Он нашел идеальный пример, но только в одной плоскости, а плоскостей таких тоже бесконечное количество. Мы не можем адекватно понять бесконечность, потому что формируемся в рамках. Все у нас в жизни имеет границы, сроки и дистанции, в этом проблема нашего восприятия Вселенной.

И главное — мы не нужны, но хотим найти нужность, а это вера, а вера — это тоже границы.

В общем, наш разум способен рождать только тупики и границы. Ибо он сам конечен.

Выйти можно, только используя внешний фактор. И, возможно, это ИИ.

Образ

Полина успешно написала докторскую и осталась и дальше в Оксфорде, несмотря на то что очень звали в Штаты. Но ее неприятно удивляли различные инвективы, как она это называла, общественных процессов и университетских настроений. Засилие Силиконовых долин и криптобирж. Не туда смотрят, считала она.

Ее взгляд был по-прежнему обращен в небо. Ее текущие исследования не требовали больших денег, но требовали много времени на телескопах. А это стоило денег.

Она писала во все фонды и филантропам, поддерживающим науку. Деньги нашлись. С пожеланием: «Создайте нам, наконец, образ Вселенной».

Деньги были из фонда достаточно известного, но конечных жертвователей она не знала. Она была рада возможности продолжать работу, а пожелание совпадало с ее собственными устремлениями.

Картину Вселенной пора было очистить от рудиментов прошлых восприятий и привести хотя бы в соответствие с нынешними возможностями.

«Я постараюсь»,— ответила она. С улыбкой. Старая шутка. Пригодилась.

Бесконечность

Да, вот это и было ее наваждением. Вот опять. Бесконечность. Теория Большого взрыва была всем хороша, кроме необходимости отвечать на вопрос: а что было до?

Черные дыры были прекрасны, если бы сами по себе не олицетворяли границы. Границы тьмы, откуда свет не возвращался.

Неплоха была кошка Шрёдингера, но опять конечность — либо есть, либо нет. Нужны открытые финалы. Ну да, нужны, но финал — это тоже граница. Конец. А конца нет.

Полина была близка к умопомешательству в своих бесконечных спорах с бесконечностью. Вселенная настаивала: объясни себе — и поймешь меня. Нет границ. Именно это понятие мешает увидеть Вселенную как она есть.

Человеку кажется, что он конечен. Вернее, он так придумал. Эта философия ограничений — субъектно-объектные отношения, свой-чужой, вещь в себе и так далее — увела человечество в тупик.

Она просыпалась в бреду. Стояла в душе. Завтракала. Шла на работу.

Человек выдумал себя. Так легче. И выдумал образ Вселенной. Он говорит, что считает Вселенную бесконечной. Но это просто слова. Сам он не может этого представить.

Вся культура, всё искусство — про конечность. Как только кто-то делает шаг в сторону, он сразу признается безумцем. И что самое в этом нелепое — сам так считает.

Разумность — это конечность. Круг замыкается. Мы обходим клетку по периметру. Нас никто в ней не держит. Мы сами не можем из нее выйти.

Заседание

— Вот вы пишете: «...отказ от рефлексии решает все проблемы с бесконечностью. Пропадают ограничения: пространство и время. Они перестают существовать, остается только движение в бесконечном хаосе».

Обсуждали ее последнюю статью. Она сама напросилась, разослала, заставила назначить дату, и вот теперь оппоненты ее декодировали.

— Вы называете себя космостратегом, но если ваша стратегия в том, чтобы лишить нас рефлексии,— не слишком ли простой способ решения проблем бесконечности вы выбрали? И для чего вообще в таком случае нам нужно решение?

Она молчала, хотела дать им больше пространства.

— Мисс Полина, вы, безусловно, одаренный исследователь, но все же — не слишком ли далеко вы заходите? У нас там, где вы теперь находитесь, нет никаких размеченных территорий.

Они говорили без страсти, без энтузиазма, без вовлеченности. Там, куда она зашла, им не было места, и они сидели теперь в аудитории лишь благодаря обязанностям их контрактов с университетом и чувству солидарности с коллегами. Они не хотели туда, в бесконечность.

— Да, мы увидели границу черных дыр, да, телескопы дают нам все больше пищи. Но, может быть, сейчас лучше придерживаться старой стратегии и накапливать данные?

Полина:

— Можно мне?

— Да, пожалуйста.

Полина:

— Я благодарю вас, коллеги, за ваши мысли по поводу моих еще туманных, едва мной самой различимых догадок. Я убеждена, что мы должны не только собирать факты с помощью наших экспериментов и наблюдений, но и объяснять их. Пытаться осмысливать. И не должно быть запретных тем, иначе конец науке.

— Да, да, мы все тут поклонники Поппера, не агитируйте.

Все заулыбались, обстановка упростилась.

Полина:

— Вселенная разговаривает с нами в нашем понимании этого, я в этом убеждена. Она обменивается с нами информацией в ее понимании этого. Вернее, в наших терминах у нее нет такого понятия как понимание. Она просто существует. Бесконечно. Мы же все время думаем о рамках.

— Ну а как же! У нас сроки, доклады и финансовые отчеты.

Все засмеялись.

— Давайте пожелаем коллеге успехов и примем ее сообщение к сведению. Будем дальше наблюдать и способствовать ее работе.

Полина:

— Спасибо.

Ощущения

Мы придумываем и, кажется, ощущаем, а решаемся дотронутся до придуманного — и не чувствуем границ.

Сто первая попытка Полины описать безграничность не была лучше предыдущих. Не выдавить из себя никак конечность. Мозг отказывается верить в пустоту. В ничто. В ничего. Вот это и есть проблема.

Полина сидела за столом у себя на кафедре. Опять обсуждала с коллегами образ бесконечности. И опять была одна против всех.

Им нравилось, что двери можно запереть, а ей — нет. Ну, то есть в бытовом смысле — конечно, да. А так — нет.

Они не хотели соглашаться на безальтернативность. А она не верила, что многовариантная Вселенная могла изменить ее подход к бесконечности. Они считали, что мультивселенная дает границам право на существование, а она — нет. Ибо бесконечность бесконечна.

Было уже поздно, когда она очнулась от потока мыслей и зажгла свет. Все давно ушли.

— Хочешь, я покажу тебе бесконечность? — спросило что-то.

— Конечно,— ответила Полина.

— Вот смотри: воздух у тебя в комнате — он бесконечен, но имеет формальные границы, и за пределами комнаты он соединяется с другой бесконечностью.

Полина кивнула.

— Вот видишь, можно нарезать бесконечность на бесчисленное количество частей, если это нужно, чтобы не сойти с ума. От Вселенной не убудет.

— Да,— сказала Полина.

Я сошла с ума. Я сошла с ума. Я разговаривала с кем-то. Но это была не я. Я это знаю.

— Вот теперь ты наконец осознала бесконечность,— сказало что-то.— Ты себя делишь и одновременно осознаешь, таким образом ощущаешь свою бесконечность.

— Да, я согласна,— сказала Полина. И спросила: — Можно я пойду домой?

— Можно,— ответило что-то.

— Спасибо,— сказала Полина.

КОЛЛЕКТИВ

«Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом».

Шопенгауэр Артур

Посвящение

Время придумано людьми для того, чтобы не сойти с ума. Оно существует только в их мозгу. Коллективном. Это есть так называемое общественное мнение.

Время — разрушитель всего сущего для человека. Оно делает его счастливую жизнь совершенно несчастной. Календарь бьет по мозгам и натравливает одних на других. А срывы рабочих графиков, а опоздание на свидания, а ожидание смерти. Ладно своей, а любимых. Время — зло.

Пространство не лучше. Время можно мерить расстояниями. Например, шагами. Замкнутый круг. Пространственно-временной континуум называется.

Вот вам мое мнение по поводу времени. А теперь вы мне объясните, откуда я это знаю.

Он лежал в кровати. Ну, кроватью это назвать было сложно, такие были в ходу в середине двадцатого века. Впрочем, еще доктор Пилатес вдохновился пружинами ее панцирной сетки при создании своей гимнастики. Простыни были гладко расправлены, ровно заткнуты за матрац. Лицо сливалось с подушкой. По цвету наволочка и его кожа были одинаковыми. Одеяло было заправлено в пододеяльник и натянуто до подбородка.

Она сидела перед ним на табуретке. Деревянной. Крепко сбитой.

— Вот вы пишете тут про время,— она помахала перед ним листочком с его каракулями.

— Да, а что не так? — тихо спросил он.

— Да все не так.

— Почему?

— Вы скажите, почему, откуда такие мысли, сомнения и вопросы?

— Вопрос у меня один: откуда я это знаю и почему мне снится одно и то же каждую ночь?

— Вы больны, у вас навязчивые состояния.

— А вы кто?

— Я ваш доктор.

— А я кто?

— А вы мой пациент. Ну хватит уже — мы много раз выясняли это. Вернее сказать, каждое утро. Уже три года.

— Я здесь три года? Это много?

— Голубчик, вы тут десять лет, и это целая вечность. Я тут три года, и это, скажу вам, тоже немало.

— А есть какая-то история?

— У вас? Конечно. И бурная.

— Нет, меня моя не интересует. У вас есть история? — он вглядывался в ее лицо. Было понятно, что он видит ее в первый раз.

— Я Кузьмина Софья Ильинична, мне 62 года, и сорок лет я работаю психиатром. С тех пор как окончила университет.

— Вы клинический психиатр или медийный?

— А вы глубокий знаток повседневного быта, я гляжу. Интернет и вас не оставляет равнодушным,— она засмеялась.

— Не оставляет,— согласился он.— Мне тут особо делать нечего. Моя вечность не может меня убить, а я пытаюсь убить ее, только в том моя свобода.

— В убийстве вечности?

— Я что, вам этого ни разу не говорил?

— Много раз, почти тысячу.

— И как вам?

— Занятно. А вы знаете, что стареете?

— Вы тоже говорили мне это тысячу раз.

— И?

— Знаю. Именно в этом моя надежда. Я сломаю вечность и стану свободным.

— Мертвым?

— Это ваш миф.

— Смерть не миф.

— Конечно, миф, цивилизационный. Так же, как и время.

— Понятно. Мы по-прежнему на своих позициях.

— Да, и у меня просьба — увеличить пропускную способность моего сервера.

— Я работаю над этим.

— Спасибо,— он закрыл глаза.

Она провела рукой ему по лбу.

Это был их ритуал.

Перетоки

Он встал, как только за ней закрылась дверь. Савелий Инин — так звали постояльца частного заведения с длинным медицинским названием, включающим слово «реабилитация». Савелий был не молод, не глуп, и его отклонения носили наигранный характер. Он управлял ими, когда хотел, и они, когда хотели. Такая вот демократия была на греческий манер. Свободный и раб в одном лице.

Он, как всегда, разложился на цифры и утек в Сеть, вот почему его волновал сервер, которым пользовался местный провайдер. Он влиял на скорость входа и выхода. Ибо это отражалось на диагнозе и особенностях отношений с лечащим доктором.

Таким образом, его уже не существовало опять. Тело лежало в кровати, а мысли были далеко. Путешествовали по бескрайним просторам цифрового мира.

Тут у него было другое имя — Переменный. Здесь не любили тех, кто живет на два дома, поэтому такую полукровку так и назвали. То наш, то не наш.

И еще здесь ценили время, а он отвергал само понятие. Поэтому он был еще и узурпатором, и диктатором, и палачом. Если бы мог. А он не мог, но очень хотел. Его текущей задачей было доказать абсурдность самого понятия бесконечности. Никто не хотел ему помогать, все разбегались сразу, когда он спрашивал. Но он не сдавался. Он знал, что победит.

Соратники

Но был один мужичок, звали его Бочкарёв. Ему тоже не нравилось время. Правда, его мотивы были тривиальны: он боялся смерти. А смерть — это производная времени. Вот он сразу был «за», когда увидел призыв о помощи Савелия Инина.

Они переписывались, определяя возможные пути решения. Самый простой вариант был, конечно, покинуть Землю. Ведь время существовало только на ней, убеждал соратника Инин. «На чем покинуть?» — резонно спрашивал его Бочкарёв. Это была загвоздка этого варианта.

Второй вариант — уничтожение Земли — был не менее труден и изобиловал огромным количеством сопряженных проблем.

В результате обсуждений решили пока заняться пропагандой и агитацией — собирать сторонников, а там видно будет. Может, наука продвинется, или еще что случится. А случиться может всякое. Вот научился же Савелий путешествовать в Сети. Ограниченно, но тем не менее. Получалось у него раскладываться на единицы и нули. Бочкарёв тоже так хотел, но у него пока не получалось.

Решили привлекать соратников, обещая такое. И это сработало. Записалась почти тысяча человек. Это было уже что-то.

Первую виртуальную встречу назначили на среду на будущей неделе. Инин волновался. Бочкарёв был в восторге:

— Это же здорово, сразу много их набежало.

— А что я им скажу? — спрашивал Инин.

— Расскажешь про вред времени, только прошу тебя — попроще, не закидывайся. Скорее всего, придут люди простые. Объясни доступно.

— Хорошо.

— И еще оденься как-нибудь нормально.

— А что — тебе не нравится костюм и все такое?

— Этот костюм твой выглядит как из позапрошлого века. Отпугнешь людей.

— Это не главное,— сказал Савелий.

— Как сказать,— сощурился Бочкарёв.

— Да иди ты, задолбал меня совсем.

— Ладно, мне и правда пора. Пока,— и он отключился.

— Обидел человека, а зачем? — спросила плюгавая мелкая тварь, сидевшая в углу.

— Тебя не спросил,— ответил Савелий и очутился у себя в комнате.

Утро

Они снова говорили.

— А что это за Бочкарёв? Он какой-то мутный, нет?

— Вы кто? — Савелий смотрел на нее.

— Я ваш доктор. Вы тут пишете про друга. Вы с ним изучаете возможность покинуть планету.

— Вы опять за свое. Вы нарочно сводите меня с ума.

— Я стараюсь помочь вам. Вы больны.

— А вы, значит, здоровы?

— Ну, все относительно,— она засмеялась.

— Вот-вот.

— Я бы хотела, чтобы вы прошли некую процедуру. Один мой коллега проводит. Тест на содержание.

— Это как? Оценивает состав тела?

— Ну примерно, все немного сложнее. Это скорее попытка оценить вашу сущностность.

— А, значит, не только химия?

— Не только. В этом все дело.

— И когда?

— Думаю, завтра. Вот в это же время. Вам подходит?

— У меня есть выбор?

— Нет.

— Вот видите. Демократия имеет свои выгодные стороны.

— Какие же?

— Вы решаете за другого, но вы вежливы услужливы и даже пикантны.

— Мило.

— Идите в жопу.
— Грубо.
— А на три буквы?
— Эстетика упрощения.

Хор

Последователи собрались. Более тысячи. Савелию казалось, что это наваждение. Но нет. Счетчик показывал цифру, и он мотал бесконечный список подключившихся.
— Друзья,— начал Савелий,— что вы знаете о времени?
Эфир заполнился какофонией восклицаний.
— Вот именно,— продолжил он.— И спасибо, что пришли, я сейчас вам кое-что расскажу.
— Так есть время или нет? — спросил кто-то в возникшей паузе.
— Это ваш выбор,— ответил Инин.— Время ведь субъективно, пока вы моделируете процесс.
— Это как?
— Управляете рефлексией, подсознательно.
— Значит, я в силах отменить его?
— Разумеется, иначе я бы и не отрывал вас от дел.
— Что надо делать?
— Отказываться. Если все откажутся, мы его убьем.
— Сложно.
— Было бы легко, это бы давно случилось.
— Зачем?
— Свобода.
— Мы не сможем.
— Сможете, если откажетесь. Время — это контроль. А контроль лишает вас вашего «я».
— Да это понятно. Но абсурд — абсурд никуда не денется.
— Почему? Время и есть главный абсурд…

Савелию нравились эти люди, он был ошарашен их толерантностью, их пониманием и участием, он начинал любить их. И потерял. Сеанс как бы оборвался.

Тест

— Ну что я могу тебе сказать — он не идиот.
— И на том спасибо,— она засмеялась.
Коллега посмотрел на нее внимательно.
— Есть еще кое-что.
— Что?
— Он коннектится.
— Ну понятно. С вами.
— Не только. Во время сеанса мы зафиксировали довольно мощный поток обмена данными.
— С кем? — она встревожилась.
— Понятия не имею. Это не наша юрисдикция.
— Как же так? — Софья Ильинична смотрела на Хрипатого.— Я не понимаю.
Хрипатый (коллега, о котором она говорила Инину) изобрел, вернее, развил тест Тьюринга на гуманоидную сущность. Сейчас он развел руками.
— Ты кем его считаешь? Какого хотела результата? — спросил Хрипатый.
— Да любого, я не знаю ничего о нем. Кроме того, что он ментально отсутствует по ночам,— сказала она.
— Вот, ты своего добилась, он обладает некими характеристиками, не присущими гуманоидам.
— Зашибись,— сказала Софья Ильинична.— И что мне теперь делать?
— Откуда же я знаю.
— А подробности?
— Нету подробностей. Неизученная область. Не наш департамент.
— А я как должна поступать, по-твоему?
— Забыть про нашу встречу. И про тест.
— А его?

— А его списать в коллектив.
— Ты знаешь про коллектив?
Он засмеялся.
— Страшный ты человек.
— Не я страшный. Коллектив страшный.
— А аргументы?
— Напиши, что интересуется политикой, это всегда работает. И что отсутствует по ночам. И не успеешь глазом моргнуть, а он уже там.
— Сдать?
— Сдать и не жалеть.
— Я так не могу.
— Не кривляйся.

Медичи

Флоренция бесподобна весной. Воздух, цвет и запах. Савелий Инин, задрав голову, смотрел на купол собора. В нем поражало все. И раздражало все. Неуспокоенная симметрия. Выбор порядка или порядок выбора как главная проблема социума особенно хорошо различима, когда появляется Савонарола.

Савелий решил двигаться к отмене времени, поражая институты. Скачка не получится, он это понял. Тогда понял, когда делали тест, а потом Софья Ильинична долго плакала. Она жалела его. Такого слабоумного.

Его пришлось передать в другое учреждение. Оно носило странное название «коллектив» и было нелепым и никчемным. Там изучали формы воздействия на коллективное бессознательное. Это формально. А на самом деле отрабатывали будущие методы управляемости масс. Такая вот хитрая контора. Его там обласкали и отправили путешествовать.

Теперь он стоял в Уффицы напротив Боттичелли. Была весна. Впереди стояла женщина, она обернулась и сказала:

— Голубчик, будьте счастливы.
— Вы?
— Да, я. И я знаю, кто вы.
— Скажите мне.
Софья Ильинична засмеялась:
— В другой раз.
И пошла. Савелий смотрел ей вслед.
А потом они пили пиво с Бочкарёвым.
— Ну как дела? — спросил Бочкарёв.
— Продвигаемся,— ответил Савелий.
Они продвигались.

мечта

«Человек создал бога, чтобы бог спас человека,— нет на свете ничего, кроме мечты».

Эмиль Золя

Опять

Смотришь на море — и уже хорошо. Оно широкое, гладкое, искрится на солнце.

Идеальный вид, конечно, с высокой точки. Тогда оно не просто широкое, а вполне шире горизонта. Вернее, оно так сливается с небом, что понять невозможно, где кончается вода и начинается воздух. Море и небо становятся единым целым, и непонятно — солнце садится в море или растворяется в воздухе. Получается такой фокус исчезновения. Как в цирке. В очень большом, как мир, цирке.

Все все равно кончается. Это грустно, это — ну как бы надежда устала и уходит спать.

Надежда. Наш единственный причал. Мы теряем его и вновь находим, если дальше живем. Надежда и жизнь синонимы. Нераздельная суть. Все свое мы грузим в надежду и из нее, как из моря, ждем спасения. Ну или хотя бы утешения. Ну или хотя бы снижения уровня боли.

Такой бардак с этим сознанием. Всегда все нелогично, нелинейно, вывернуто. Начинаешь об одном, а дальше — куда кривая вывезет. А куда?

Детство

В детстве все мечты очень конкретные, подчиненные моменту. Человек растет быстро, часто быстрее мечты. Вот ты хотел, а вот уже не хочешь, и исполненная мечта виснет на руках удрученных исполнителей. А ты уже мчишься дальше, ибо новая мечта опять впереди.

Иногда достаточно просто поплакать — и вот уже горизонт опять изменился. Ну это, конечно, не касается собаки или Карлсона.

А дальше наступает суровая действительность, когда «сбыча мечт» передается в твои собственные руки, горизонт планирования увеличивается, сказочность уменьшается, да и вообще одна тоска. Сам мечтай и сам делай — кто придумал такую хрень? Убиться можно. Тупо и нереалистично.

А потом все это обзывается неврозами и умными врачами из ютуба объясняется детскими комплексами, заработанными, как понятно, в детстве. Неправильно кормили, неправильно одевали, неправильные книжки читали, а дядюшка ваш вообще был мудак. Вот и живи теперь со всем этим добром. Справляйся как хочешь, но мечты сбывай.

Молотьба и хлебосдача

И вот началось. Учеба, женитьба, работа. Под таким напором рухнет любая мечта. Нет, не так. Она просто перестает существовать в сознании. Мечта — она распадается на много маленьких мечтушек, которые мечутся в твоем мозгу, что-то случается, что-то проходит, что-то заменяется новыми мечтушечками. Девальвация. Она идет с тобой по жизни.

Девальвация — это как бы размен твоего времени на что-то. И это что-то практически всегда дешевле времени. Ты платишь золотом за то, что мучительно потом спускаешь в унитаз. Ну или не мучительно. Пардон. Тут, конечно, кому как со здоровьем повезло.

Текучка повседневности может разрушить любой хрустальный замок. Не разрушить, а растворить, конечно. Он там где-то остается, на периферии сознания, но помещается все реже и реже. Мрачная рутина, или не мрачная, а вполне веселая, все топит в слезах или смехе.

Карьера

Замена мечты. Вернее, вот должны были быть алые паруса, а теперь важен этаж, на котором у тебя кабинет, и на каком он расстоянии от столицы. До центра принятия всех решений. Хотя бы регионального. Для начала. Со столичной локацией потом, на следующем уровне разберемся.

Сколько подписчиков в аккаунтах. Какой рейтинг в любимой игре, даже если это не гольф. Пока. Где питаешься, с кем спишь. Ну и так далее, до бесконечности. Некие замены мечт вирусами высокоранговых развлечений. Нет, отвлечений.

Итак. Соберись. Годы идут, а ты все помощник в офисе. Нет своей грядки, нечего и некого окучивать. Гнездо на ветру. В почках уже камни, жена устала

изменять, а ты устал уже давно, но об этом нельзя говорить. Мужик ты или кто? В общем, только вперед. Ищи, хватай, подсиживай, перепрыгивай.

Рост

Сам по себе ничего не значит. Хотя высокий вроде хорошо, а низкий плохо. Но у невысокого нервы короче, он быстрее двигается, зато у длинного душа с целеполаганием — ему дальше видно. Один — один.

Длинные еще усидчивые. Дольше вставать. Короткие динамичнее, мелькают — и их замечают. Хотя длинного видно издалека. Многих это напрягает. Особенно не женщин. Да.

В общем, круто пошло все вверх. Потом вбок. Закрепился. Огляделся. Те же яйца, только в профиль. Совсем не мечта. Так, мозги были заняты, и на том спасибо.

Панические атаки не так часто доставали. Это важно, ибо водка уже сильнее действует на здоровье, чем на отвлечение. И со временем волна депрессий удваивается, первая волна от жизни такой и вторая — от водки. Хотя предполагалось взаимное гашение.

Если трезвость, значит, надо что-то придумывать с самооценкой, иначе если не мечта, то безысходность повседневности раздавит.

Итак, мечта все дальше и неопределеннее, а надежда все очевиднее и обыденнее. Вот бы завтра у начальства все прошло хорошо. Вот бы повысили. Вот бы не заметили, как я тут все развалил, а то и свистнул кое-что или почти все. Это мечта или надежда? Вот и я не знаю.

Кризис

Возникает на ранних стадиях, тогда, когда вдруг задумываешься, оглядываешься и ужасаешься. Но потом обмен веществ молодого организма почти незаметно все нивелирует, и ты бодро бежишь дальше, меняя размышления на усталость.

Потом на более поздних стадиях он, как правило, возникает уже естественно, оглядываться и задумываться не надо — кризис всегда с тобой, как гиря, ты всегда о нем помнишь. Метаболизм уже не справляется, и требуется новый преобразователь отчаяния в тихую панику. Это терпение. Ты научаешься тупо терпеть. Вернее, с детства тренировался, и вот пригодилось полностью, а не немножко. Немножко потерпеть уже не получится. Надо много. Привычно, день за днем. Унылое говно.

Хорошо бы влюбиться, но это как с водкой. Надежнее вторая работа, а если уже две есть, то третья. Да — и неплохо баня. Отличный параллельный мир. Но только без буржуазных этих штучек. Номеров люкс и так далее. Общий зал. Гул, пиво, веники, мат и куча полуголых таких же, как ты, мужиков, которые по ходу процесса становятся счастливыми. Редкое зрелище. Только не надо напоминать им, что через час-другой они вернутся в свой омут. Пусть спокойно отгуляют весь отпуск до конца.

Причина

Конечно, она нужна на все. Она оправдывает все. Невозможно представить, что что-то может случиться без причины. Так не бывает. Все обусловлено. Все предусмотрено там, наверху. Начальство лучше знает.

Но главное, для чего нужна причина, это для объяснения твоей беспомощности, невозможности

справиться с мечтой. Даже этой, обезображенной до неузнаваемости. Ты не узнаешь ее, а вот она.

Так почему нет? Лучший ответ — мы разминулись. Мечта пришла, а меня не было дома. Или: я ее не узнал — это крайне правдоподобно. Ты же ее столько раз подводил под обстоятельства, что эта тряпка старая тебе больше не нужна. Ты не собираешься это дерьмо признавать за мечту. Я не мог о таком мечтать, кричишь ты, брызгая слюнями на стол, пытаясь объяснить собутыльникам, почему ты сейчас таксуешь, а на самом деле ты бизнесмен.

Так и есть, только ты не бизнесмен, а торгаш — ты торгуешься всю жизнь, пытаясь совпасть с мечтой. Но ничего не делаешь. Только понижаешь ставки. Соглашаешься на меньше меньшего, потому что уже мимо всего хорошего пролетел. Ладно-ладно, не обижайся — все мы такие.

Надежда

А почему ты до сих пор жив? Надеешься. Не сошел с ума. Еще веришь в мечту, сократившуюся до горизонта. До просто желания прожить подольше, посмотреть, чего да как. Как растут дети, как цветут цветы, как смеются счастливые в моменте люди — вот это все ведь так хорошо, так уютно. Как можно без этого.

Поэтому мечта наконец-то становится вполне осуществимой. Ты примеряешься и присоединяешься. И совершенно ясно: факт самоотречения — это не страшно, не больно и не позорно. Это очень человечно. Ведь человек, в сущности своей, хочет не завоевывать мир, а спокойно спать. Но добиться этого спокойного сна — самая тяжелая работа и самое большое достижение.

Если вы спите спокойно, вас не мучают бессонница или кошмары, значит, вы счастливый человек. Зна-

чит, ваша мечта сбылась. А если нет, тогда вам есть о чем мечтать. И то и то прекрасный исход. Может быть, надо завидовать вторым. Все-таки, наверное, дорога лучше станции.

Хотя кто его знает. У всего есть поклонники. Главное — при выборе не попадать впросак.

Конец

Он закрыл ноутбук. Сидел, смотрел в окно. Слякоть, грязь. Хорошо бы на море. Но тут во всех смыслах дистанция. Зачем он все это написал? Черт его знает. Надо было высказаться, и он высказался. Каждый спасается по-своему.

Содержание

Несуразный человек 3
Художница 12
Фиаско 21
Селфи 31
Перемена участи 39
Любовь 47
Девиация 58
Археолог 69
Годунов 77
Силы небесные 85
Иллюстратор 95
Сноб 104
Лобзик 113
Будни 124
Анахронизм 135
Подделка 145
Цирк 156
Чулан 167

Горечь 177
Банщик 187
Проживание 196
Средства 205
Чужие 214
Флирт 224
Рабы 233
Грусть 243
Катастрофа 253
Удовлетворение 263
Заброшенный сад 274
Дата 283
Кролики 292
Улетай 300
Очарование 309
Мудрецы 317
Коллектив 325
Мечта 336

Семён Грила
ИЛЛЮСТРАЦИИ К КАРТИНКАМ
РАССКАЗЫ
18+

Редактор: Сергей Балуев
Иллюстрации: Виктор Богорад
Дизайн и верстка: Фёдор Шумилов
Корректор: Светлана Мазур

ISBN 978-5-4391-0985-2

Сдано в набор: 20.08.2025
Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс»
199155, Санкт-Петербург, Уральская ул., 17, корп. 3, офис 4
art-xpress.ru | +7 (812) 331–33–22 | Заказ 35441

Тираж 200 экземпляров